

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2018 Том 18

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)
Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Никифоров Я. А.** Доверие к власти в региональном контексте: социологическое измерение 120
- Шахбанова М. М.** Отношение дагестанских народов к внешним и внутренним мигрантам как индикатор межнациональной толерантности 124
- Уфимцева Е. И.** Практики атеистической социализации в контексте формирования советского общества 133
- Смирнова Т. В., Понукалина О. В.** Трансформирование роли родительской семьи в социальной мобильности молодежи в России 140
- Сайганова Е. В.** Приобщение молодежи к здоровому образу жизни и занятиям спортом как направление региональной молодежной политики 146
- Рассадина Т. А., Репина Е. И.** Рационализация профессионального выбора студентов технического вуза 149
- Нечаева И. В.** Теоретическое обоснование критериев конкурентоспособности инициативных аграриев 155

Слово молодым социологам

- Коротковская Е. С.** Эффективное использование интеллектуальной собственности в современных российских социально-экономических условиях 162
- Мохнаткина К. В.** Экономическая и эмоциональная депривации россиян: корреляционный анализ 169
- Багирова К. Э.** Социальные и гуманитарные технологии в обществе знания 174
- Лукьянова М. Н.** Обратная связь с аудиторией через призму взаимодействия Интернета и телевизионных СМИ 179

Политология

- Вилков А. А.** Проблематика общественной дипломатии в политическом и научном дискурсе современной России 184
- Бахриев Б. Х.** Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов: возможности для Центральной Азии 189
- Шестов Н. И.** Мифологическое основание лояльности российских граждан идее партийности либерально-демократической политики 195
- Головченко В. И.** Идеологический фактор в деятельности РОДП «ЯБЛОКО» в современной России 200
- Казakov А. А.** Политическая культура современной российской молодежи в контексте медийной грамотности и влияния СМИ 205
- Магомедов А. К.** Постсоветская региональная политика: формирование основных направлений исследования и проблемы адекватного описания 212
- Бобыло А. М.** Образование как главный фактор в обеспечении национальных интересов государства 217

Слово молодым политологам

- Пивоваров В. А.** Политико-правовое регулирование интернет-пространства в современной России 225
- Зарипова А. Р.** Конфликт между центром и Каталонией в Испании: анализ политического дискурса 232

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 22.00.00 – социологические науки; 23.00.00 – политология)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56124 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36016, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 20.05.18.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,8 (15,0).

Тираж 500 экз. Заказ 55-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2018

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта –14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.sozipoplit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.sozipoplit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Nikiforov Ya. A.** Trust to the Authorities in the Regional Context: Sociological Measurement 120
- Shakhbanova M. M.** Attitude of Dagestan Peoples to External and Internal Migrants as Indicator of International Tolerance 124
- Ufimceva E. I.** Practices of Atheistic Socialization in the Context of the Formation of Soviet Society 133
- Smirnova T. V., Ponukalina O. V.** Changing the Role of the Parental Family the Social Mobility of Youth in Russia 140
- Saiganova E. V.** Involve Young People in Healthy Lifestyle and Sports as the Direction of the Regional Youth Policy 146
- Rassadina T. A., Repina E. I.** Rationalization of the Professional Choice of Students of Technical College 149
- Nechaeva I. V.** Theoretical Substantiation of the Criteria for Competitiveness of Initiative Agrarians 155

A Word to Young Sociological Scientists

- Korotkovskaya E. S.** Effective Use of Intellectual Property in Contemporary Russian Socio-Economic Conditions 162
- Mohnatkina K. V.** Economic and Emotional Deprivation of Russians: Correlation Analysis 169
- Bagirova K. E.** Social and Humanitarian Technologies in the Society of Knowledge 174
- Lukyanova M. N.** Feedback from the Audience from the Perspective of Interaction between the Internet and Television Media 179

Politology

- Vilkov A. A.** Problematics of Public Diplomacy within the Political and Scholarly Discourse in Modern Russia 184
- Bahriev B. Kh.** Public Diplomacy in Conflict Resolution: Solutions for Central Asia 189
- Shestov N. I.** Mythological Basis of Loyalty of Russian Citizens to the Idea of Party-based System of Liberal-Democratic Policy 195
- Golovchenko V. I.** Ideological Factor in the Activity of the Russian United Democratic Party «YABLOKO» in Contemporary Russia 200
- Kazakov A. A.** Russia's Youth Political Culture within the Context of Media Literacy and Media Influence 205
- Magomedov A. K.** Post-Soviet Regional Politics: Shaping of Main Directions of Study and Problems of Adequate Description 212
- Bobylo A. M.** Education as a Main Factor for National Interests of a State 217

A Word to Young Politological Scientists

- Pivovarov V. A.** Political and Legal Regulation of the Internet Space in Modern Russia 225
- Zaripova A. R.** The Conflict between Center and Catalonia in Spain: Political Discourse Analysis 232

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Айтчисон Брайан, PhD политологии (Лондон, Великобритания)
Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук (Москва, Россия)
Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, профессор (Пенза, Россия)
Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Готлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)
Данилов Михаил Викторович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук (Ульяновск, Россия)
Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),
Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Саранск, Россия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

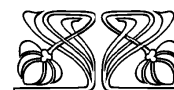
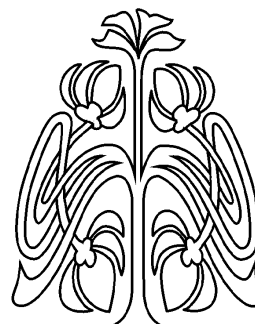
Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Irina A. Beginina (Saratov, Russia)

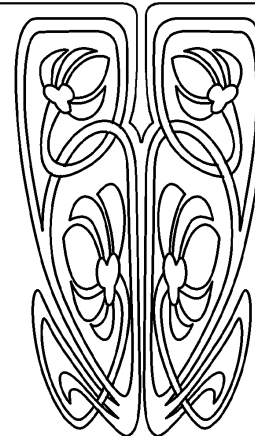
Members of the Editorial Board:

Brian Itchison (London, Great Britain)
Jim Butterfield (Kalamazoo, USA)
Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)
Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)
Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)
Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)
Mikhail V. Danilov (Saratov, Russia)
Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)
Marina E. Elutina (Saratov, Russia)
Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)
Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)
Arbakh K. Magomedov (Ulyanovsk, Russia)
Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)
Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)
Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)
Irina M. Fadeeva (Saransk, Russia)
Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)
Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 32.019.52

ДОВЕРИЕ К ВЛАСТИ В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Я. А. Никифоров

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikiforovy@mail.ru

В статье на основе результатов социологического опроса жителей Саратовской области анализируется уровень доверия жителей региона к действующей власти различных уровней. В ходе анализа степени одобрения населением региона политики действующей власти выявлена прямая корреляционная связь: чем выше уровень власти, тем выше уровень оценки качества работы ее представителя. Выявлен высокий уровень одобрения деятельности Президента РФ. Так, практически 70% жителей Саратовского региона полностью или по большей части поддерживают и одобряют его деятельность; 48% респондентов одобряют деятельность губернатора, четверть опрошенных в полной и частичной мере не одобряют работу губернатора, также около четверти одобряют и критикуют в равной степени. Оценка деятельности глав муниципальных образований в исследуемых районах области невысока: 35,6% респондентов не одобряют, 26,2% – одобряют и не одобряют в равной степени и 25,7% одобряют работу глав муниципальных образований области. Выявлен ряд социально-демографических особенностей, определяющих оценки респондентов.

Ключевые слова: доверие к власти, Саратовская область, социологическое исследование, региональный контекст, социально-демографические характеристики.

Trust to the Authorities in the Regional Context: Sociological Measurement

Ya. A. Nikiforov

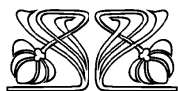
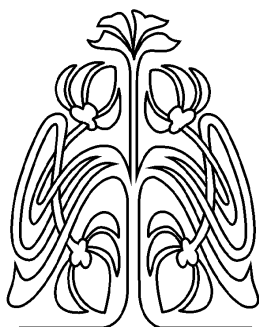
Yaroslav A. Nikiforov, ORCID 0000-0002-0325-1855, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, nikiforovy@mail.ru

In article on the basis of results of sociological poll of the Saratov region the level of trust of residents of the region authorities of various levels is analyzed. During the analysis direct correlation link is revealed: the level of the power is higher – the level of evaluation of quality of work of its representative is higher. High level of approval of Russian President activity is revealed. So, nearly 70% of inhabitants of the Saratov region completely or mostly support and approve his activity. 48% of respondents approve activity of the Governor, a quarter of respondents in a full and partial measure don't approve work of the Governor, also about a quarter approve and criticize equally. Assessment of activity of heads of municipalities in the explored districts of the area is low. 35,6% of respondents don't approve, 26,2% – approve and don't approve equally and 25,7% approve work of the regional municipalities. A number of the social and demographic features defining estimates of respondents is revealed.

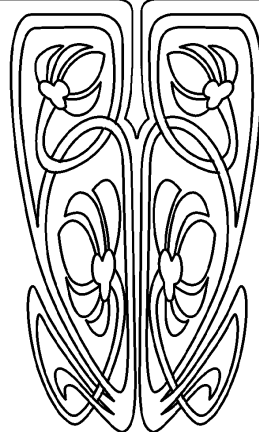
Key words: trust in power, Saratov region, sociological research, regional context, socio-demographic characteristics.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-120-123

Одним из базовых оснований власти в обществе является доверие общества к ней. Доверие – одна из ключевых проблем удержания и использования власти. Не вдаваясь в тонкости категоризации понятия «доверие», отметим его функциональную значимость: данный тип отношений характеризуется ответственностью, способствует формированию эффективных взаимоотношений между субъектами общественной жизни. Важно отметить, что доверие в социально-политической сфере имеет ряд особенностей. Существо-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ющие сегодня в научной литературе дефиниции доверия сходятся в главном: в обществе доверие начинается в результате взаимодействия между социальными акторами. Так, например, в межличностных отношениях доверие представляет собой уверенность в порядочности другого человека, ожидаемости его поведения. В политической сфере особое значение имеет соответствие текущей ситуации ожиданиям населения. Традиционно понятие «доверие» увязывают с легитимностью. Существенный вклад в социологическое понимание легитимности власти внес Макс Вебер, определивший ее фундаментальный признак: признание власти, реализуемой существующими государственными институтами и обязательство индивидов ей подчиняться¹. Понятия «легитимность» и «доверие» не тождественны, но взаимосвязаны, доверие населения является основой для обеспечения легитимности власти. Общим местом в социологии и политологии стал тезис о пороге легитимности власти, который определяется по результатам социологических опросов и составляет уровень доверия 30% населения².

В ноябре 2017 г. в ходе социологического исследования «Этноконфессиональная ситуация в Саратовской области: общая характеристика и проблемы реализации государственной национальной политики в регионе» были опрошены жители области с целью определения уровня доверия населения действующей власти различных уровней. Объем квотно-стратифицированной выборки составил 1305 человек в возрасте от 14 до 55+ лет, была использована многоступенчатая типологическая выборка с применением квотных значений на последней стадии отбора респондентов; при определении объема и структуры выборки учитывалась репрезентация основных социально-экономических зон Саратовской области, а именно проведен отбор населенных пунктов с учетом соотношения городского и сельского населения с реальным статистическим распределением этих групп в регионе и учтен половозрастной, образовательный и национальный составы населения; в исследовании применялась базовая модель анкеты для массового опроса. Все параметры выборки отражают характеристики генеральной совокупности, что позволяет говорить о репрезентативности данных и возможности построения прогнозных моделей³.

В ходе анализа степени одобрения населением региона политики действующей власти выявлена прямая корреляционная связь: чем выше уровень власти, тем выше уровень оценки качества работы ее представителя. Уровень одобрения замерен по пятибалльной шкале, где 1 балл выражал полное неодобрение, 5 баллов – полное одобрение. Показатели средней тенденции обосновывают вышеозначенную зависимость. Самый высокий средний балл (4) выявлен в оценках

деятельности Президента РФ, модальным значением является 5 баллов, это значит, что большая часть опрошенных жителей региона полностью одобряют и поддерживают его деятельность. Работа губернатора Саратовской области в среднем оценивается в 3,5 балла, модальным является значение 3 балла. Самый низкий уровень выявлен в оценках деятельности глав муниципальных образований – в среднем 2,7 балла при модальном значении 3 балла. Кроме того, можно отметить, что показатель дисперсии (разброса мнений) самый низкий в оценках деятельности Президента РФ. Это свидетельствует о том, что мнение жителей региона в этом вопросе согласовано в большей степени.

Та же тенденция наблюдается в оценках качества деятельности власти. Наибольший уровень одобрения фиксируется в оценках политики в России в целом – средняя оценка 3,5 балла при модальном значении 4 балла. На уровне региона оценки чуть ниже: средняя оценка – 3,1 балла, она же является наиболее часто встречающейся оценкой по выборке, т. е. одобрение и критика действий региональных властей в равной степени. Средний балл в оценке качества деятельности власти на местном уровне составил 2,8 балла, большая часть опрошенных жителей региона в равной степени и критикуют и одобряют политику местных властей. Наибольшая согласованность во мнениях выявлена относительно оценок качества деятельности власти на федеральном уровне.

В ходе статистического анализа данных был отмечен достаточно высокий уровень одобрения деятельности Президента РФ. Так, практически 70% жителей Саратовского региона полностью или по большей части поддерживают и одобряют его деятельность, 5,5% от числа опрошенных не одобряют политику В. В. Путина (табл. 1).

Таблица 1

**Уровень доверия к политике Президента РФ
В. В. Путина, %**

Не одобряю вообще	2,1
По большей части не одобряю	3,5
И одобряю, и критикую в равной степени	23,2
По большей части одобряю	33,5
Полностью одобряю и поддерживаю	37,7

Кроме того, выявлен ряд социально-демографических особенностей, определяющих оценки респондентов.

Среди работающих жителей региона и пенсионеров встречается больше одобряющих деятельность Президента РФ. Не поддерживающих его деятельность больше среди безработных и студентов. Среди респондентов, имеющих двоих и троих детей, полностью одобряющих политику Президента РФ больше. Кроме того, среди

них же не оказалось тех, кто бы не одобрял деятельность В. В. Путина.

Чем старше респондент, тем выше уровень одобрения деятельности Президента РФ. Полностью одобряющих политику В. В. Путина среди представителей старшего поколения около 50,0%, среднего – 38,8%, младшего – 30,0%.

Среди жителей региона с высшим образованием больше тех, кто одобряет политику В. В. Путина. Среди них не оказалось ни одного человека, кто поддержал бы позиции неодобрения его деятельности.

Чем выше уровень жизни, тем выше уровень одобрения. Чаще всего позиции одобрения поддерживали опрошенные жители региона с достаточно высоким уровнем жизни. Не одобряющих политику В. В. Путина среди них не оказалось вообще.

Среди тех, кто абсолютно не удовлетворен своей жизнью, не одобряющих политику В. В. Путина больше, чем в других группах: 7,7% из них полностью и 38,5% по большей части не одобряют деятельность Президента РФ.

Учитывая модальные значения по ряду значимых характеристик, можно составить портрет жителя Саратовского региона, в наибольшей степени одобряющего политику Президента РФ. Это чаще представители среднего или старшего поколения, работающие либо находящиеся на пенсии; имеющие двух и более детей; с высшим образованием; со средним или высоким уровнем материального благополучия, в целом удовлетворенные своей жизнью.

Уровень одобрения деятельности губернатора, по результатам опроса населения Саратовского региона, ниже, чем Президента РФ.

Одобрят деятельность губернатора 48,0% респондентов, четверть опрошенных в полной и частичной мере не одобряют работу В. В. Радаева, также около четверти одобряют и критикуют в равной степени (табл. 2).

Таблица 2

Уровень одобрения деятельности губернатора Саратовской области В. В. Радаева, %

Не одобряю вообще	9,5
По большей части не одобряю	16,8
И одобряю, и критикую в равной степени	25,4
По большей части одобряю	35,1
Полностью одобряю и поддерживаю	13,2

К числу социально-демографических характеристик, определяющих подобные оценки, можно отнести: район проживания, социальный статус, уровень жизни.

Наибольший процент одобряющих деятельность губернатора выявлен в Петровском, Пугачевском (48,8%) районах области, Энгельсе (46,3%) и Фрунзенском районе г. Саратова (60,0%). Самый высокий уровень неодобрения

зафиксирован в Балтайском (69,0%), Красноармейском (56,3%) и Саратовском (46,0%) районах.

Чаще других деятельность губернатора не одобряют безработные жители Саратовского региона (62,5% по группе безработных). Одобрение чаще выражают домохозяйки (46,7%) и пенсионеры (40,0%). По уровню жизни также зафиксированы различия: 58,3% респондентов с очень низким уровнем жизни не одобряют деятельность губернатора области, наибольший процент неодобрения выявлен по группам с высоким уровнем жизни.

Таким образом, учитывая модальные значения по ряду вышеозначенных характеристик, можно составить портрет нелояльного жителя Саратовского региона по отношению к губернатору области: безработные, с низким уровнем жизни, жители Балтайского, Красноармейского, Саратовского районов области.

Оценка деятельности глав муниципальных образований в исследуемых районах области невысока: 35,6% респондентов не одобряют, 26,2% – одобряют и не одобряют в равной степени и 25,7% одобряют работу глав муниципальных образований области (табл. 3).

Таблица 3

Уровень одобрения деятельности глав муниципальных образований Саратовской области, %

Не одобряю вообще	16,5
По большей части не одобряю	24,1
И одобряю, и критикую в равной степени	29,9
По большей части одобряю	22,8
Полностью одобряю и поддерживаю	6,6

В ходе корреляционного анализа выявлена территориальная специфика оценок работы глав муниципальных образований. Так, по наименьшей лояльности населения к числу проблемных районов области можно отнести Балтайский район, где большинство опрошенных не одобряют деятельность представителей местной власти, и Красноармейский район, где 46,7% полностью и 26,7% по большей части не одобряют работу глав муниципальных образований.

Ленинский район г. Саратова, г. Энгельс можно назвать наиболее благополучными с точки зрения результативности работы представителей местной власти. В Ленинском районе 47,4% опрошенных жителей по большей части и 10,5% полностью одобряют политику главы района. Среди жителей г. Энгельса 40,0% по большей части и 10,0% полностью поддерживают местную власть.

По остальным районам, в которых проводился опрос, явных тенденций не выявлено в силу большего разброса мнений. Здесь основная часть населения в равной степени как поддержи-

Таблица 4

Уровень одобрения деятельности глав муниципальных образований Саратовской области, %

Район проживания	Не одобряю вообще	По большей части не одобряю	И одобряю, и критикую в равной степени	По большей части одобряю	Полностью одобряю и поддерживаю	Итого
Саратов, Заводской район	7,5	37,5	32,5	17,5	5,0	100,0
Саратов, Фрунзенский район	0,0	26,7	40,0	13,3	20,0	100,0
Саратов, Ленинский район	2,6	15,8	23,7	47,4	10,5	100,0
Саратов, Волжский район	0,0	58,3	8,3	33,3	0,0	100,0
Саратов, Октябрьский район	7,1	21,4	57,1	14,3	0,0	100,0
Саратов, Кировский район	0,0	0,0	72,7	18,2	9,1	100,0
Энгельс	4,0	6,0	40,0	40,0	10,0	100,0
Пугачевский + Петровский районы	22,0	24,4	26,8	24,4	2,4	100,0
Балашовский район	14,3	23,8	14,3	38,1	9,5	100,0
Красноармейский район	46,7	26,7	13,3	13,3	0,0	100,0
Лысогорский район	0,0	33,4	53,3	13,3	0,0	100,0
Ершовский район	13,3	33,3	33,3	13,3	6,7	100,0
Балаковский район	22,7	34,1	25,0	11,4	6,8	100,0
Марксовский район	13,3	46,7	33,3	0,0	6,7	100,0
Саратовский район	27,3	18,2	36,4	9,1	9,1	100,0
Балтайский район	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0

вает, так и не поддерживает деятельность глав муниципальных образований (табл. 4).

Кроме того, прослеживается выявленная ранее тенденция: чем выше уровень материального благосостояния, тем выше степень одобрения деятельности главы муниципального образования. Статистика показывает, что не одобряют деятельность местных властей 81,8% респондентов с очень низким уровнем жизни, 61,9% опрошенных с низким уровнем, от 34,4 до 40,0% со средним, 24,0% с высоким и 22,0% с очень высоким уровнем жизни.

Примечания

- 1 См.: Вебер М. Политика как призвание и профессия. Избранные произведения. М., 1990. С. 31.
- 2 См.: Царёв А. В. Проблема доверия к власти в России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-doveriya-k-vlasti-v-rossii> (дата обращения: 24.10.2017).
- 3 См.: Этноконфессиональная ситуация в Саратовской области: общая характеристика и проблемы реализации государственной национальной политики в регионе: учеб. пособие / сост.: И. А. Бегинина, С. Г. Ивченков, Я. А. Никифоров, С. В. Ситникова, Н. В. Шахматова. Саратов: Саратовский источник, 2017. С. 45.

Образец для цитирования:

Никифоров Я. А. Доверие к власти в региональном контексте: социологическое измерение // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 120–123. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-120-123.

Cite this article as:

Nikiforov Ya. A. Trust to the Authorities in the Regional Context: Sociological Measurement. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 120–123 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-120-123.

УДК 316.334.52(470.67)

ОТНОШЕНИЕ ДАГЕСТАНСКИХ НАРОДОВ К ВНЕШНИМ И ВНУТРЕННИМ МИГРАНТАМ КАК ИНДИКАТОР МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

М. М. Шахбанова

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела социологии, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, madina2405@mail.ru

Характеристика межнациональной ситуации, установление факторов, порождающих межнациональную напряженность и этноконфликты в современном дагестанском обществе, являются одной из актуальных проблем. Основными причинами внутренней миграции в Дагестане выступают социально-экономические факторы, неудовлетворенность дагестанцев своим и своей семьи материальным положением, которые в комплексе вынуждают людей переезжать из мест своего прежнего проживания в другие районы республики на временное или постоянное жительство. Несмотря на в целом стабильную межнациональную обстановку в Дагестане, имеет место существование в латентной форме противостояния между дагестанскими народами по целому ряду причин, среди которых следует отметить проведение земельной реформы в республике, провозглашение необходимости восстановления Ауховского района, без учета мнения всех вовлеченных в данный процесс народов (аварцев, лакцев и чеченцев-аккинцев), интенсивные внутренние миграционные процессы, меняющие этническую структуру и карту равнинных территорий Дагестана. На основе данных авторского социологического исследования рассматривается отношение дагестанских народов к внутренним мигрантам-дагестанцам и внешним мигрантам-иностранцам, анализируется соотношение позитивных и негативных межнациональных установок в массовом сознании дагестанцев, оценивается база формирования межнациональной интолерантности в отношении внутренних и внешних мигрантов, показан потенциал интеграционных процессов в современном дагестанском обществе, установлены сферы социального взаимодействия, определяющие межнациональную стабильность и согласие в республике, предпочтительность сфер социального взаимодействия с мигрантами, ориентация на поддержание или игнорирование межнациональной коммуникации. Установлено, что неконтролируемая миграция порождает интолерантные установки в массовом сознании и поведении как мигрантов, так и принимающего общества, негативно отражаясь на межнациональном климате. На основе результатов исследования сделан вывод о том, что достижение межэтнической толерантности возможно только при наличии в современном дагестанском обществе уважительного отношения к мигрантам, независимо от их статуса (внутренние/внешние), обеспечения равенства их прав и возможностей.

Ключевые слова: мигранты, трудовые мигранты, толерантность, интолерантность, дагестанские народы.

Attitude of Dagestan Peoples to External and Internal Migrants as Indicator of International Tolerance

M. M. Shakhbanova

Madina M. Shakhbanova, ORCID 0000-0003-1325-9452, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific

Center of the Russian Academy of Sciences, 75, Yaragskogo Str., Makhachkala, 367030, Russia, madina2405@mail.ru

One of the actually problems are characteristics of the interethnic situation, the factors that generate interethnic tension and ethnoconflicts in modern Dagestan society. Socio-economic factors, dissatisfaction of Dagestan people a material situation with their own and their families are the main reasons for internal migration in Dagestan. For the above reasons, people are forced to move from places of their former residence to other regions of the republic for temporary or permanent residence. There is confrontation between the Dagestan peoples for a number of reasons in a latent form despite the generally stable interethnic situation in Dagestan including the land reform in the republic, the proclamation of the need to restore the Aukhov region without taking into account the opinion of all the peoples involved in this process (Avars, Laks and Chechens-Akkins) and intensive internal migration processes that change the ethnic structure and map of Dagestan plains. It is considered the Dagestan peoples attitude to internal Dagestan migrants and foreign foreigners migrants based on the information of the author's sociological research. It is analyzed the correlation of positive and negative interethnic attitudes in mass consciousness of Dagestan in this article. It is estimated the base of formation of interethnic intolerance in relation to internal and external migrants in it. It is presented the potential of integration processes in modern Dagestan society by author. It is established the spheres of social interaction that determine the national stability and consent in the republic, the preferences of spheres of social interaction with migrants, the orientation on maintaining or ignoring interethnic communication. It is established that uncontrolled migration generates intolerant attitudes in the mass consciousness and behavior of both migrants and host society, negatively affecting the interethnic climate. We concluded that interethnic tolerance can be achieved only if there is respect for migrants in modern Dagestan society, regardless of their status (internal/external), ensuring equality of their rights and opportunities based on the results of the study.

Key words: migrants, labor migrants, tolerance, intolerance, Dagestan peoples.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-124-132

По мнению отечественных исследователей миграции и миграционных процессов, в современном российском обществе с начала нулевых годов началась реализация масштабного институционального строительства в сфере миграционной политики. Так, были приняты два федеральных закона «О гражданстве» (2002 г.) и «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (2002 г.), и организована Федеральная миграционная служба¹.

Распад СССР пошел под знаком этнического самоопределения, а во многих вновь созданных

государствах стала проводиться откровенная политика этнонационализма, провоцирующая все новые и новые межэтнические столкновения. Следовательно, перед политиками и политологами стоит практическая задача их разрешения, предотвращения дальнейшей эскалации и предупреждения возникновения новых конфликтов. Задача эта тем более актуальна, что в России в последние годы наиболее опасным и часто встречающимся видом конфликтов стали локальные межэтнические столкновения. В подавляющем большинстве случаев сторонами конфликта являются представители постоянного населения российских регионов и мигранты из республик Северного Кавказа и Закавказья².

Таким образом, отношение местного населения к мигрантам на временное или постоянное место жительства является значимым критерием констатации степени их, во-первых, адаптации, во-вторых, приспособления новой среды проживания к самим мигрантам.

Равнинные районы Дагестана характеризуются довольно сложной этнополитической обстановкой по целому ряду причин, среди которых следует отметить существование проблемы восстановления Ауховского района, переселения лакского населения в Присулакскую зону и негативное отношение к данному перемещению кумыкского населения, спровоцировавшее ухудшение межнациональных отношений между кумыками и лакцами и появление проблемы Караманской зоны, отрицательная оценка экспертами, а также национальными лидерами земельной реформы, проводимой без учета мнения местного населения, игнорирование национальных проблем малочисленных дагестанских народов и т. д. В связи с вышесказанным при исследовании миграционных процессов и самочувствия мигрантов актуализируется проблема появления очагов межэтнической напряженности и факторов возникновения межнациональных конфликтов.

Как показывают итоги исследований отечественных социологов, политологов, заметное место среди этноконфликтов занимают конфликты между коренным населением и мигрантами, причем они наблюдаются в районах и населенных пунктах республики, отличающихся этнической пестротой. Довольно активна в этом процессе позиция казачества Кизлярской зоны, которое требует выселения семей, не считающихся с местными порядками, не располагавших пропиской или регистрацией лиц. Местные власти в данном случае выполняют роль своеобразного буфера, сдерживающего конфликтующие стороны и смягчающего межнациональное противостояние. Почвой для возникновения конфликтов между различными этническими группами коренного населения и мигрантами в основном выступают социальные и бытовые проблемы. Так, вынужденные переселенцы могут выдвинуть со-

циально-экономические требования к местным властям в оказании помощи при обустройстве, причем конфликтный потенциал выступлений под такими лозунгами заметно больше, тем более если происходит рост численности не по своей воле мигрирующих людей. В следующую категорию входят конфликты между мигрантами, которые в полной мере не проявились, хотя имеется почва для их возникновения, и среди них следует отметить существование различий в этнокультуре и вероисповедании.

Можно предположить, что важнейшей причиной возникновения этнических конфликтов между принимающим обществом и мигрантами является не национальный признак, а большей частью нежелание и неготовность принимающего общества воспринимать объективную тенденцию социального расслоения общества, тем более если большие капиталы оказываются в руках мигрантов. Разумеется, этническая окрашенность больших материальных состояний – новое явление в современном российском обществе, которое появилось в результате стечения обстоятельств особой коммуникации и деловой активности различных этносов. Таким образом, этнические миграции, во-первых, меняют национальную структуру равнинных районов республики, во-вторых, имеют заметные социально-экономические и этнополитические последствия. Естественно, что ситуация, складывающаяся на низменных территориях Дагестана, будет во многом определять последующие тенденции миграционных потоков и их этническую структуру.

В статье поставлена цель показать характер взаимоотношений принимающего общества (местного населения) с внутренними мигрантами-дагестанцами (под данной категорией населения автор понимает мигрантов, которые переезжают на новое место жительства внутри Дагестана) и мигрантами-иностранцами (внешние мигранты), определяющий позитивный/негативный межнациональный климат в современном дагестанском обществе.

Социологическое исследование по изучению миграционных процессов и самочувствия внутренних мигрантов в Дагестане проведено в 2017 г. в гг. Махачкале, Дербенте, Каспийске, Хасавюрте, Казбековском, Каякентском, Кизилюртовском, Кизлярском и Новолакском районах, пос. Ленинкент. Доля местного населения – 482, доля внутренних мигрантов-дагестанцев – 496. N = 978.

При анализе полученной социологической информации был сделан вывод о том, что наличие в массовом сознании принимающего населения межнациональной и межрелигиозной интолерантности является одним из важнейших факторов дестабилизации ситуации на территориях контактирования местного населения и мигрантов, следовательно, появления между ними

социальной напряженности. При этом автор придерживается позиции, что даже если бы неприятие мигрантов принимающим населением было надуманным, оно являлось бы серьезной социальной проблемой. В не меньшей мере социальную напряженность между принимающим населением и мигрантами провоцирует низкая способность этнических мигрантов к адаптации к окружающей общественной среде – их слабая включенность в повседневный социальный и культурный контекст принимающей стороны, отсутствие у них потребности следовать общепринятым образцам и традициям и/или их незнание (часто принимаемое местными жителями за нежелание знать), потребительское отношение к принимающему сообществу³.

Таким образом, можно сделать вывод, что «размывание» границ между принимающим сообществом и мигрантами во многом зависит от нацеленности и готовности последних к адаптации в новой социальной среде. Для мигрантов, не обладающих достаточным социальным капиталом по сравнению с местным населением, на первых порах наиболее значимым становится доступ к групповым ресурсам, в качестве которых выступают ресурсы этнической группы, землячества и т. п. Опора на институты посылающего сообщества, воспроизводимые в сообществе принимающем, становится основной стратегией выживания иноэтничных мигрантов, являясь «способом прибиться к какому-нибудь социальному организму, лишь бы не оказаться в изоляции»⁴.

С учетом сложности самого процесса адаптации в инокультурной среде в нашем исследовании местному населению был задан вопрос «Как Вы относитесь к мигрантам, которые приехали в Ваш населенный пункт из другого государства (Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан и т. д.)?», позволяющий выявить наличие/отсутствие в их установках принципов терпимости в отношении мигрантов-иностранцев. Полученные результаты показывают, что в массовом сознании дагестанцев превалирует позиция «безразлично» (38,1%), по этнической принадлежности разделяемая 64,7% опрошенных русских, 43,5% кумыков, 40,3% аварцев, 35,3% лезгин, 30,0% даргинцев, 26,1% лакцев, 21,6% чеченцев. Таким образом, можно констатировать выраженность толерантного настроя к мигрантам-иностранцам, по сравнению с другими национальными подгруппами, в подмассиве русских и чеченцев. По социально-демографическим признакам отмечены существенные отличия в позициях опрошенных: так, с возрастом уменьшается доля равнодушно относящихся к мигрантам-иностранцам – 45,7% «до 20 лет», 36,9% «от 20 до 30 лет», 33,3% «от 30 до 40 лет», 45,7% «от 40 до 50 лет», 32,4% «от 50 до 60 лет», 21,4% «от 60 лет и выше», в то время как с образовательным статусом наблюдается рост придер-

живающихся данной позиции – 23,1% с базовым средним, 42,2% средним, 26,5% средним специальным и 40,5% высшим образованием.

Разрыв между частью относящихся безразлично и позитивно заметен (больше чем в 1,5 раза) и по всему массиву составляет 23,1%, из них каждый третий опрошенный среди лакцев и лезгин, каждый четвертый среди аварцев, русских и чеченцев, каждый пятый среди даргинцев. Доля положительно относящихся снижается как с ростом уровня образовательного статуса респондентов – от 38,5% с базовым средним до 22,3% имеющих высшее образование, так и с возрастом – 28,6% «до 20 лет», 33,8% «от 20 до 30 лет», 22,2% «от 30 до 40 лет», 13,0% «от 40 до 50 лет», 17,6% «от 50 до 60 лет», 14,3% «от 60 лет и выше». Каждый пятый опрошенный по всему массиву и такая же доля лезгин, респонденты имеющие высшее образование, каждый четвертый среди аварцев, даргинцев и в возрастной когорте «от 30 до 40 лет», «от 50 до 60 лет», «от 60 лет и выше», каждый третий среди кумыков и чеченцев, в возрасте «от 40 до 50 лет», имеющие среднее специальное образование «с сочувствием» относятся к мигрантам, приехавшим в их населенный пункт из других сопредельных государств. При этом «с раздражением» к внешним мигрантам относятся 12,7% опрошенных по всему массиву, по национальности принадлежности доля таковых, по сравнению с подгруппами аварцев (8,3%), кумыков (8,7%), русских (11,8%), лезгин (14,7%) и чеченцев (13,5%), заметно больше среди даргинцев (23,3%) и лакцев (17,4%). По возрасту их больше среди респондентов «от 20 до 30 лет» (10,8%), «от 30 до 40 лет» (22,2%), «от 60 лет и выше» (28,6%); по образовательному признаку носителями интолерантных установок являются 14,3% опрошенных со средним специальным и 14,9% с высшим образованием. Статистически небольшая часть опрошенных дагестанцев агрессивно относится к внешним мигрантам, по сравнению с другими опрошенными доля таковых относительно больше среди лакцев (13,0%), в возрастной подгруппе «от 50 до 60 лет» (8,8%) и среди имеющих среднее специальное образование (4,1%).

Если посмотреть результаты исследования в разрезе места проживания, то в массовом сознании горожан преобладает безразличное отношение к мигрантам из другого государства (41,7%), в то время как 37,5% сельского населения им сочувствуют; позитивно к иностранцам-мигрантам настроено 23,2% городского и 21,9% сельского населения. При этом обращает на себя внимание позиция 18,8% сельчан и 11,8% горожан, демонстрирующих интолерантное поведение и с раздражением относящихся к внешним мигрантам; данное суждение дополняется позицией «агрессивно», которой придерживаются 9,4% сельчан и статистически небольшая часть горожан (2,2%).

Таким образом, результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что опрошенные дагестанские народы демонстрируют в целом позитивное отношение к внешним мигрантам, хотя и существуют заметные отличия. Так, по отношению к мигрантам-дагестанцам отмечается положительное отношение (44,2%), в то время как к приезжим из других государств «безразличие» (38,1%), причем доля относящихся хорошо к внутренним мигрантам-дагестанцам почти в 2 раза больше по сравнению с относящимися аналогично к приезжим из зарубежья (23,1%). Автор исходит из предположения, что в целом дагестанцам характерно толерантное восприятие и отношение к приезжим вообще, независимо от того, внутренние они мигранты или внешние. Внутренние мигранты-дагестанцы пытаются осесть на равнинных территориях, тем самым неизбежно провоцируя ухудшение межнациональных взаимоотношений и межэтнического климата и, как правило, появление межнационального противостояния. В отличие от внутренних мигрантов, внешние мигранты – это категория людей, которая изначально приехала на заработки и составляет отряд «трудовых мигрантов-иностранцев», видимо, по этой причине в массовом сознании дагестанцев имеет место безразличное к ним отношение.

Как и любой социальный процесс, миграция имеет как положительные, так и отрицательные стороны, поэтому в нашем эмпирическом исследовании респондентам был задан вопрос «Что положительного Вы видите в присутствии иностранных мигрантов в Вашем населенном пункте?». По результатам нашего исследования, положительный момент в присутствии внешних мигрантов 55,0% опрошенных по всему массиву, по национальной принадлежности 52,2% лакцев, 52,9% русских, 55,6% аварцев, 55,9% лезгин, 56,5% кумыков и 56,8% чеченцев усматривают в том, что «они работают там, где не хочет работать местное население»; с повышением образовательного статуса и возраста наблюдается рост доли придерживающихся данной позиции: 38,5% с базовым средним, 48,9% средним, 57,1% средним специальным, 58,1% высшим образованием, 22,9% «до 20 лет», 58,5% «от 20 до 30 лет», 57,1% «от 30 до 40 лет», 69,6% «от 40 до 50 лет», 55,9% «от 50 до 60 лет», 57,1% «от 60 лет и выше». Далее, каждый четвертый опрошенный по всему массиву, а также среди аварцев, русских, чеченцев, лезгин, в возрастном разрезе «от 20 до 30 лет», «от 50 до 60 лет», имеющие высшее образование, каждый третий среди даргинцев, кумыков, лакцев, имеющие среднее, среднее специальное образование, в возрастной подгруппе «от 30 до 40 лет», отмечают, что мигранты «дешево и качественно ремонтируют, строят жилье (квартиры, дома)». Каждый двенадцатый опрошенный, позитивно настроенный в отношении внешних мигрантов, считает, что они «при-

вносят этническое и культурное разнообразие», и утверждающих данное мнение, по сравнению с другими этническими подгруппами, больше среди даргинцев (13,3%), кумыков и лакцев (по 13,0%); также, по сравнению с другими возрастными и образовательными подгруппами, больше придерживающихся этого суждения в возрасте «до 20 лет» (25,7%) и имеющих среднее образование (15,6%). Кроме того, дагестанцы считают, что внешние мигранты «привозят в город дешевые продукты и товары», и подчеркивают их дружность и сплоченность – по 6,2%.

В разрезе село/город позитивно нахождение иностранных мигрантов в своем населенном пункте оценивают 54,8% горожан и 56,3% сельчан с мотивацией «они работают там, где не хочет работать местное население»; за ним располагается суждение «они дешево и качественно ремонтируют, строят жилье (квартиры, дома)», разделяемое 28,5% городского и 18,8% сельского населения. Полученные на вопрос «Что положительного Вы видите в присутствии иностранных мигрантов в Вашем населенном пункте?» результаты показывают, как уже ранее было отмечено, противоречивое поведение опрошенных дагестанцев, которые определены в подгруппу «местные»: с одной стороны, они выступают против мигрантов, с другой, отмечают положительный момент их присутствия в республике.

Этническое самочувствие местного населения, степень развитости у них толерантных установок в массовом сознании и поведении проявляется через их настроенность принимать мигрантов в своих населенных пунктах, поэтому, на взгляд автора, индикаторами диагностики терпимости к представителям иноэтнической общности являются характерные принимающему обществу установки на принятие мигрантов или ориентация на их изоляцию. В ответах на вопрос «Где должны селиться мигранты, приехавшие в Ваш населенный пункт?» 36,7% опрошенных даргинцев, 36,1% аварцев, 34,8% кумыков, 30,4% лакцев, 29,4% русских, 27,0% чеченцев, 37,8% респондентов со средним, 32,7% средним специальным, 35,1% высшим образованием, 31,4% «до 20 лет», 41,5% «от 20 до 30 лет», 39,7% «от 30 до 40 лет», 28,3% «от 40 до 50 лет», 17,3% «от 50 до 60 лет», 35,7% «от 60 лет и выше», каждый четвертый среди чеченцев считают необходимым приехавшим в их населенный пункт мигрантам предоставить право свободного выбора места жительства; результаты опроса по образованию и возрасту констатируют уменьшение доли разделяющих данное суждение по образовательному статусу и «волнообразность» по возрастному критерию, что свидетельствует об отсутствии четкости в позициях опрошенных дагестанцев.

На второй позиции располагается суждение, предполагающее поселение мигрантов «в других городах, селах, где есть свободное жилье, дефицит рабочей силы», разделяемое каждым четвер-

тым опрошенным по всему массиву, такой же частью аварцев и даргинцев, в возрасте «до 20 лет», «от 20 до 30 лет», «от 60 лет и выше», имеющими высшее образование, каждым третьим опрошенным среди лакцев и лезгин, «от 40 до 50 лет» и «от 50 до 60 лет», а также в когорте со средним специальным образованием. При этом на изоляцию мигрантов от местного населения ориентирован каждый шестой опрошенный среди русских, каждый седьмой среди чеченцев и даргинцев, в возрастном разрезе «от 30 до 40 лет» (12,7%), «от 50 до 60 лет» (14,7%), 11,1% опрошенных со средним, 10,2% средним специальным, 10,1% высшим образованием. Приведенные данные показывают наличие в латентной форме в массовом сознании опрошенных дагестанцев интолерантных установок. Кроме того, по всему массиву доля затруднившихся выразить свою позицию – каждый пятый опрошенный, по этнической принадлежности, по сравнению с другими подгруппами, их больше среди кумыков и чеченцев (каждый третий опрошенный). Однако категоричного утверждения «нигде не принимать, возвращать обратно» придерживается небольшая доля опрошенных со средним (4,4%), средним специальным (6,1%), высшим образованием (8,1%), 6,2% в подгруппе «от 20 до 30 лет», 6,3% «от 30 до 40 лет», 13,0% «от 40 до 50 лет», 8,8% «от 50 до 60 лет», в то время как ни один из респондентов в возрастных группах «до 20 лет» и «от 60 лет и выше» не отметил данный вариант ответа. В ответах на этот вопрос 35,5% городского и 21,9% сельского населения придерживаются суждения «им нужно дать право свободного выбора места жительства»; 27,6% горожан и почти в 3 раза меньшая часть сельчан (9,4%) отметили позицию «в других городах, селах, где есть свободное жилье, дефицит рабочей силы»; каждый третий опрошенный в сельской и 19,7% в городской местности затруднились ответить.

Состояние межнационального взаимодействия позволяет охарактеризовать позиции да-

гестанских народов в отношении миграции в их населенный пункт представителей своего и иного народа. Как правило, при позитивном отношении к миграции представителей своей этнической общности массовое сознание одновременно демонстрирует негативное отношение к представителям инонациональной принадлежности. Для установления существующих в массовом сознании дагестанцев установок им был задан вопрос, показывающий характерное местному населению этническое поведение (табл. 1).

Результаты нашего исследования показывают доминирование в массовом сознании опрошенных позитивного отношения к переселению в свой населенный пункт представителей своего народа (каждый второй опрошенный); каждому третьему опрошенному характерно безразличное отношение, и каждый седьмой настроен отрицательно к миграции в свой населенный пункт своих соплеменников. Первое суждение разделяет большая часть респондентов кумыков, лакцев и лезгин, каждый второй среди аварцев и даргинцев, каждый третий среди русских и чеченцев; с ростом образования и возраста можно заметить уменьшение доли разделяющих данный вариант ответа: 53,8% опрошенных с базовым средним, 55,6% средним, 46,9% средним специальным, 46,6% высшим образованием, 60,0% «до 20 лет», 53,8% «от 20 до 30 лет», 41,3% «от 30 до 40 лет», 50,0% «от 40 до 50 лет», 38,2% «от 50 до 60 лет», 42,9% «от 60 лет и выше». Обращает на себя внимание позиция чеченцев, среди которых каждый четвертый опрошенный негативно относится к возможной миграции в свой населенный пункт представителей своего народа, а также каждого шестого среди русских, каждого седьмого среди аварцев, по сравнению с другими подгруппами, доля которых менее 10,0%. Также можно отметить, что с возрастом и образовательным статусом растет доля негативно оценивающих переселение в свой населенный пункт представителей своего народа: 2,9% «до 20 лет», 9,2%

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы отнеслись к тому, что в Ваш населенный пункт по тем или иным причинам поселили бы большую группу лиц Вашей/иной национальности?» (местное население, по группам национальностей), в % от общего количества опрошенных

Национальности	Вашей национальности			Иной национальности		
	Положительно	Отрицательно	Мне безразлично	Положительно	Отрицательно	Мне безразлично
Аварцы	47,2	13,9	33,3	30,6	20,8	38,9
Даргинцы	46,7	6,7	46,7	23,3	16,7	46,7
Кумыки	56,5	8,7	34,8	26,1	30,4	43,5
Лакцы	65,2	8,7	21,7	39,1	17,4	39,1
Лезгины	58,8	8,8	32,4	29,4	11,8	52,9
Русские	35,3	17,6	47,1	11,8	5,9	70,6
Чеченцы	37,8	27,0	32,4	10,8	62,2	24,3
Всего	48,8	15,0	33,5	24,6	25,8	41,9

«от 20 до 30 лет», 20,6% «от 30 до 40 лет», 19,6% «от 40 до 50 лет», 20,6% «от 50 до 60 лет», 14,3% «от 60 лет и выше», 6,7% со средним, 18,4% средним специальным, 15,5% высшим образованием. Суждение «безразлично» ближе каждому второму опрошенному среди даргинцев и русских, каждому третьему среди аварцев, кумыков, лезгин и русских, респондентам в возрасте «до 20 лет», «от 20 до 30 лет», «от 30 до 40 лет», имеющим среднее и высшее образование.

В отношении возможности миграции в свой населенный пункт представителей иноэтнической общности в общественном сознании дагестанцев проявляется безразличие (каждый второй опрошенный), причем доля таковых заметно больше среди лезгин и русских, в возрастном разрезе «от 30 до 40 лет» (больше половины опрошенных), такое отношение высказывают каждый второй среди даргинцев и кумыков, по 42,9% в подгруппах «до 20 лет» и «от 60 лет и выше», 43,1% «от 20 до 30 лет», 44,6% с высшим образованием, каждый третий среди аварцев и лакцев, в возрасте «от 50 до 60 лет», имеющие среднее и среднее специальное образование, каждый четвертый в когорте «от 40 до 50 лет».

На второй позиции располагается негативное восприятие совместного проживания (каждый четвертый опрошенный по всему массиву), и здесь выделяются респонденты чеченцы, больше половины которых указали на данный вариант ответа, а также каждый третий среди кумыков, респонденты имеющие базовое среднее образование, каждый четвертый в возрасте «от 30 до 40 лет», «от 50 до 60 лет», «от 60 лет и выше», каждый пятый среди аварцев, в разрезе «от 20 до 30 лет», имеющие среднее, среднее специальное и высшее образование. Наличие в массовом сознании кумыков и чеченцев такой позиции вполне объяснимо, ибо после репрессии 1944 г. чеченцы-аккинцы оказались в довольно сложном положении – на их историческую тер-

риторию принудительно были переселены аварцы и лакцы. В постсоветский период реабилитация чеченцев-аккинцев негативно сказалась на этническом самочувствии аварцев и лакцев, породила их межнациональное противостояние с чеченским населением, ухудшила межнациональный климат на территориях совместного проживания аварцев, лакцев и чеченцев⁵. Для разрешения сложившейся ситуации было принято решение об образовании в Присулакской зоне Новолакского района, вернее, его перенесение на новые территории. Если вначале с кумыкской общностью была достигнута договоренность, то начиная с 2013 г. наблюдается усиление межнациональной напряженности в Караманской зоне между лакцами и кумыками. Можно сказать, что очаг межэтнического противостояния и этноконфликтов из-за непродуманной политики республиканских властей искусственно был перенесен на другую территорию Дагестана, обостряя ситуацию в другом, не менее сложном в этническом отношении административном районе.

По мнению автора, уровень межэтнической терпимости можно диагностировать через установление существующих в массовом сознании дагестанских народов тенденций на совместное проживание, поэтому оценка дагестанцами процесса совместного проживания с представителями как дагестанских народов, так и мигрантами-иностранцами является важной в рамках данного опроса (табл. 2).

В массовом сознании дагестанских народов с большим отрывом доминирует положительное отношение к совместному проживанию с внутренними мигрантами-дагестанцами (каждый второй опрошенный по всему массиву), по этнической принадлежности больше половины опрошенных среди даргинцев, лакцев, лезгин и русских, каждый второй среди аварцев, кумыков и чеченцев, среди имеющих среднее, среднее

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы отнеслись к тому, что рядом с Вами поселились бы выходцы из Дагестана/республик Средней Азии/Азербайджана?» (местное население, по группам национальностей), в % от общего количества опрошенных

Национальности	Из Дагестана			Из республик Средней Азии (таджики, узбеки и т. д.)			Из Азербайджана		
	Положительно	Отрицательно	Безразлично	Положительно	Отрицательно	Безразлично	Положительно	Отрицательно	Безразлично
Аварцы	47,2	9,7	34,7	26,4	30,6	33,3	27,8	20,8	27,8
Даргинцы	60,0	3,3	30,0	20,0	46,7	26,7	16,7	33,3	40,0
Кумыки	43,5	17,4	30,4	17,4	39,1	34,8	21,7	30,4	30,4
Лакцы	60,9	0	34,8	26,1	34,8	39,1	26,1	26,1	39,1
Лезгины	67,6	2,9	26,5	26,5	38,2	35,3	32,4	14,7	50,0
Русские	58,8	0,0	35,3	29,4	41,2	29,4	23,5	23,5	35,3
Чеченцы	40,5	13,5	27,0	16,2	29,7	37,8	18,9	32,4	29,7
Всего	49,6	8,5	31,9	21,5	34,6	35,4	24,2	24,6	35,0

специальное, высшее образование, в возрастных подгруппах «до 20 лет», «от 20 до 30 лет», «от 60 лет и выше». Безразличие демонстрирует как каждый третий опрошенный по всему массиву, так и среди аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев и русских, в возрастных подгруппах «до 20 лет», «от 30 до 40 лет», «от 50 до 60 лет», каждый четвертый среди лезгин и чеченцев, «от 20 до 30 лет», «от 40 до 50 лет», каждый пятый «от 60 лет и выше». Менее 10,0% опрошенных отрицательно относятся к совместному проживанию с представителями дагестанских народов, и таковых, по сравнению с другими этногруппами, больше среди кумыков (каждый шестой) и чеченцев (каждый седьмой), 6,2% в возрастном разрезе «от 20 до 30 лет», 12,7% «от 30 до 40 лет», 10,9% «от 40 до 50 лет», 11,8% «от 50 до 60 лет», 7,1% «от 60 лет и выше», 6,7% со средним, 10,2% средним специальным и 9,5% высшим образованием.

Совершенно противоположная картина проявляется в отношении мигрантов из республик Средней Азии: каждый третий опрошенный по всему массиву относится одновременно отрицательно и безразлично к совместному проживанию с выходцами из этих республик и только каждый пятый респондент отметил вариант ответа «положительно». Последнее суждение разделяют 31,4% респондентов «до 20 лет», 23,1% «от 20 до 30 лет», 14,3% «от 30 до 40 лет», 21,7% «от 40 до 50 лет», 17,6% «от 50 до 60 лет», 28,6% «от 60 лет и выше», 28,9% со средним, 22,4% средним специальным, 17,6% высшим образованием, причем с повышением возраста и образования наблюдается уменьшение доли позитивно настроенных к совместному проживанию с мигрантами из республик Средней Азии. Безразличный настрой демонстрируют 37,1% опрошенных в возрасте «до 20 лет», 44,6% «от 20 до 30 лет», 30,2% «от 30 до 40 лет», 32,6% «от 40 до 50 лет», 32,4% «от 50 до 60 лет», 35,7% «от 60 лет и выше», 40,0% со средним, 32,7% средним специальным и 32,2% высшим образованием. Суждение «отрицательно» ближе каждому второму опрошенному среди даргинцев и русских, в возрастном разрезе «от 30 до 40 лет» и «от 50 до 60 лет», каждому третьему среди аварцев, кумыков, лакцев, лезгин и чеченцев, в возрасте «от 40 до 50 лет» и «от 60 лет и выше», 38,8% со средним специальным и 35,8% высшим образованием, каждому четвертому в возрастной подгруппе «до 20 лет», каждому пятому «от 20 до 30 лет» и имеющим среднее образование.

Такая же противоречивая позиция характерна дагестанцам в отношении мигрантов из Азербайджана: с разницей в сотые доли позитивно и негативно настроен к совместному проживанию каждый четвертый опрошенный, в то время как каждый третий респондент по всему массиву демонстрирует безразличие. Далее, 28,6% опрошенных в когорте «до 20 лет», 29,2% «от 20 до

30 лет», 14,3% «от 30 до 40 лет», 26,1% «от 40 до 50 лет», 23,5% «от 50 до 60 лет», 28,6% «от 60 лет и выше», 31,1% со средним, 24,5% средним специальным, 20,9% высшим образованием демонстрируют положительное отношение к совместному проживанию с мигрантами азербайджанцами. Негативный настрой к совместному проживанию с выходцами из Азербайджана характерен каждому третьему опрошенному среди даргинцев, кумыков и чеченцев, в возрастных подгруппах «от 30 до 40 лет» и «от 50 до 60 лет», каждому четвертому среди лакцев и русских, в возрасте «от 40 до 50 лет», имеющим среднее специальное и высшее образование, каждому пятому среди аварцев. Доля безразлично настроенных варьирует в пределах от 28,3% в подгруппе «от 40 до 50 лет» до 42,9% «до 20 лет»; при этом с ростом образовательного статуса уменьшается доля позитивно воспринимающих миграцию в свой населенный пункт азербайджанцев-иностранцев: 44,4% со средним, 36,7% средним специальным и 35,1% с высшим образованием.

Полученные результаты исследования показывают двойственное отношение опрошенных дагестанцев к совместному проживанию с представителями других государств, но ради справедливости следует отметить, что в массовом сознании дагестанских народов доминирует безразличное отношение, что, с одной стороны, позволяет сделать вывод о наличии толерантности, с другой, допускает возможность возникновения очага межэтнической напряженности и противостояния на территориях их совместного проживания.

Одним из важнейших индикаторов определения этнического поведения и самочувствия любого народа является его отношение к разным сферам социального взаимодействия. Значение сохранения генетического единства доказывается, с одной стороны, биологическими успешными брачными узлами между представителями различных рас и этносов, появлением жизнеспособного потомства, с другой, социально успешным освоением самыми отсталыми племенами (при наличии должных условий) достижений получившей наибольшее развитие европейской цивилизации⁶.

С целью глубокого анализа существующих в разных социальных сферах тенденций в нашем исследовании была применена шкала Богардуса, включающая в себя 7 позиций (табл. 3).

Результаты нашего исследования показывают, что практически во всех сферах социального взаимодействия опрошенные дагестанские народы ориентированы на поддержание социальных контактов. Однако в разных сферах существуют отличия. Так, в процентном соотношении можно отметить большой разрыв между такими сферами, как семейно-брачная, деловая, дружеская и официальная. Если больше половины опрошенных дагестанцев готовы принять представителя

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Готовы ли Вы принять человека другой национальной принадлежности в качестве...?» (местное население, по группам национальностей), в % от общего количества опрошенных

Национальности	Супруги(а) Ваших детей		Вашей супруги(а)		Партнера в совме- стном деле		Непосред- ственного начальника		Соседа по дому, квартире		Коллеги по работе		Жителя Вашей ре- спублики	
	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Аварцы	47,2	44,4	50,0	44,4	68,1	20,8	61,1	29,2	69,4	18,1	76,4	15,3	74,4	12,5
Даргинцы	50,0	36,7	63,3	30,0	76,7	13,3	76,7	13,3	76,7	13,3	83,3	10,0	83,3	6,7
Кумыки	56,5	30,4	52,2	34,8	65,1	17,4	56,5	26,1	69,6	13,0	69,6	17,3	78,3	13,0
Лакцы	56,5	34,8	52,2	34,8	82,6	8,7	73,9	17,4	78,3	13,0	82,6	4,3	78,3	8,7
Лезгины	64,7	32,4	58,8	38,2	88,2	8,8	70,6	26,5	91,2	5,9	94,1	0,0	94,1	0,0
Русские	52,9	41,2	47,1	47,1	64,7	23,5	64,7	23,5	82,4	11,8	88,2	11,8	88,2	5,9
Чеченцы	21,6	59,5	18,9	43,2	40,5	24,3	29,7	29,7	54,1	5,4	56,8	2,7	62,2	5,4
Всего	48,5	41,9	47,7	40,8	65,5	18,1	59,6	26,5	72,3	13,5	78,5	8,8	79,6	7,7

иноэтнической общности в качестве «партнера в совместном деле», «непосредственным начальником», «соседом по дому, квартире», «коллеги по работе», «жителя своей республики», то на заключение как собственного, так и своими детьми межнационального брака ориентирована существенно меньшая часть респондентов – каждый второй опрошенный по всему массиву. В позициях даргинцев, кумыков, лакцев, лезгин и русских больше половины опрошенных позитивно оценивают межнациональный брак, за исключением респондентов аварцев, процентное соотношение которых «за» и «против» небольшое, а также чеченцев, большая часть которых против межэтнического брачного союза. Доля готовых принять человека другой национальной принадлежности в качестве партнера в совместном деле варьирует в пределах от 40,5% у чеченцев до 88,2% у лезгин; по сравнению с другими этническими подгруппами, чеченцы меньше всего готовы проживать рядом с представителями иноэтнической общности; в отношении варианта «коллега по работе» ответы распределились почти поровну, хотя обращает на себя внимание позиция аварцев (каждый седьмой), кумыков (каждый шестой) и русских (каждый восьмой), не готовых работать в многонациональном коллективе. Среди аварцев и кумыков (каждый восьмой), по сравнению с другими опрошенными, больше доля противников того, чтобы иметь человека другой этничности в качестве «жителя своей республики». Следует отметить и отношение дагестанских народов к принятию в качестве человека инонациональной принадлежности в статусе «непосредственного начальника», где показатели, по сравнению с другими индикаторами, также ниже. Таким образом, наше исследование показывает в целом позитивное восприятие представителей иноэтнической общности в самых разных сферах социального взаимодействия, но при этом можно выявить наличие определенных интолерантных установок в деловой и семейно-брачной сферах.

Очень часто исследователи ставят межнациональную стабильность и позитивный межэтнический климат в зависимость от статуса населенного пункта – чем более она высока, тем менее выражены проблемы социальных взаимоотношений, этноконтактов и т. д. Так, в крупных поселениях (городах, райцентрах и т. д.) значительно реже отмечают проявление негативного отношения к мигрантам со стороны местных жителей. Вместе с тем следует иметь в виду, что и сами мигранты очень часто бывают ориентированы на самоизоляцию, особенно трудовые мигранты, которые нелегально въехали в страну или в республику. Причина их самоизоляции кроется в том, что они боятся преследования со стороны правоохранительных органов и миграционной службы. Даже если мигранты-иностранцы, которые в основном являются трудовыми мигрантами, официально зарегистрировали свой статус и свое положение, это не значит, что их не могут депортировать из республики. К тому же очень часто мигрантов-иностранцев покрывают представители правоохранительных органов, которые, видимо, имеют какие-то личные интересы в отношении их. Не менее важную роль в формировании позитивного характера социального контактирования играет заинтересованность самого мигранта в поддержании коммуникации с местным населением. Если изначально мигрант настроен недоверчиво, а для этого могут быть вполне обоснованные причины (преследование со стороны местного населения, угрозы и т. д.), к нему, как правило, будет такое же отношение и со стороны местных жителей. Однако мы далеки от идеализации отношения местного населения к мигрантам, ибо первые также могут выступать носителями интолерантных установок, демонстрируя негативизм по отношению к мигрантам. Несмотря на политику формирования толерантности в отношении представителей инонациональной общности, впрочем, как и иного вероисповедания, в современном рос-

сийском обществе в латентной форме проявляют себя интолерантные установки, особенно ярко они себя обнаруживают в крупных российских мегаполисах.

Таким образом, результаты проведенного социологического опроса показывают, что уровень терпимости местного населения в исследованных нами административных районах Дагестана по отношению к мигрантам (внутренним/внешним) сильно отличается: на первый взгляд, складывается впечатление о наличии развитых толерантных установок в массовом сознании местного населения, но более глубокий анализ показывает, что все далеко не так благополучно в межнациональной сфере. Истории переселенцев-дагестанцев, а также мигрантов-иностранцев являются лишним тому подтверждением. При этом наше исследование выявило наличие отличий в городской и сельской местности в отношении мигрантов как таковых. Мы исходили из предположения, что мигрантофобия сильнее проявляется на селе, нежели в городе, ибо в сельской местности социальных контактов, как правило, больше, люди чаще сталкиваются друг с другом, поэтому им сложнее затеряться, все на виду. Результаты нашего исследования показывают, что сельскому местному населению, по сравнению с городским, присуще более дружелюбное отношение к мигрантам, независимо от их типа (внутренние/внешние).

При росте политической и межнациональной нестабильности, социально-экономической и межэтнической напряженности, сопровождаемые ошибками или пассивностью власти, вопросы миграции могут обозначиться более остро, что повлечет далеко не позитивные преобразования в современном дагестанском обществе, возможно более яркое появление националистических тенденций и установок в массовом сознании дагестанцев, провоцирование межрелиги-

озных и этнических конфликтов, что приведет к дестабилизации ситуации в Дагестане.

Примечания

- 1 См.: Кондаков А. Отражение миграционной политики в официальной прессе : субъекты в медиа // Вестн. СПбГУ. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2015. Вып. 1. С. 147–154.
- 2 См.: Хоперская Л. Л., Харченко В. А. Управление локальными межэтническими конфликтами : теория и практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII, № 3. С. 161.
- 3 См.: Мукомель В. И. Миграционная политика и политика интеграции : социальное измерение // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 7 / отв. ред. М. К. Горшков. М. : ИС РАН, 2008. С. 254.
- 4 Сорокин П. А. Социальная мобильность / под ред. В. В. Сапова. М. : Academia, 2005. С. 503.
- 5 См.: Шахбанова М. М. Проблемы реабилитации репрессированных народов Дагестана (на примере чеченцев-аккинцев). Махачкала : Наука плюс, 2006 ; *Ее же*. Проблема реабилитации репрессированных народов (на примере чеченцев-аккинцев) // Дагестанский социологический сборник – 2002. Махачкала : 2002. С. 79–87 ; *Ее же*. К вопросу об этнической идентификации чеченцев-аккинцев // Вестн. молодых ученых Дагестана. 2003. № 1. С. 108–109 ; *Ее же*. Этнические стереотипы в национальном самосознании чеченцев-аккинцев (по результатам социологического исследования) // Вестн. молодых ученых Дагестана. 2003. № 2. С. 114–121 ; *Ее же*. О национальном самосознании репрессированного народа // Северный Кавказ и Дагестан : современная этнополитическая ситуация и пути ее стабилизации : материалы науч.-практ. конф., посвященной 10-летию РЦЭИ ДНЦ РАН (Махачкала, 1–3 октября 2002 г.). Махачкала, 2004. С. 12–17.
- 6 См.: Дмитриев А. В. Конфликтогенность миграции : глобальный аспект // Социс. 2004. № 10. С. 4.

Образец для цитирования:

Шахбанова М. М. Отношение дагестанских народов к внешним и внутренним мигрантам как индикатор межнациональной толерантности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 124–132. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-124-132.

Cite this article as:

Shakhbanova M. M. Attitude of Dagestan Peoples to External and Internal Migrants as Indicator of International Tolerance. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 124–132 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-124-132.

УДК 316.74:2

ПРАКТИКИ АТЕИСТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Е. И. Уфимцева

Уфимцева Екатерина Игоревна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ufim75@mail.ru

В статье осуществляется анализ практик атеистической социализации в условиях первоначального этапа формирования советского общества. Рассматриваются основные направления атеизации населения страны и борьбы с религией в советской России. Описываются практики деструкции религиозно обусловленной традиционной системы ценностей, этических норм поведения, условий повседневного быта русского народа. Анализируется роль образовательных учреждений, молодежных и детских коммунистических организаций в процессе атеистической социализации советских граждан.

Ключевые слова: атеистическая социализация, атеизация населения, борьба с религией в СССР, атеистическое воспитание.

Practices of Atheistic Socialization in the Context of the Formation of Soviet Society

E. I. Ufimceva

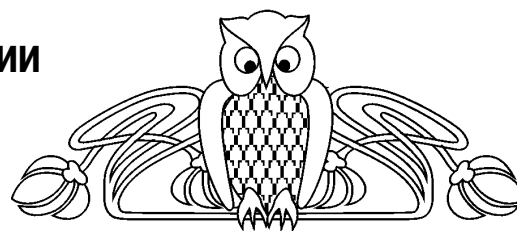
Ekaterina I. Ufimceva, ORCID 0000-0002-0164-2430, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, ufim75@mail.ru

This paper presents the analysis of the atheistic practices of socialization in the conditions of the initial stage of formation of Soviet society. The main directions of atheization of the population and struggle against religion are considered in Soviet Russia. The article describes the practice of destruction of the traditional system of values, ethical norms of behavior, conditions of everyday life of the Russian people. The role of educational institutions, youth and children's Communist organizations in the process of atheistic socialization of Soviet citizens is analyzed.

Key words: atheistic socialization, teisala of the population, struggle against religion in the Soviet Union, an atheistic upbringing.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-133-139

Смена общественной формации, политического режима в России в начале XX в. привела к трансформации отношений между государственной властью и религиозными организациями. Как справедливо замечает советский социолог П. К. Курочкин, становление и развитие социалистических отношений в Советском Союзе лишило русское православие, как и другие религиозные направления, возможности регулировать и контролировать проявления политической, социально-экономической и духовной деятельности общества. При этом социализм, подчерки-

вает исследователь, не только провозгласил, но и реально обеспечил свободу совести не только как свободу вероисповедования (как в исторической действительности социализм «обеспечивал свободу совести и свободу вероисповедования» граждан советской России, мы покажем ниже), но и как свободу атеизма¹. Действительно, нельзя не согласиться с советским социологом, что вытеснением религиозных организаций и, прежде всего, Русской православной церкви за границы политического, экономического и культурного участия в различных сферах общественной жизни советской России социалистическое государство не ограничилось. Однако справедливости ради надо заметить, что оно не ограничилось и провозглашением свободы атеизма, как это позиционирует П. К. Курочкин. Политические силы, пришедшие к власти в советской России, поставили перед собой стратегическую задачу построения не просто общества, свободного от религии, но атеистического общества, в котором атеизм является государственной идеологией и государственной политикой.

У истоков создания института атеистической социализации в советской России стояли политические и идеологические лидеры нового государства: В. И. Ленин, Н. К. Крупская, В. Д. Бонч-Бруевич, П. А. Красиков, А. В. Луначарский, Е. М. Ярославский. Они, опираясь на основные положения концепции религиозности К. Маркса и Ф. Энгельса, разработали методологическое основание атеистической работы в советском обществе, исходя из марксистского положения о социальной сущности религии, ее преходящего характера и социально-исторической закономерности преодоления религии как социального феномена в общественном и индивидуальном сознании. Вопрос формирования атеистического мировоззрения рассматривался ими как центральная задача идеологической работы коммунистической партии и советской власти, а высвобождение из-под влияния религии всех сфер жизни общества и индивидуального сознания его членов – как необходимое условие роста социальной активности широких масс трудящихся, формирования коммунистических отношений, утверждения коммунистической морали воспитания нового человека. Большевистские, а позднее советские политические лидеры и идеологи имели твердое убеждение, что атеистичность населения страны не возникнет стихийно, она сможет сформироваться только под

воздействием атеистического воспитания. Так, один из советских социологов, Н. П. Адрианов, подчеркивает: «...атеистическое мировоззрение как научная система взглядов формируется не стихийно, не самотеком, а вносится в сознание людей целой совокупностью форм и средств воспитательной работы»², отсюда – «чрезвычайно важно придать этому процессу более целенаправленный, планомерный, научно управляемый характер»³. Поэтому с самых истоков существования советского общества все в нем противопоставляется религии – общественные отношения, образ жизни, традиции и быт.

Уже на самых ранних этапах своего политического утверждения новая государственная власть начала целенаправленную и бескомпромиссную борьбу с религией, с религиозными организациями, и прежде всего с Русской православной церковью. Одним из первых постановлений большевистского правительства стал опубликованный 23 января 1918 г. декрет «Об отделении церкви от государств и школы от церкви», на основании которого Русская православная церковь лишалась прав юридического лица, а религия объявлялась частным делом граждан. Ключевую роль в борьбе с религией и религиозными организациями играла Антирациональная комиссия, созданная при Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) 13 октября 1922 г., которую возглавил Е. М. Ярославский. Как указывает А. Е. Кульчицкий, данная структура тесно сотрудничала с такими карательными институтами, как Особое государственное политическое управление (ОГПУ) и Народный комиссариат внутренних дел (НКВД)⁴. Уже на начальном этапе антирелигиозной деятельности в советской России были определены ее основные векторы: борьба с религией и атеизация населения. Борьба с религией осуществлялась в следующих направлениях:

- борьба с общественным религиозным сознанием;
- борьба с религиозным культом;
- борьба с религиозными организациями;
- борьба с верующими.

Основными методами борьбы с религиозными организациями были: конфискация и ликвидация зданий храмов, молитвенных домов, мечетей, синагог; лишение религиозных общин и союзов государственной регистрации; закрытие духовных учебных заведений и изданий; фактический запрет на какую-либо активность вне церковных стен. Так, на территории г. Саратова – культурного, образовательного, научного центра дореволюционной России – до 1917 г. действовало 49 православных храмов, а во всей Саратовской епархии – 891. К 1937 г. в епархии не осталось ни одной действующей церкви. Большинство из них оказались разрушены или перестроены: стали складами, больницами, клубами, тюрьмами. К началу 90-х гг. XX в. в г. Саратове

сохранилось только 4 дореволюционных храма, которые и стали центрами возрождения церковной жизни города.

Главным средством борьбы с верующими стали массовые репрессии. Первый показательный суд над православным духовенством и верующими состоялся уже в 1918 г. в г. Саратове при предположительном участии Л. Д. Троцкого⁵. Во всероссийском масштабе массовые аресты духовенства и верующих начались с 1923 г. По данным, которые приводит в своей книге И. А. Курляндский, в период с августа по ноябрь 1937 г. было арестовано 31 359 верующих, из которых 166 – митрополиты и епископы, 9116 – священнослужители, 2173 – монашествующие, 19 904 – миряне. Из их числа 13 671 человек был приговорен к расстрелу, в том числе 81 епископ, 4629 священников, 934 монашествующих, 7004 мирянина⁶. Что касается сведений об общем количестве жертв среди верующих за весь советский период, то на сегодняшний день точных данных нет.

Борьба с общественным религиозным сознанием представляла собой борьбу со всей русской духовной и традиционной повседневной культурой, сложившейся в России к началу XX в., и в период 1920–1940-х гг. велась по нескольким направлениям:

- разрушение системы традиционных культурно-национальных ценностей и идеалов русского народа;
- разрушение системы традиционных религиозно обусловленных представлений о морали и нравственности, этических норм поведения;
- идеологические преобразования русского литературного и разговорного языка;
- переименование городов, улиц, площадей;
- мифологизация истории Российского государства и истории российских монархических династий;
- уничтожение русской религиозной философской мысли;
- выхолащивание из русской литературы, поэзии, живописи «религиозно неблагонадежных» авторов, религиозных произведений, образов или атеистическая идеологизация их смыслов и значений;
- преобразование традиционного календаря;
- борьба с религиозными традициями, обычаями, праздниками;
- уничтожение благотворительности и благотворительной культуры;
- ликвидация церковных и монастырских кладбищ, популяризация практики кремации.

Отдельного исследования и обсуждения заслуживает вопрос разрушения традиционных религиозно обусловленных представлений о морали и нравственности, этических норм поведения, присущих традиционной русской культуре, активная фаза которого пришлась на 1920–1930-е гг. Одним из объектов этого де-

формационного процесса стала этика семейно-брачных отношений. Достаточно только перечислить некоторые факты, характеризующие кардинальные изменения, происходящие в этой сфере.

- С 1917 по 1934 г. в РСФСР происходит отмена уголовной ответственности за гомосексуальные отношения.

- В 1920 г. советская Россия становится первой страной в мире, легализовавшей аборт.

- В 1924–1925 гг. создается движение радикальных нудистов, которое имело название «Долой стыд!». Оно было создано в Москве, но акции проходили в разных городах, в том числе в Саратове. Члены движения осуществляли массовые публичные шествия, будучи нагими, одевая на себя только ленту с надписью «Долой стыд!». Так вспоминает о подобных демонстрациях общественный деятель русской эмиграции А. Р. Трушнович: «В 1922 году я несколько раз присутствовал на выступлениях общества “Долой стыд”. Совершенно голый, украшенный только лентой с надписью “Долой стыд”, оратор на площади Краснодара кричал с трибуны: – Долой мещанство! Долой поповский обман! Мы, коммунары, не нуждаемся в одежде, прикрывающей красоту тела! Мы дети солнца и воздуха!»⁷

- В 1926 г. происходит легализация фактических браков или сожительств, которые обладали юридической силой до 1944 г.

- Ведется пропаганда свободной любви, которая осуществлялась в том числе средствами социального плаката (рисунок).

Отрицательные последствия этих и других большевистских инноваций в сфере этики семейно-брачных отношений как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективах требуют отдельного изучения.

Одним из направлений воинственно-атеистической активности новой власти стало преобразование русского языка. В. В. Шмелькова, рассуждая об основных изменениях, происшедших в русском языке на протяжении XX в., отмечает, что после революционных событий 1917 г. из русского языка были вытеснены некоторые лексические единицы, обозначающие понятия традиционной морали, тесно связанные с церковно-религиозной тематикой⁸. Как устаревшие трактуются в советских словарных статьях понятия «благотворительность», «милосердие» и др. Причинами социального, идеологического характера объясняется отнесение к устаревшим большинства слов с элементами благо-, бого-, добро-: содержание этих слов так или иначе связывалось с церковно-религиозным мировоззрением и культурой.

Одной из серьезных проблем, стоявших перед советскими идеологами, был воскресный день недели российского календаря. Мало того, что он имел религиозное значение⁹, которое было закреплено в его названии, он еще был первым в очередности дней недели (современные европейские календари сохранили традиционную очередность дней недели), а также нерабочим, выходным, по сути – праздничным. В рамках идеологической борьбы с этим религиозным элементом повседневной русской культуры с 1929 г. в соответствии с Постановлением Совета народных комиссаров СССР «О переходе на непрерывное производство в предприятиях и учреждениях СССР» семидневная неделя была заменена на пятидневную, а с 1 декабря 1931 г. – на шестидневную. Данные календарные преобразования осуществлялись с целью разрушить религиозную значимость воскресного дня. Эта цель становится очевидной при сравнении со-

Советский плакат 1920-х гг.

ветского календаря за 1930 и за 1939 г. Однако идеологическая борьба с воскресным днем не имела успеха, 26 июня 1940 г. был возвращен традиционный календарь.

Борьба с религиозными традициями, обрядами, праздниками, так же как и организация антирелигиозных обрядов и праздников велась созданными комсомольскими организациями и комсомольскими активистами. Как это происходило в 1921–1929 гг., в своей статье описывает А. А. Слезин. Исследователь указывает, что наиболее распространенными формами антирелигиозной деятельности комсомола в начале 1920-х гг. были так называемые «комсомольское рождество» и «комсомольская пасха». Комсомольским активистам рекомендовалось проводить обход по домам с красной звездой, «славя Советскую власть», устраивать «красные елки». За две недели до «комсомольского рождества» по стране упорно распространились слухи, что комсомольцы будут врывать в церкви, вытаскивать иконы и кресты, сжигать их, избивать священнослужителей¹⁰.

Примечательно, что впервые антирелигиозная пропаганда была перенесена на улицу в г. Покровске (ныне г. Энгельс Саратовской области). Накануне Рождества молодежь под пение «Интернационала» разошла костер, далее последовали антирелигиозные речи членов РКСМ и РКП(б). В комсомольских ячейках Томской губернии именно к религиозным праздникам конца декабря 1921 г. – января 1922 г. приурочили проведение общественных судов над религией, которой выносился однозначно обвинительный приговор, после чего происходило ее символическое сожжение. Практически повсеместно сжигали и «чучела попов». На рубеже 1922–1923 гг. в Тамбове во время «комсомольского рождества» комсомольцы устроили антирелигиозные «богослужения», пародируя действия не только православных, но и католических, мусульманских, иудейских священнослужителей. Принародно были сожжены изображения святых и священнослужителей разных религий. В Твери на заводе «Пролетарка» организаторы «комсомольского рождества» выбросили 1200 икон и сожгли их в присутствии 3 тысяч зрителей. В Липецке был поставлен спектакль «Три Иисуса» и прочитана лекция, высмеивающая непорочное зачатие. Подобные мероприятия были также организованы и проведены в рамках «комсомольской пасхи» 1923 г., празднование которой хорошо иллюстрирует приведенная А. А. Слезиним цитата бывшего секретаря Усманского уезда РКСМ Н. Захарова, вспоминающего, как он играл роль Бога на антипасхальном суде: «Судили бога за кровопролитные войны, за роскошь богачей и нищету трудящихся, за недороды и болезни. На суде фигурировали подручные бога – Георгий Победоносец, ведущий войнами, пророк Илья, повелитель грома и дождя, Пантелеймон, специалист

по болезни, и другие “святые”. Заключительным актом стал приговор, в котором отмечалось, что бог выдуман самим человеком, и с вредными религиозными предрассудками пора кончать»¹¹. В большинстве своем «комсомольские праздники» сопровождались диспутами с верующими или священнослужителями, выставкой антирелигиозной литературы, постановкой антирелигиозных пьес, концертов, карнавальными шествиями, выпуском плакатов и листовок, чтением лекций, антирелигиозных «богослужений»

Отдельного обсуждения и изучения заслуживает развернутая советским правительством в конце 1920-х гг. и наиболее активно проводившаяся до начала Великой Отечественной войны ликвидация церковных и монастырских кладбищ¹². Кладбищенский вандализм сопровождался кощунственными акциями с 1918 по 1920 г. по вскрытию мощей святых Русской православной церкви. На основании постановления Наркомюста от 14 августа 1919 г. об организационном вскрытии мощей и от 25 августа 1920 г. о ликвидации мощей во всероссийском масштабе было вскрыто 65 раков с мощами святых, в том числе особо почитаемых в русской культуре Сергия Радонежского и Серафима Саровского. Мероприятия по вскрытию сопровождались фото- и кино съемкой с целью их дальнейшего использования в агитационных целях.

Одним из направлений борьбы с церковной традицией погребения стала институционализация практики кремации. В 1927 г. было создано Общество развития и распространения идеи кремации в РСФСР, в 1932 г. преобразованное во Всероссийское кремационное общество. Первый крематорий в центральной части России был построен в 1920 г. в Петрограде. Второй на территории России, но первый в СССР крематорий заработал 12 января 1927 г. Он получил название «Донской», так как был построен в храме неподобного Серафима Саровского Донского монастыря г. Москвы. В этот день там кремировали рабочего водокачки Ф. Соловьева, коммуниста, специально завещавшего похоронить себя «самым передовым способом». Для тех, кто опасался последовать его примеру, предназначались десятки рекламных статей о кремации, публиковавшихся на протяжении 1927 г. во всех крупнейших газетах и журналах страны¹³.

Основным агентом воинствующего безбожия в рассматриваемый период становится, во-первых, специально созданное в 1925 г. для этой цели всесоюзное антирелигиозное общество «Союз безбожников» (с 1929 г. «Союз воинствующих безбожников» (СВБ)), возглавляемое его вдохновителем и главным идеологом Е. М. Ярославским. Общество издавало ряд газет и журналов антирелигиозной направленности: «Антирелигиозник», «Безбожник», «Воинствующий атеизм». Помимо периодической печати оно занималось созданием антирелигиозных

выставок и музеев. Как отмечает С. А. Варакин, прямой обязанностью ячеек СВБ являлась «повседневная безбожная пропаганда и агитация трудящихся, особенно верующих, разъяснение им вреда религии и контрреволюционной роли церковников, путем лекций, бесед, экскурсий в музеи, путем личных бесед с верующими, уделяя особое внимание печати»¹⁴.

Во-вторых, в борьбу с религией и пропаганду атеизма активно вступают молодежные, детские, образовательные учреждения, а также средства массовой информации, включая быстро развивающийся и обретающий беспрецедентную популярность кинематограф. Созданная 29 октября 1918 г. молодежная коммунистическая организация Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ) стала основным проводником атеистических идей в юношеской и детской среде. Именно на комсомольские кадры была возложена миссия по проведению антирелигиозных кампаний, антирелигиозных диспутов и лекторий, по организации антирелигиозных праздников, описание которых было представлено нами выше.

Отдельного внимания заслуживает антирелигиозная деятельность возникших в первые годы советской власти детских организаций: «Юных воинствующих безбожников» (ЮВБ СССР) и Всесоюзной пионерской организации. ЮВБ СССР была создана в 1929 г. как детское отделение СВБ и издавала журнал «Юные безбожники». Образованная в 1922 г. Всесоюзная пионерская организация имела целью в том числе воспитание нового поколения безбожников. Ю. В. Макарова, рассматривая особенности антирелигиозного воспитания пионеров в 1920-х гг., приводит цитату из журнала «Вожатый», характеризующую антирелигиозные задачи, которые ставились перед детской организацией: «Антирелигиозное воспитание не проводится отдельно, как особый вопрос, а должно проходить красной нитью через все воспитание пионера... Необходимо не только отвести ребенка от внешнего проявления культа, победить в нем остатки суеверия и предрассудков, но и подвести под его мировоззрение марксистскую основу, воспитать его так, чтобы идеалистический образ мышления был ему враждебен, как противоречащий интересам пролетариата»¹⁵. Как отмечает исследователь, пионеры принимали самое активное участие в антирелигиозной пропаганде: создавали «уголки безбожника», где вывешивали транспаранты, плакаты, стенгазеты с антирелигиозными лозунгами, устраивали вечера, концерты, театральные представления (например «Колька в плену»), «красные елки», организовывали антирелигиозные лектории и кружки.

Со второй половины 1920-х гг. атеистическая пропаганда занимает центральное место в образовательном плане советских школ. После прихода к власти большевиков образовательная

сфера полностью перешла в ведение государства, которое сразу же принялось активно «рубить религиозные корни» веками сложившейся в России традиционной системы школьного образования. С. П. Синельников указывает, что уничтожение религиозного образования в советской школе в период с 1917 по 1929 г. осуществлялось в три этапа: 1) изъятие Закона Божия и изгнание законоучителей из школ (1917–1920 гг.); 2) «безрелигиозное» воспитание (середина 1920-х гг.); 3) переход к антирелигиозному воспитанию и образованию (1927–1929 гг.)¹⁶. Так, первоначально на основании принятого в 1918 г. Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви элементы религиозного образования (преподавание Закона Божия, совершение молитв перед началом и окончанием учебных занятий, наличие в классах икон, религиозные учебники) были вытеснены из школьной системы. Однако этими мерами борьба с религией в образовательном пространстве не ограничилась. Как указывает В. А. Шевченко, безрелигиозное школьное образование 1920-х гг., под которым понималось материалистическое естественнонаучное просвещение, с 1929 г. сменилось антирелигиозным, целью которого было формирование атеистического мировоззрения у школьников. Согласно циркулярному письму ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» от 14 февраля 1929 г., Наркомпрос РСФСР должен был «взять более решительный курс по преодолению элементов нейтралитета школы к религии, выражающегося в так называемом безрелигиозном воспитании, поручив ему... разработать методы антирелигиозной пропаганды в школе, внести соответствующие поправки к программам школы»¹⁷.

Как указывает С. П. Синельников, в отличие от дореволюционного Закона Божия антирелигиозное воспитание и образование не сосредоточивалось на отдельной учебной дисциплине, а осуществлялось путем разнообразных воспитывающих и образующих форм и приемов педагогического воздействия в антирелигиозном ключе¹⁸. Во-первых, как справедливо отмечает А. Г. Кравецкий, до революции дети учились и получали грамоту по религиозным текстам – церковнославянский букварь, Часослов, Псалтырь, а с 1920-х гг. обучение грамоте стало осуществляться по антирелигиозным текстам¹⁹. В 1933 г. в Ленинграде в целях антирелигиозной пропаганды была даже разработана «Антирелигиозная азбука» (художник М. М. Черемных), которая, скорее всего, предназначалась не для первоклассников. Однако сам факт ее разработки свидетельствует о намерениях власти воспитывать детей в атеистическом духе с раннего возраста.

Во-вторых, содержание преподаваемых дисциплин, прежде всего гуманитарных (истории, обществоведения, литературы, русского

языка), наполнялось отрицательным отношением к религии. Велась интенсивная работа над программами и учебниками по внесению в них антирелигиозных моментов. Учитель призывался к выявлению «антирелигиозного элемента в народных сказках, пословицах и поговорках о боге, чёрте, попах и монахах»²⁰. Произведениям русских писателей и поэтов, таких как А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, И. А. Гончаров, учителю литературы рекомендовалось давать «антирелигиозный комментарий». В-третьих, антирелигиозное воспитание осуществлялось через внеурочную кружковую работу в школах повышенного типа, которые посещали как дети старшего возраста, так и взрослые.

В-четвертых, организация внешкольной работы предполагала включение антирелигиозных мероприятий, таких как антирождественские кампании, «красные елки», пропагандирующие безбожие театральные постановки. Одной из форм антирелигиозных мероприятий в школах являлись временные антирелигиозные уголки. Осуществляя анализ форм и методов атеистического воспитания в советских школах 1920-х гг. и разработав классификацию оппозиционных практик религиозного и антирелигиозного обучения и воспитания, имеющих место в советских школах 1920–1930-х гг., С. П. Синельников делает выводы, что антирелигиозное воспитание в советских школах выстраивалось по аналогии с религиозным воспитанием в российских дореволюционных школах, но ставило прямо противоположные цели²¹.

Итак, исторически сложившаяся в российском обществе традиционная модель религиозной и православной социализации личности с ее основными институтами – религиозно организованным повседневным бытом, религиозной общиной, институтом религиозного образования – вследствие революционных событий 1917 г. и установления нового политического режима в стране была разрушена и заменена моделью атеистической социализации. На первоначальном этапе формирования советского государства, в условиях государственной политики «воинствующего безбожия» основными субъектами атеистической социализации новых поколений стали молодежные и детские коммунистические организации, молодежные и детские коммунистические СМИ, образовательные учреждения, комсомольские и пионерские лидеры, воспитатели и учителя. Среди практик атеистической социализации получили распространение: проведение антирелигиозных уличных акций; антирелигиозные диспуты и лектории; организация антирелигиозных праздников; создание антирелигиозных стендов в образовательных и воспитательных учреждениях; проведение концертов, вечеров, театральных постановок на антирелигиозную тематику; организация антирелигиозных круж-

ков; включение в программы учебных дисциплин тем антирелигиозного содержания и антирелигиозных комментариев к различным темам, предусмотренным образовательной программой. Сложившаяся на первоначальном этапе формирования советского государства система атеистической социализации советских граждан не останется неизменной, а будет трансформироваться на протяжении всего существования советского общества в направлении изменений вектора отношений между государственной властью советской России и религиозными организациями.

Примечания

- ¹ См.: Курочкин П. К. Эволюция современного русского православия. М.: Мысль, 1971. С. 88.
- ² Андрианов Н. П. Эволюция религиозного сознания. Л.: Лениздат, 1974. С. 126.
- ³ Там же. С. 5–6.
- ⁴ См.: Кульчицкий А. Е. Деятельность Антирелигиозной комиссии – борьба с инакомыслием // Вестн. экономики, права и социологии. 2015. № 3. С. 143–146.
- ⁵ См.: Мраморнов А. И. Судебный процесс против православного духовенства в Саратове в 1918–1919 гг. // Отечественная история. 2008. № 4. С. 97–104.
- ⁶ См.: Курляндский И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М.: Кучково поле, 2011. С. 517.
- ⁷ Трушинович А. Р. Воспоминания корниловца. Часть III. В России советской. URL: http://www.dk1868.ru/history/zap_korn.htm (дата обращения: 14.10.2017).
- ⁸ См.: Шмелькова В. В. К вопросу о лексических изменениях в русском языке после революционного периода // Изв. ПГПУ им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2011. № 23. С. 290–292.
- ⁹ Именно по этой причине публикация романа Л. Н. Толстого «Воскресенье» вызвала широкий резонанс в церковной среде и способствовала отлучению Льва Николаевича от Церкви.
- ¹⁰ См.: Слезин А. А. Антирелигиозные праздники 1920-х гг. // Вопр. истории. 2010. № 12. С. 89–91.
- ¹¹ Там же. С. 90.
- ¹² См.: Козлов В. Ф. Некрополи московских монастырей в 1918 – начале 1930-х гг.: хроника защиты и гибели // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. К 60-летию Л. А. Беляева: сб. М., 2008.
- ¹³ См.: Первый Московский крематорий // Государственное бюджетное учреждение города Москвы «Ритуал»: [сайт]. URL: <http://www.mosritual.ru/glavnoe-menju/press-sluzba/pressa-o-nas/pervyj-moskovskij-krematorij> (дата обращения: 24.11.2015).
- ¹⁴ Варакин С. А. Союз воинствующих безбожников накануне и в годы Великой Отечественной Войны (на материалах Горьковской области) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1495.
- ¹⁵ Цит. по: Макарова Ю. В. Антирелигиозное воспитание пионеров в 1920-х гг. в СССР // Преподаватель XXI век. 2015. № 3. С. 353.

- ¹⁶ См.: Синельников С. П. Антирелигиозные основы воспитания в советской школе в 1920-е гг. // Религаре : [сайт]. URL: http://www.religare.ru/2_77858.html (дата обращения: 24.11.2017).
- ¹⁷ Шевченко В. А. Советская школа : переход от безрелигиозного воспитания к антирелигиозному (1927–1929) // Новый исторический вестник. 2007. № 2 (16). С. 209.
- ¹⁸ См.: Синельников С. П. Антирелигиозные основы воспитания в советской школе в 1920-е гг.
- ¹⁹ См.: Церковная история в контексте социальной истории советского периода. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/print/390148.html> (дата обращения: 24.11.2017).
- ²⁰ Синельников С. П. «Орудие царско-помещичьего и буржуазного гнета» : основы антирелигиозного образования в советской школе в 1927–1929 гг. // Вестн. РУДН. Сер. История России. 2010. № 3. С.116.
- ²¹ См.: Синельников С. П. Антирелигиозные основы воспитания в советской школе в 1920-е гг.

Образец для цитирования:

Уфимцева Е. И. Практики атеистической социализации в контексте формирования советского общества // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 133–139. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-133-139.

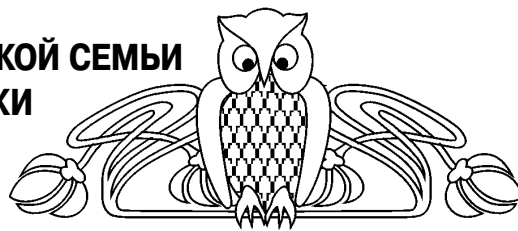
Cite this article as:

Ufimceva E. I. Practices of Atheistic Socialization in the Context of the Formation of Soviet Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 133–139 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-133-139.

УДК 316.334.2

ТРАНСФОРМИРОВАНИЕ РОЛИ РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ В СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ

Т. В. Смирнова, О. В. Понукалина

Смирнова Татьяна Вячеславовна, доктор социологических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Саратовский медицинский университет «Реавиз», smirnovasara@mail.ru

Понукалина Оксана Викторовна, доктор социологических наук, профессор кафедры социальных коммуникаций, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, okspo@lis.ru

В статье рассматривается изменяющаяся роль семьи при осуществлении социальной мобильности и выборе ее направления молодыми людьми. Авторы, используя институциональный подход к исследуемому явлению, приходят к выводу, что институциональные детерминанты сегодня обладают большим влиянием и воздействием на возможности социальной мобильности российской молодежи, чем личные ресурсы молодого человека. Влияние социальных институтов, в частности института семьи, продолжает усиливаться, закрепляя социальное неравенство. Принадлежность к высокостатусной семье создает условия для дальнейшего самостоятельного конструирования нового статуса. Низкостатусная семья способствует иммобильности либо нисходящей мобильности молодого поколения. В современной ситуации статус родительской семьи не передается по наследству детям, но он позволяет обеспечивать доступ к разного рода ресурсам, благодаря чему возникают условия для построения самостоятельной жизненной траектории молодого поколения. Это происходит, в первую очередь, через обращение к системе образования, традиционно считающейся важнейшим фактором, одним из социальных лифтов, детерминирующих социальную мобильность. Существенно влияние семьи и на профессиональное самоопределение детей, и на построение их карьерных планов, и на формирование неких семейных проектов, передающихся по наследству. Значимой для анализа детерминант молодежной мобильности продолжает оставаться территориальная локализация семьи.

Ключевые слова: мобильность, молодежь, семья, трансформации, институциональные детерминанты.

Changing the Role of the Parental Family the Social Mobility of Youth in Russia

T. V. Smirnova, O. V. Ponukalina

Tatyana V. Smirnova, ORCID 0000-0001-8117-9089, Saratov Medical University «Reaviz», 1 A, Degtyarnaya Sgr., Saratov, 410076, Russia, smirnovasara@mail.ru

Oksana V. Ponukalina, ORCID 0000-0003-4348-7296, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25, Sobornaya Str., Saratov, 410031, Russia, okspo@lis.ru

There is analysis of social mobility of Russian young people in the article. The authors analyze modern scientific literature on this topic

Influence of macro-factors prevails over personal resources of a young man. So families try to compensate this. As a result, a family acts as strengthening instrument of social inequality. Young people from high-status families have opportunities for social growth. Young people from low-status families are often immobile. Of course, the status of the parental family is not inherited by children. But it allows you to provide access to resources. And it's easier for young people to build their own lives. This happens primarily through the education system. Education is a powerful social elevator. Family significantly affects the professional self-determination of children. The family influences the career plans of children. The analysis of youth mobility takes into account the territorial localization of the family.

Key words: mobility, young people, family, changing, institutional determinants.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-140-145

Проблемы молодежи как особой социально-демографической группы, статус которой определяется переходом от детства и юности к социальной зрелости и связанной с ней ответственности, традиционно не теряют своей актуальности во всех сферах гуманитарного научного знания. Социальная мобильность молодежи складывается под воздействием целого ряда факторов. Факторы макроуровня связаны со структурными изменениями экономической, демографической, социальной, политической сфер общества и создают условия, которые могут либо способствовать, либо препятствовать социальному развитию и продвижению представителей молодого поколения. Микрофакторы связаны с индивидом и определяются его ресурсообеспеченностью, психологическими и психосоциальными характеристиками¹. Таким образом, молодежь в контексте исследования социальной мобильности выступает не только субъектом – действующим актором, но и объектом воздействия сложившихся социально-экономических условий. Вопрос о том, что же является определяющим при достижении новых статусных позиций, восхождении от предписанного статуса – существующая социальная структура или интенции самого человека, система или актор, – до сих пор не утрачивает остроты.

Институциональный подход к исследованию детерминант молодежной мобильности в современном российском обществе позволяет осуществить анализ и раскрыть взаимосвязь факторов влияния макро- и микроуровней. Исходя из особенностей молодежи как социально-демографической группы, целесообразно

обратиться к рассмотрению трансформаций социальных институтов в их преломлении к проблеме. Особой значимостью для решения поставленных исследовательских задач обладают семья и образование как институциональные детерминанты молодежной мобильности. Данные детерминанты, во-первых, фиксируют проблемы неравенства, формирующиеся на жизненном старте человека, во-вторых, имеют прямое отношение к абсолютному большинству юношей и девушек (в отличие от, например, институтов церкви, армии), в-третьих, эти институты имеют высокую степень взаимного влияния и переплетений. При этом предполагается рассматривать выделенные детерминанты не в качестве отдельно функционирующих элементов общественной структуры, а во взаимосвязи между собой и взаимодействии с другими факторами. Такой подход дает возможность анализировать институциональные детерминанты молодежной мобильности как многофакторную систему с обратной связью – не через поиск причин и обоснований приобретения молодым человеком определенного социально-профессионального статуса, а как внешние обстоятельства, макрофакторы, которые, находясь в непрерывном тесном взаимодействии и взаимовлиянии, повышают или понижают вероятность восходящей мобильности для конкретного человека.

Согласно П. Сорокину, каждый канал социальной мобильности обладает системой «сит» для отбора соискателей тех или иных статусных позиций, которые могли бы осуществлять профессиональные и не только профессиональные функции наилучшим образом². Без принципа селекции работа каналов социальной мобильности теряет всякий смысл. В первую очередь, по справедливому утверждению П. Сорокиной, таким «ситом» является семья. В любом обществе «хорошее происхождение» воспринималось и воспринимается как положительная рекомендация, свидетельствующая о высокой вероятности определенных предсказуемых личностных качеств и установок, привитых в семье³.

Концепция культурного капитала П. Бурдьё предлагает собственное обоснование взаимосвязи культурных ресурсов семьи и занятия представителями молодого поколения определенных статусных позиций в социальной иерархии. Анализируя причины различия в возможностях и успехах человека на жизненном старте, уже в школьном образовании, П. Бурдьё приходит к выводу о наследственной, внутрисемейной передаче привилегий как методу консервации неравенства, способствующему легитимизации уже существующего порядка. В случае удачной реализации метода индивид убеждается, что лучшая участь для него – это держаться за то место, которое выпало от природы, дорожить им⁴. Закрепление неравенства в обществе происходит и посредством поколенческого воспроизведения

культурных ценностей, в частности, через воплощение больших возможностей родителей благополучных классов для продвижения образовательной деятельности детей⁵.

В настоящее время многие исследователи фиксируют усиление роли семьи при формировании маршрутов мобильности молодежи. Д. Берто и И. Берто-Вьям выделяют в качестве основного элемента социальной мобильности и стратификации не столько самого индивида, сколько его семью и семейную историю⁶. Авторы приходят к выводу, что статус человека и возможности его развития зависят во многом от исходной позиции статуса родительской семьи в структуре общества, а не определяются только профессией и личностными качествами, ценностями и ориентирами индивида. В современном мире статус не переходит напрямую от родителей к детям, но через обеспечение доступа к культурным, экономическим, социальным ресурсам возникают условия для дальнейшего самостоятельного конструирования этого статуса.

Российские исследователи О. Шкаратан и Г. Ястребов отмечают постоянное возрастание роли семьи в накоплении капиталов молодыми поколениями, акцентируя внимание на усилении значимости передачи детям культурных ресурсов наряду с материальными⁷. И. Попова связывает профессиональные выборы молодежи с воспроизводством социального статуса семьи, сложившегося через устойчивые стратегии восходящей социальной и профессиональной мобильности родителей⁸.

Изменение значения и вклада родительской семьи при формировании маршрутов социальной мобильности отражено в исследовании Н. Тихоновой⁹. Во второй половине 1990-х гг. россияне идентифицировали (оценивали) собственный социальный статус, опираясь на следующие позиции: место работы (включая тип собственности предприятия – частное или государственное); регион проживания; физические характеристики (возраст, пол, здоровье); габитус-установки (достижительные или конформистско-патерналистские); поведенческие стратегии (дополнительное обучение и переобучение, смена специальности). По прошествии 15 лет (2013 г.) факторы самоидентификации и самооценки своего статуса значительно изменились. Главное изменение состояло в том, что сразу после самооенок материального благополучия и связанных с ним возможностей потребления (первые две позиции) для самооценки статуса был выдвинут новый фактор – статус родительской семьи. Значимым стал уровень образования родителей, причем с ростом социального статуса респондентов увеличивалось значение этого фактора.

Если в 1990-е гг. человек, опираясь на личные качества, имел возможность трудоустроиться в частном секторе (престижность такой работы подкреплялась более высокой оплатой труда),

то сегодня перспективные должности в основном получают выходцы из статусных семейств. Сложившаяся ситуация повлияла на снижение значимости социально-психологических свойств личности для осуществления восходящей мобильности. Автор отмечает, что наличие достижительных мотиваций, специфика ценностных систем, а также тип локус-контроля практически потеряли свое значение для занятия статусных позиций. В таких условиях неизбежно возрастает роль социального капитала, а в преломлении к проблеме молодежной мобильности – роль культурного и социального капиталов семьи. Так, среди сегодняшнего студенчества стабильно низкий процент выходцев из рабочих семей (около 3–5%)¹⁰.

Объяснение представленным выводам можно дать с привлечением исследования Д. Берто, связавшего концепцию культурного капитала с социальным контекстом через рассмотрение трансмиссии социального статуса при трансформационных процессах в социуме¹¹. Автор приходит к заключению, что в стабильных обществах социальные связи становятся фоном культурного капитала семьи. Этот процесс имеет и обратное направление, в свою очередь, способствуя создавшей его стабильности. При социальных трансформациях, разрушении социального порядка значимость семейных ресурсов стремительно утрачивается и внезапно оказывается крайне низкой. Именно это и произошло в 1990-е гг. в России. Таким образом, отчасти последовавшая в дальнейшем стабилизация социальных процессов привела к возрастанию роли семьи в формировании направлений молодежной мобильности, которая наблюдается теперь.

Семья как «первое сито» осуществляет реализацию своих ресурсов для обеспечения достижения детьми определенного статуса и его дальнейшего роста, в первую очередь, через систему образования. Отметим, что образование традиционно считается важнейшим фактором, одним из социальных лифтов, детерминирующих социальную мобильность. Современный институт образования выполняет две взаимодополняющие функции – интеграционную (инклюзивирование различных социальных групп в систему норм, ценностей и традиций) и дифференционную (распределение по статусам, социальная мобильность, воспроизводство существующей социальной структуры общества)¹².

Уже на образовательном старте формируется парентократическая модель при профессиональном самоопределении и поступлении в учебное заведение, когда продвижение через институт образования находится в большей зависимости от аскриптивных характеристик молодого человека, нежели от его способностей¹³. Эта тенденция сформировалась на фоне массовизации высшего образования, которое воплотилось в виде многообразия вариантов его получения. Высшее

образование можно получить как в элитных вузах, так и в образовательных учреждениях низкого качества, созданных в ответ на завышенную потребность населения в образовательном продукте. Низкокачественные секторы образования, как правило, ориентированы на своего потребителя – первое поколение ориентированных на образование выходцев из необразованных семей нижних и средних слоев населения.

А. Согомонов обращает внимание на иные тенденции современного высшего образования, выделяя, с одной стороны, его необязательность для осуществления социальной мобильности молодого человека, с другой стороны, недостаточность обладания дипломом о высшем образовании для успешного продвижения в профессионально-деловой сфере¹⁴. В результате сосуществования этих двух явлений знания и навыки, полученные в вузе, применяются молодыми людьми опосредованно – в основном в качестве ресурса для саморазвития личности, а не в качестве приобретения и повышения профессионализма непосредственно на рабочем месте в русле полученной специальности¹⁵. Соответственно, трансформируется и отношение учащейся молодежи к образованию, которое начинает восприниматься как инструментальная, а не терминальная ценность¹⁶.

Такое положение вещей определяет дихотомию подходов к профессиональному выбору. Н. Касаткина выделяет деятельностно-активистский и конформно-патерналистский типы профессионального самоопределения молодежи. Деятельностно-активистский тип связан с преобладанием интереса к самой выбранной профессии, активностью в накоплении знаний, навыков и профессионального опыта для использования их в качестве ресурса восходящей мобильности. Молодые люди с деятельностно-активистской позицией ориентированы на трудоустройство по специальности, карьерный рост, большинство из них совмещают обучение в вузе с работой, связанной с выбранным направлением. Такой тип профессионального выбора характерен для молодых людей из высокоресурсных семей, обладающих значительным социальным капиталом. Как правило, это городские семьи, представители которых заняты в науке, образовании, здравоохранении. Как показали исследования, деятельностно-активистский тип демонстрируют менее 40% старшекурсников.

Реализация конформно-патерналистского типа профессионального выбора связана с доминированием адаптивных, приспособительных стратегий, обусловленных имеющимися возможностями, в частности, к получению образования. Такой тип профессионального выбора демонстрируют в основном представители низко- и среднересурсных семей. Молодые люди при этом заранее ориентируются на работу не по специальности, так как профессия не имеет

высокой ценности. Важными критериями являются зарплата и социальные гарантии. Согласно исследованиям Н. Касаткиной, конформно-патерналистский тип профессионального выбора характерен сегодня для 60% студентов.

Возрастание значения ресурсов родительской семьи для достижения определенных статусных позиций детьми расширяет и закрепляет неравенство жизненных шансов. Так, современные исследования фиксируют рост влияния уровня образования родителей на получение детьми образования, начиная уже со школы, особенно это касается элитного школьного образования¹⁷. Кроме того, установлено, что чем выше образовательный статус родителей, тем больший отклик имеют их рекомендации по выбору профессии¹⁸. Особенно значимо такое влияние при недостаточном осознанном выборе самого молодого человека. При этом исследования показывают, что важным фактором, характеризующим роль семьи в процессе профессионального самоопределения личности, является уровень взаимопонимания «отцов и детей» в семье, качество таких отношений¹⁹. В. Филоненко и А. Лепин приводят данные, подтверждающие преобладание в системе образования парентократической модели, в которой представления, пожелания и возможности родителей в процессе профессионального самоопределения и дальнейшего обучения доминируют над усилиями и способностями детей²⁰.

Сегодня можно констатировать тенденцию не столько простого усиления значимости семейных ресурсов в осуществлении социальной мобильности молодого поколения, сколько некой кристаллизации этого процесса. Так, Н. Александрова отмечает, что члены семьи посредством собственных ресурсов и совместных усилий оказывают влияние на профессиональное самоопределение и построение карьерных планов своих детей, формируя таким образом семейный проект²¹. Причем в семьях с высоким уровнем профессионализма такой семейный проект, как правило, осознан, тщательно продуман, подготовлен и обеспечен необходимыми социальными и экономическими ресурсами. Отметим, что обычно семейный проект такого рода связан с горизонтальной мобильностью внутри одного класса (по определению М. Вебера²²), что предполагает перспективы занятия в дальнейшем статусных позиций, близких родительской семье, при этом профессионально реализуясь в другой специальности. Вместе с тем в последнее время участилась реализация модели прямого наследования профессионального статуса²³. При этом особый интерес представляет выделяемый И. Поповой так называемый «окольный» путь к прямому наследованию профессии. Исследования с применением биографического метода показали, что в ряде случаев профессиональный выбор молодого человека начинается с протеста против повто-

рения семейной профессиональной истории, что провоцирует соответствующий выбор учебного заведения и получение новой для семьи специальности. Однако далее следовало возвращение к воспроизводству профессионального статуса одного из родителей (как правило, того, чей статус выше) через получение второго образования и построение карьеры в традиционном для семьи русле. Можно предположить, что формирование такой траектории связано со столкновением молодого человека с реальностью в виде закрытых каналов мобильности вне семейного направления. Этот факт и осознание того, что «самая короткая дорога – знакомая», обуславливают обращение и возвращение интересов молодого человека к модели прямого наследования семейного профессионального статуса.

Чрезвычайно значимой для анализа детерминант молодежной мобильности является территориальная принадлежность семьи. Экстраполяция на обсуждаемую проблематику концепции И. Валлерстайн о делении мировых систем на ядро, полупериферию и периферию с вытекающими из этого деления особыми возможностями и ограничениями для субъектов, проживающих на этих территориях, способствует пониманию и принятию места проживания семьи как фактора восходящей мобильности и неравенства²⁴. Проблема неодинаковых темпов социального и экономического развития столицы и регионов Российской Федерации обуславливает существование социально-экономических подсистем – центра и периферии. Семьи, принадлежащие к первой подсистеме, обладают более благоприятными условиями, что позволяет им накапливать и реализовывать человеческие, экономические, культурные и социальные ресурсы, а также стратегии успешной адаптации к реформам. Субъекты периферии, заведомо находясь в худшем положении, занимают нижние позиции социальной стратификации. Важно отметить, что такого рода различия наблюдаются на нескольких уровнях: Москва – регионы, областные центры – сельская местность, что перекликается с триадой И. Валлерстайна «ядро – полупериферия – периферия».

В. Филоненко отмечает, что критическим фактором поступления и обучения в вузе в настоящее время становится территориальная селекция, что приводит к росту гомогенности студенческой среды. Причем эта гомогенность, сам состав студенчества асимметричны социальной структуре местного населения в целом (80% студентов считают себя материально благополучными и только 1% респондентов указывают на бедственность своего материального положения). На примере г. Ростова-на-Дону показано, что в более престижные вузы областного центра поступают в основном выпускники школ города. Молодежь, окончившая сельские школы, как правило, поступает в вузы, находящиеся в небольших городах области, а также учебные за-

ведения аграрного направления. Территориальная селекция закрепляется и усиливается. Так, в Донском государственном аграрном университете доля выпускников сельских школ выросла до 54% с 18% в 2006 г.²⁵. Вызывает беспокойство тот факт, что молодые сельские жители, изначально испытывая ресурсный дефицит по принципу территориальной принадлежности, уже на жизненном старте сталкиваются с ограничениями социальной мобильности.

Очевидно, что обеспеченность ресурсами неодинакова в разных социальных группах. Как отмечает М. Буланова, в группах высоко- и среднеобеспеченных материально человеческие, социальные и культурные ресурсы обычно успешно конвертируются в экономический капитал, в отличие от представителей групп малообеспеченных и бедных, среди которых такая тенденция отсутствует. Если среди обеспеченных более 50% молодежи рассчитывают на карьерный рост, то для группы бедных характерна нисходящая социальная мобильность, в том числе от поколения к поколению. Так, 39% молодежи из бедных семей в течение пяти лет понизили свой социальный статус (обладатели дипломов вузов и техникумов работают на рабочих должностях или являются безработными). В этой же группе крайне высокий уровень иммобильности (58%)²⁶. Эти данные представляются исключительно важными. Как правило, исследователи молодежной проблематики сосредотачивают внимание на учащейся молодежи, выпускниках вузов и техникумов, молодых специалистах, фактически исключая из анализа менее благополучную молодежь. Однако следует отметить тенденцию – в современной России бедность и малообеспеченность становится привязанной к принадлежности к определенным классам²⁷. Исследователи фиксируют не просто существование российского низшего класса, но и завершение формирования его ядра – андеркласса. В настоящее время численность низшего класса составляет около 15% экономически активного населения страны²⁸. В рамках обсуждаемого вопроса значимым является факт наследственной передачи из поколения в поколение не просто предписанного низкого статуса, но и принятия соответствующих ценностей, ориентиров, традиций через первичную социализацию в этой социальной среде. Такое положение вещей делает не просто затрудненным, но практически невозможным осуществление восходящей мобильности молодежи низших слоев, которой остается только воспроизводить собственный статус либо осуществлять дальнейшую нисходящую мобильность.

Возрастание роли семьи в реализации социальной мобильности молодежи, конечно, не происходит случайно. Таким образом, общество реагирует на сужение каналов мобильности, «поломку» основных социальных лифтов. В ус-

ловиях дефицитарности выбора направлений и возможностей мобильности семья берет на себя решение усложнившихся задач: в лучшем случае – способствовать реализации потенциала молодого члена семьи, в худшем – обеспечить его простое выживание.

Примечания

- 1 См.: Буланова М. А. Социальная мобильность работающей молодежи региона : социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 3 (56). С. 205–212.
- 2 См.: Сорокин П. А. Социальная мобильность. М. : Academia, 2005 (Sorokin P. A. Social mobility. N.Y. ; L. : Harper&Brothers, 1927).
- 3 См.: Чеснокова В. Ф. Уильям Л. Питирим Сорокин : социальная стратификация и социальная мобильность // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 1. С. 116–130.
- 4 См.: Бурдые П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство : элементы теории системы образования / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Просвещение, 2007.
- 5 См.: Goldthorpe J. H. On sociology : Numbers, Narratives, and the Integration of Research and Theory. Oxford : Oxford Univ. Press, 2000.
- 6 См.: Берто Д., Берто-Вьям И. Наследство и род : трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений // Вопр. социологии. 1992. Т. 1, № 2. С. 106–122.
- 7 См.: Шкартан О. И., Ястребов Г. А. Социокультурная преемственность в российской семье (Опыт эмпирического исследования) // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 5–27.
- 8 См.: Попова И. П. Профессиональный выбор : влияние культурных ресурсов семей российских специалистов // Социс. 2013. № 11. С. 130–140.
- 9 См.: Тихонова Н. Е. Факторы стратификации в современной России : динамика сравнительной значимости // Социс. 2014. № 10. С. 23–35.
- 10 См.: Филоненко В. И., Лепин А. П. Семья как основной агент базовой социализации студентов вузов // Социс. 2013. № 6. С. 71–77.
- 11 См.: Берто Д. Трансмиссии социального статуса в экстремальной ситуации // Судьбы людей : Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / отв. ред. В. Семенова. М. : ИС РАН, 1996. С. 207–232.
- 12 См.: Мосиенко О. С. Социальные функции института образования : теоретико-методологические подходы к исследованию // Изв. вузов. Сев.-Кавказ. регион. Общественные науки. 2012. № 2. С. 30–34.
- 13 См.: Касаткина Н. П. Неравенство культурного капитала и профессиональный выбор учащихся школ Республики Мордовия // Гармонизация социальных отношений в полиэтничном регионе : I Сухаревские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Саранск, 23–24 декабря 2011 г.) : в 2 т. / отв. ред. С. М. Вдовин ; Науч. центр соц.-экон. мониторинга. Саранск, 2012. Т. 2. С. 38–40.

- ¹⁴ См.: *Согомонов А. Ю.* Кризис идентичности современного университета // *Неприкосновенный запас*. 2007. № 3 (53). С. 116–130.
- ¹⁵ См.: *Власова О. И., Костина Н. Б.* Молодое поколение об устойчивости и изменчивости трудовой деятельности : опыт эмпирического исследования // *Социум и власть*. 2013. № 6 (44). С. 22–27.
- ¹⁶ См.: *Родионова А. В.* Работающий студент как социальный феномен // *Социология вчера, сегодня, завтра* : сб. ст. / под ред. О. Б. Божкова. Т. III. Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства. Новые ракурсы. СПб. : Эйдос, 2011. С. 304–314.
- ¹⁷ См.: *Рощина Я. М.* Семейный капитал как фактор образовательных возможностей российских школьников // *Вопр. образования*. 2012. № 1. С. 257–277.
- ¹⁸ См.: *Преснякова Л. А.* Семейное воспитание : нормативные представления и социальные практики // *Социологические наблюдения (2002–2004)* / сост. А. А. Черняков. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2005. С. 351–379.
- ¹⁹ См.: *Сатыбалдина Е. В.* Семья в системе жизненных ценностей жителей среднего уральского города // *Социс*. 2011. № 7. С. 90–95.
- ²⁰ См.: *Филоненко В. И., Лепин А. П.* Указ. соч.
- ²¹ См.: *Александрова Н. А.* Профессиональное самоопределение подростков и юношества с позиции родительской семьи // *Вестн. СПбГУ. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2011. № 4. С. 90–96.
- ²² См.: *Weber M.* *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie (1922) / Erster Teil: Die Wirtschaft und die gesellschaftlichen Ordnungen und Mächte / IV. Stände und Klassen*. URL: <http://www.textlog.de/7399.html> (дата обращения: 18.06.2017).
- ²³ См.: *Попова И. П.* Указ. соч.
- ²⁴ См.: *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем : современное системное видение мирового сообщества // *Социология на пороге XXI века. Новые направления исследований* / под ред. С. И. Григорьева (Россия), Ж. Коэнен-Хуттера (Швейцария). М. : Интеллект, 1998.
- ²⁵ См.: *Филоненко В. И., Лепин А. П.* Указ. соч.
- ²⁶ См.: *Буланова М. А.* Указ. соч.
- ²⁷ См.: *Мареева С. В.* Фокус социальной политики : бедные или низкоресурсные? // *Журнал исследований социальной политики*. 2011. Т. 9, № 2. С. 233–254.
- ²⁸ См.: *Тихонова Н. Е.* Низший класс в социальной структуре российского общества // *Социс*. 2011. № 5. С. 24–35.

Образец для цитирования:

Смирнова Т. В., Понукалина О. В. Трансформирование роли родительской семьи в социальной мобильности молодежи в России // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 140–145. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-140-145.

Cite this article as:

Smirnova T. V., Ponukalina O. V. Changing the Role of the Parental Family the Social Mobility of Youth in Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 140–145 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-140-145.

УДК 316.4

ПРИБЛИЖЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К ЗДОРОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ И ЗАНЯТИЯМ СПОРТОМ КАК НАПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Е. В. Сайганова

Сайганова Елена Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Saiganovaev@yandex.ru

В данной статье рассматриваются особенности развития спорта на территории Саратовского региона, основные спортивные направления в региональной молодежной политике, целенаправленные программы для молодежи по пропаганде здорового образа жизни в рамках молодежной политики. Сегодня очень важно обратить внимание на здоровье молодого поколения, проводить мероприятия, направленные на стимулирование мотивации к ведению здорового образа жизни. Обеспечение и развитие спортивно-оздоровительных учреждений с каждым годом улучшается и совершенствуется как в муниципальных центрах, так и в регионе.

Ключевые слова: молодежь, спорт, программы, государственная молодежная политика.

Involve Young People in Healthy Lifestyle and Sports as the Direction of the Regional Youth Policy

E. V. Saiganova

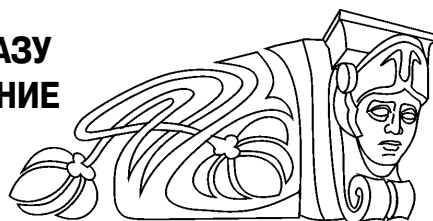
Elena V. Saiganova, ORCID 0000-0003-3916-2800, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, SaiganovaEV@yandex.ru

This article discusses the features of development of sports in the Saratov region. The main sports areas in the regional youth policy, targeted programmes for youth to promote healthy lifestyles in the framework of the youth policy. It is very important to pay attention to the health of the young generation to carry out activities aimed at stimulating motivation to maintain a healthy lifestyle. Support and development of the sports institutions every year improved as in the municipal centres and in the region.

Key words: youth, sport, programs, national youth policy.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-146-148

Вопросы становления и развития молодежной политики в области спорта и физической культуры, укрепления физического и духовного здоровья, формирования здорового образа жизни молодого поколения приобретают особое значение в условиях социально-экономических и политических преобразований современной России. Внедрение в сознание молодого поколения ответственности по отношению к собственному здоровью как общественному достоянию является делом общегосударственной значимости. Современный малоподвижный образ жизни с минимальными физическими нагрузками, снижающий уровень физической подготовки и развития, при-

влекает повышенное внимание государственных органов к изменению данной ситуации.

Укрепление здоровья, развитие спорта, привлечение молодежи к занятиям физической культурой – одно из приоритетных направлений молодежной политики государства. Сегодняшний уровень развития данного направления молодежной политики как никогда актуален. Важно с особым вниманием отнестись к проблеме формирования здорового образа жизни у молодого поколения. В связи с этим первоочередной задачей на всех уровнях власти становится развитие спорта, физической культуры, оздоровление молодого поколения. Строительство новых необходимых спортивных объектов для молодежи, приобретение нового оснащения, обученных специалистов указывают на инновационный подход к данной тематике.

Независимо от имеющихся недостатков, в последнее время среди молодежи постепенно возрастает интерес к спорту и физической культуре. И на этапе развития и совершенствования молодежной политики необходимым условием становится налаживание качественного диалога между федеральными, региональными и муниципальными уровнями власти. При соблюдении этих условий происходит реформирование целевых молодежных программ, осуществляется поиск новых методов и подходов для развития спорта. Самое время принимать радикальные меры по качественному улучшению состояния здоровья, формированию новых ценностей, повышению уровня гражданской ответственности и патриотизма среди молодежи.

Многолетний опыт показывает, что именно средства физической культуры и спорта обладают способностью воздействия на образ жизни, формирование здорового молодого поколения. Государство осознает, что молодежь – одна из самых динамичных категорий населения, которая способна на постоянное движение вперед к чему-то новому, не останавливаясь на прошлом, постоянно саморазвивающаяся, возрастные критерии молодежи выступают одним из многочисленных положительных компонентов этой категории. Данное поколение является важной составляющей всего общества, оно имеет особую энергетику, серьезные интеллектуальные способности и хорошую физическую подготовку, требующие немедленного применения их в действии.

Таким образом, количество молодых людей, систематически занимающихся спортом, будь то посещение секций или просто уроки физической культуры, постепенно возрастает, что свидетельствует о значительной активности молодежи в спортивной деятельности.

На протяжении некоторого времени наблюдается рост количества как спортивных школ, так и молодых людей, занимающихся в них. На данный показатель, несомненно, влияет правильно разработанная молодежная политика региона в сфере совершенствования спорта и физической культуры.

Существующая статистика количества занимающейся молодежи в спортивных учреждениях по различным видам спорта свидетельствует, что это значительная часть от всего числа молодежи. Но все-таки некоторый процент не участвует в спортивной деятельности региона по каким-либо субъективным причинам. Прогнозный план по привлечению молодежи к спорту был разработан в специальной программе Правительства Саратовской области, в которой приводятся статистические данные: процент постоянно занимающейся спортом молодежи возрастает – в 2014 г. этот процент составил 25,8, а к 2020 г., по прогнозам, он должен увеличиться до отметки 30,3%. По этим же прогнозам, количество подростков от 14 до 17 лет, занимающихся в учреждениях дополнительного спортивного образования, должно увеличиться с 21,0% в 2014 г. до 22,4% в 2020 г. Количество студенческой молодежи, занимающейся физической культурой, поднимется с 70,2% в 2014 г. до 73,8% в 2020 г. Количество молодежи, занимающейся в спортивных школах, увеличится до 50 600 чел., участвующих в спортивных региональных мероприятиях – до 397 656 чел. Численность саратовских спортсменов-членов сборных команд страны возрастет с 225 чел. в 2014 г. до 245 чел. в 2020 г., соответственно, численность высококвалифицированных тренеров по спортивной работе – с 1691 чел. в 2013 г. до 1730 чел. в 2020 г. А количество мероприятий, посвященных массовому спорту, повысится до 138 с общим участием 812,9 тыс. чел. Самое важное, что необходимо изменить и улучшить в этой системной цепи действий, это увеличить количество органов по работе с молодежью в муниципальных районах Саратовской области до 54,8% (23 района)¹.

Проведение качественной молодежной политики на региональном уровне всеми структурами и отделами по работе с молодежью свидетельствует о том, что регион делает все возможное для эффективного развития физической культуры и спорта среди молодого поколения. Несмотря на тот факт, что 29% молодежи имеют вредные привычки (курение, употребление спиртных напитков), они поддаются работе и внушению спортивного, а значит, и здорового образа жизни в

дальнейшем. Работники в сфере спорта и физической культуры активно занимаются пропагандой здорового образа жизни, используя при этом самые эффективные методы по борьбе с вредными привычками.

Исходя из этого, в 2017 г. в Саратове был проведен социологический опрос молодежи методом формализованного интервью по репрезентативной квотной выборке. Было опрошено 253 человек (49% юношей, 51% девушек). В исследовательских целях саратовская молодежь была разделена по возрастным индикаторам на четыре группы: «подростки» (до 17 лет включительно) – 11%, «юные» (18–21 год) – 48%, «молодые» (22–25 лет) – 19% и «зрелые» (25 лет и старше) – 22%.

Проанализировав отношение молодежи города к своему здоровью, спорту и физической культуре, установлены предпочтения молодежи по различным видам спорта: баскетбол – 22%, волейбол – 20%, стрельба из лука – 11%, художественная гимнастика – 8%, самбо – 16%, футбол – 15%.

Для выделения средств из бюджета на строительство новых объектов, организацию секций региональные органы опираются на мнения самой молодежи о развитости спорта в регионе, проводятся социологические исследования по данной тематике. Анализ полученных данных предоставляется всем заинтересованным структурам на территории региона и оказывает влияние на принятие определенных решений при строительстве спортивных сооружений и их доступности для всех категорий молодежи. Пожелания респондентов учитываются при составлении прогнозных планов с целью удовлетворения потребностей молодежи в создании крытого футбольного поля, летнего катка, тренажерных залов на территории ФОКов и увеличения количества бесплатных секций. Выделили также вопрос, какие мотивы у молодого поколения для занятий спортом: жизнь без болезней – 35%; заниматься спортом и быть в форме – 46%; избавиться от вредных привычек – 33%; всестороннее развитие полноценной личности – 41%, профессиональная деятельность – 29% опрошенных. В представлении молодежи о здоровом образе жизни основными критериями были: залог успешной и счастливой жизни – 28%, жизнь без болезней – 15%, спорт – 16% и т. д.

Из полученной статистики можно сделать вывод о том, что все названные характеристики, несомненно, влияют на здоровый образ жизни, важно, чтобы каждый респондент это понимал, и желательно, чтобы все вышеперечисленные характеристики, а не каждая в отдельности, сливались в одно общее определение «здоровый образ жизни».

Большее привлечение молодежи к участию в спортивной жизни своего города и региона возможно лишь при следующих условиях:

– повышение эффективности информирования молодого поколения о спортивной деятельности на региональном уровне;

– создание необходимых условий для привлечения молодого поколения в спортивные секции;

– возможность молодежи активно участвовать в спортивных мероприятиях и соревнованиях на территории региона.

Подводя итог, скажем, что развитие спорта и физической культуры является одним из важнейших приоритетных направлений государственной и региональной молодежной политики. Систематические занятия спортом у молодого

поколения способствует развитию физических и двигательных навыков, а также являются предупреждением правонарушений и преступного поведения среди молодежи.

Примечания

- ¹ См.: О государственной программе Саратовской области «Развитие физической культуры, спорта, туризма и молодежной политики» на 2014–2020 годы»: постановление Правительства Саратовской области от 3 октября 2013 года № 526-п. // Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru> (дата обращения: 09.10.2017).

Образец для цитирования:

Сайганова Е. В. Приобщение молодежи к здоровому образу жизни и занятиям спортом как направление региональной молодежной политики // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 146–148. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-146-148.

Cite this article as:

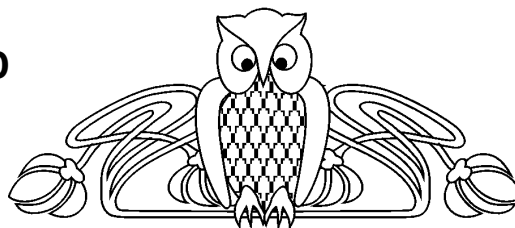
Saiganova E. V. Involve Young People in Healthy Lifestyle and Sports as the Direction of the Regional Youth Policy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 146–148 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-146-148.

УДК 316.75

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Т. А. Рассадина, Е. И. Репина

Рассадина Татьяна Анатольевна, профессор кафедры связей с общественностью и рекламы, Ульяновский государственный университет, t.rassadina@mail.ru

Evgenia I. Repina, ORCID 0000-0002-5180-2682, Ulyanovsk State University, 42, L. Tolstoy Str., Ulyanovsk, 432017, Russia, janeponomareva@bk.ru

Репина Евгения Игоревна, аспирант кафедры связей с общественностью и рекламы, Ульяновский государственный университет, janeponomareva@bk.ru

Рационализация сознания и поведения рассматривается в статье как одна из характерных особенностей современных обществ, пропитывающая все сферы жизнедеятельности различных социальных субъектов, включая молодежь. Статья посвящена анализу тенденций рационализации профессионального выбора будущих технических специалистов, обладающих особой инженерно-технической рациональностью. В основе статьи – результаты эмпирического исследования, выполненного методом фокус-группы, проведенного среди будущих пилотов гражданской авиации. Исследование показало, что наиболее типичным является рациональный продуманный выбор будущей профессии, хотя не исключено наличие спонтанного, даже вынужденного выбора. Важнейшим агентом влияния на выбор является семья, определяющая не только выбор профессии, но и ее привлекательность. Профессиональный выбор имеет полимотивированную детерминацию, в которой «сплетены» «внутренняя» (по отношению к деятельности) мотивация (интерес к данной сфере, желание стать компетентным специалистом, ориентация на получение хорошего образования) и «внешняя» (престиж и перспективность работы, материальное благополучие, потребность оправдать надежды родителей и т. д.). Информанты продемонстрировали высокую рационализацию, прагматизацию профессионального выбора, его направленность на целевые аспекты будущих профессиональных траекторий, ориентирующих акторов в соответствии с целью, средствами ее достижения и побочными последствиями. Исследование показало абсолютную осознанность и рациональность выбора девушками профессии, культура которой традиционно является маскулинной. Выбор не «женского» вида профессиональной деятельности был сопряжен с преодолением социальных стереотипов, предубеждений. Есть гендерные отличия рациональности. Доказано, что выбор профессии не только зависит от способностей к освоению определенных компетенций, он также отражает конкретную систему ценностей личности, будущий социокультурный тип специалиста.

Ключевые слова: рациональность, социальная рациональность, рационализация, профессиональный выбор, рационализация профессионального выбора.

Rationalization of the Professional Choice of Students of Technical College

T. A. Rassadina, E. I. Repina

Tatyana A. Rassadina, ORCID 0000-0002-6587-5217, Ulyanovsk State University, 42, L. Tolstoy Str., Ulyanovsk, 432017, Russia, t.rassadina@mail.ru

Rationalization of consciousness and behavior is considered in article as one of characteristics of modern societies impregnating all spheres of activity of various social subjects including youth. Article is devoted to the analysis of tendencies of rationalization of a professional choice of future technical specialists possessing special technical rationality. At the heart of article – results of the empirical research executed by method of focus group, which is carried out among future pilots of civil aviation. Research showed that the most typical is the rational thought-over choice of future profession though existence spontaneous, the even compelled elections isn't excluded. The most important agent of influence on a choice is the family defining not only choice of profession, but also its appeal. The professional choice has polymotivated determination in which «are weaved» «internal» (in relation to activity) motivation (interest in this sphere, desire to become the competent expert, orientation to receiving a good education), and «external» (prestige and prospects of work, material welfare, requirement to equal hopes of parents etc.). Informants showed high rationalization, a pragmatization of a professional choice, its orientation on target aspects of future professional trajectories focusing actors according to the purpose, means of its achievement and collateral consequences. Research showed absolute sensibleness and rationality of a choice girls of a profession which culture traditionally is maskulinny. The choice not of a «female» type of professional activity was interfaced to overcoming of social stereotypes, prejudices. There are gender differences of rationality. It is proved that the choice of profession depends not only on abilities to development of certain competences, it also reflects a concrete system of values of the personality, future sociocultural type of the expert.

Key words: rationality, social rationality, rationalization, professional choice, rationalization of a professional choice.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-149-154

Рационализация общественного и индивидуального сознания – один из ключевых продуктов революции в образовании, усложнения общественной жизни, определенный тип отношения человека к миру, способ его «вписывания», пропитывающий все аспекты жизнедеятельности человека и общества. Рациональное (от лат. *rationalis* – разумный) – относящееся к разуму (рассудку), установленное и обоснованное им, проистекающее из него, доступное его пониманию – является продуктом знания, определенной формой познающего мышления. В данном контексте рациональность, безусловно, шире, чем рациональность в науке, в теоретическом познании. Рационализация сознания, как следствие,

действия, поведения – это магистральный путь цивилизационного развития, интенсифицирующийся со временем, получивший в современную эпоху новое качество.

Рациональностью обозначают некоторые общезначимые проявления человеческого разума, обусловленные культурными, историческими и другими факторами. Под рационализацией обычно понимают такую деятельность разума, которая направляется частными интересами и потребностями личности. Рационализация отличается от любого вида рациональности, прежде всего, тем, что ставит частный, индивидуальный интерес выше общих законов. Общие правила и принципы не являются в рамках рационализации подлинными нормами мышления и поведения, а выступают – сознательно или бессознательно – лишь симулякрами общих норм и правил¹. Это противоречивый процесс, имеющий многообразные формы, культурную специфику и неоднозначность.

В. С. Швырев очень точно указывает на различие сознания, вплетенного в ткань реальной жизнедеятельности людей в качестве ее идеального плана, и сознания, выделенного из этой жизнедеятельности и ставшего предметом рефлексии. Рациональность как определенный тип работы сознания (теоретического или практического) охватывает оба этих смысла, составляет специфику рационального отношения к реальности, взятой в самом широком смысле как совокупность внешнего мира человека и его внутреннего ментального мира².

В определении рациональности как социального феномена делается акцент: на целесообразности, максимальном соответствии целей и средств их достижения в любой из сфер человеческой деятельности³; на эффективности, которая выражает связь выбора средств деятельности и средовых факторов – реальных условий, в которых происходит целедостижение (теории рационального выбора)⁴; на осознанности, целесообразности, логической упорядоченности⁵; на упорядоченном, опосредованном, обобщающем, близком научному теоретическом сознании⁶; на особой установке сознательной деятельности, для которой характерны логичность, целесообразность, упорядоченность и системность⁷; на совокупности рефлексивных содержаний социальной реальности, конституированной когнитивными практиками социальных субъектов⁸ и др.

Социальная модернизация, сопровождающаяся мощными научно-техническими достижениями, урбанизацией, бюрократизацией, резким противопоставлением субъекта и объекта, ростом значимости формального, обезличенного, прагматического, задала в качестве нового принципа социальной жизни прогресс, подразумевающий все большую рационализацию общественной жизни, где как никогда велика роль выбора как социального феномена. В условиях

рынка, плюрализации жизненных миров выбор становится постоянной и тотальной необходимостью, ключевой характеристикой деятельности человека.

Профессиональный выбор всегда был значимым фактором жизненного успеха, своего рода критическим событием. Он подразумевает наличие альтернатив, возможных для реализации. Момент выбора – средство перевода возможностей в действительность и первый шаг на пути к определенности в социально-профессиональной сфере. Сам выбор моделирует ситуацию бифуркации, которая может дать непредсказуемые результаты. Постоянные, трудно прогнозируемые ситуации превращают повседневную жизнь человека в процесс их постоянной калькуляции, стимулируют развитие рефлексивных способностей. Рефлексивность способствует росту субъектных факторов, самоорганизации, саморегуляции социального поведения, рационализации всех сфер жизнедеятельности.

Приведем некоторые результаты исследования «Рационализация сознания и поведения современной молодежи», касающиеся профессионального выбора студентов технического вуза, будущих технических специалистов. Термин «технические специалисты» используется для обозначения широкого круга специалистов преимущественно с техническим, инженерным и естественнонаучным образованием, которые заняты высококвалифицированным интеллектуальным трудом. Своеобразие профессиональной деятельности привлекает людей с определенным типом ментальности, в основе которой – интерес к освоению, применению, созданию техники и технологий и т. п., задающий модели понимания мира и организации труда на базе рациональности, расчета, с опорой на ясные, логически и математически выверенные закономерности. Технические специалисты действуют в соответствии с принципами инженерно-технической рациональности и системности. Одной из задач исследования стало выявление особенностей социальной рациональности и рационализации профессионального выбора студентов технического вуза.

Исследование выполнено методом фокус-группы. Объект исследования – курсанты Ульяновского института гражданской авиации имени главного маршала авиации Б. П. Бугаева (пилоты). Всего проведено 4 фокус-группы, общая численность участников составила 36 человек. Обращение к качественной методологии исследования на определенном этапе является важным, поскольку позволяет понять состояние сознания изучаемого объекта, выявить глубинный контекст его поведения, выделить индикаторы для дальнейших исследований, в том числе на основе количественной методологии, с целью выяснения распространенности предмета исследования в общественном сознании.

Профессиональный выбор напрямую зависит от социально-экономических условий, аккумулирует в себе все институциональные противоречия в сферах образования и труда, порождает многочисленные социальные проблемы в жизнедеятельности молодых людей⁹. В профессиональном выборе молодежи проявляется ее социально-групповая специфика как становящегося субъекта общественных отношений с переходным социальным статусом и лабильным сознанием. В отличие от других видов выбора, профессиональный выбор определяет источники жизнеобеспечения, является важнейшей предпосылкой экономической самостоятельности и независимости человека. Отсюда повышенная тревожность по поводу возможной ошибки и неудачного старта в профессиональной сфере. В условиях общественных трансформаций, отсутствия планомерной профориентационной работы, коллективной социальной защиты, расширения пространства для самостоятельного конструирования биографий в профессиональном выборе молодежи наблюдается высокая рациональность, прагматизация и вместе с тем интуитивность.

Как показывают исследования, с выбором профессии определяется только каждый второй выпускник школы. Эмпирическое исследование с очевидностью показало наличие категории курсантов, выбор которых можно квалифицировать как спонтанный и одновременно вынужденный.

Школьная жизнь не заставляла думать о будущей профессии. Когда подошёл момент поступления, оказался в замешательстве. Предложили, исходя из физической подготовки и результатов экзаменов.

Такие молодые люди испытывают различные формы давления в период профессионального самоопределения.

Родители манипулируют выбором профессии своих детей. Но как правило, они ввиду своего опыта плохого не посоветуют. Другое дело, прислушиваемся мы к их мнению, мнению общества, друзей. Бывает, доверишься, а оно окажется неудачным.

Однако выраженной спецификой мотивации выбора данной профессии является опора на семейную традицию. Именно эта мотивация определила планы на профессиональное будущее большинства респондентов.

Зачем изобретать велосипед, когда есть машина? Иду по протоптанной дорожке вслед за отцом в авиацию. Так легче. А если ещё и сам интересуешься этим, то это двойной бонус.

У меня вся семья связана с авиацией. Уже изначально я знал, что пойду в авиацию. Мне не приходилось выбирать. Я даже не сравнивал ни с чем никогда.

И даже: Хочу осуществить мечту, неоконченное дело, отца: он учился на пилота, но не доучился.

Семья является той ближайшей социальной средой, которая определяет не только сам выбор профессии, но и ее привлекательность. Благодаря вхождению в так называемую авиационную династию некоторые курсанты еще в детстве могли «подсмотреть» условия деятельности и труда, которые кроются за обобщенным термином «пилот», узнать, каких усилий требует овладение этой профессией, с какими трудностями и препятствиями могут столкнуться данные специалисты.

Дедушка, прадедушка пилотами были. Отец с авиацией тоже связан. Я с самого детства был окружен всеми этими разговорами, фотографиями, формой. С самого детства как снежный ком вот эти эмоции наполняли меня. Мне начинало нравиться небо. Мы ходили на выставки, ездили на парады самолетов. А затем ближе к окончанию школы я начал взвешивать, какие есть плюсы, какие минусы, куда поступить можно, куда нельзя. И уже под влиянием эмоций начал осознанно выбирать дальнейшую профессию.

Фактор семьи задает сложность, полимотивированность выбора. В нем «сплетается» так называемая «внутренняя» (по отношению к деятельности) мотивация (интерес к данной сфере, желание стать компетентным специалистом, ориентация на получение хорошего образования) и «внешняя» (престиж и перспективность работы, материальное благополучие, потребность оправдать надежды родителей и т. д.). Формирование мотивации зачастую идет от зажигания искры эмоций к осознанному рациональному выбору взрослого человека, не только ориентирующегося на предпочтения, но и учитывающего свои возможности, преимущества, ограничения. Хотя между эмоциями и рациональным выбором возможны разные корреляции.

Если в построении образовательной стратегии преобладают факторы, соотносящиеся с категориями интереса, увлеченности, эмоций, то выбор осуществляется на основании принципа «чего хочу я»; если же при выборе профессии превалирует мнение окружающей социальной среды, то действует принцип «чего хотят от меня». Для многих курсантов профессиональный выбор был первым самостоятельным, осознанным шагом на пути к социальной зрелости, реализации жизненных целей, построению успешной карьеры и приобретению экономической независимости от родителей.

Выбор был рационален. Прикинул все минусы и плюсы и сделал выбор.

Рациональность заключалась в том, что сам себя «взвесил». Сможешь ли ты, здоровье позволит ли, умственные способности, потянешь ли.

В моей семье нет никого из авиации. Все врачи. Мне было с чем сравнивать. Я рационально подготовился к поступлению.

Первое впечатление от полёта в школе заставляло задуматься о профессии. Готовился заблаговременно, сравнивал с другой профессией (профессией родителей – врача), сделал выбор. Первооткрыватель в семье.

Испытал себя, летал с профессиональными летчиками, которые делали фигуры высшего пилотажа, утвердился в выборе.

У меня в семье нет никого из авиации. Я сам пробиваю себе дорогу в небо.

Современные молодые люди зачастую выбирают престижные вузы и специальности, ориентируясь на высокий социальный статус и материальное благополучие, которые они предполагают. При всем многообразии факторов, стимулирующих мотивацию профессионального выбора, ведущим становится материальный.

Работа пилота позволит обеспечивать не только себя, но и близких.

Родители авиадиспетчеры, мог тоже пойти на эту специальность, было бы легче и с учёбой, и с трудоустройством, но выбрал путь пилота, более сложный, из-за зарплаты, чтобы семья ни в чем не нуждалась.

У родителей нет блестящего образования, трудятся на обычной работе, на обычных должностях. Я понял, что нужно хорошо учиться в школе, чтобы получить достойное образование и найти хорошую работу.

Очевидно, что приоритетными являются «целерациональные действия, ориентирующие акторов в соответствии с целью, средством и побочными последствиями; при этом рационально взвешиваются как средства по отношению к цели, как цели по отношению к побочным следствиям, так, наконец, и различные возможные цели по отношению друг к другу»¹⁰. Вместе с тем такие действия сочетаются с ценностно-рациональными. Таким образом поступают те, кто, по мысли М. Вебера, не считаясь с предвидимыми последствиями, действует в соответствии со своими убеждениями и выполняет то, чего, как ему кажется, требуют от него долг, достоинство, красота, религиозное предписание, пиетет и важность какого-либо «дела»¹¹.

Вопрос зарплаты не первостепенный, т. к. не вижу гарантий, что после выпуска получу именно то финансовое положение, которое хотелось бы.

Многие закрывают глаза на недостатки будущей работы (недосып, переработка, риск и опасность), чтобы получить то, что хочешь – романтику, путешествия, зарплату, удовольствие и эмоции от полета.

Сознательно пошёл на риск при выборе профессии, зная, что начались проблемы с трудоустройством по данной специальности.

Выбор профессии сопряжен не только со способностями к освоению определенных компетенций, он отражает систему ценностей личности; за каждой профессией стоят тот или иной

социокультурный тип специалиста, его образ жизни, определенная иерархия ценностей, социальный статус. Все это находит отражение в привлекательности и перспективности профессии пилота.

Когда ты летаешь не просто пассажиром, а есть возможность управлять, отрываешься от земли, то забываешь о своих проблемах. Есть ты и небо.

Я не родился с мыслью о небе. Только в 11 классе подумал, что люблю путешествовать, а эта профессия способствует путешествиям. Ее я и выбрал.

Ты занимаешься крутым делом. Ты управляешь совершенством техники. Ты всегда красивый, по форме. Это очень здорово.

Я представил, как буду сидеть в каком-нибудь офисе, чертить чертежи, мне это неинтересно. Я понял, что потом всю жизнь жалеть буду [в том случае, если упустит возможность поступления на данную специальность].

Традиционно считается, что культура технических специалистов является маскулинной как раз вследствие рациональности используемых знаний, отношений с техникой и технологиями, развитие которых на протяжении столетий находилось в руках мужчин. Профессия пилота с высокой степенью однозначности таковая. Маскулинность начинает культивироваться с момента профессиональной социализации. Профессиональная культура остается по преимуществу маскулинной. Начиная с инженерного образования и заканчивая рабочим местом технического специалиста маскулинная инженерная культура ясно заявляет о себе, включая увлеченность технологиями, экспертизу как ремесло, агрессивный стиль самопрезентации и др.

Хотя в России ситуация с маскулинностью как универсальным элементом культуры технических специалистов более сложная. Так, советский гендерный порядок не предусматривал доминирования женственности или мужественности: и мужчины, и женщины были объектами активной социальной политики государства. Гендерный контракт в СССР предусматривал реализацию женщинами профессиональной роли так же, как и функции выполнения заботы о детях и неоплачиваемой домашней работы. Советское государство стимулировало получение женщинами высшего образования и их занятость в качестве инженерно-технических работников разных направлений. Советское наследие отечественной культуры профессиональных технических специалистов не дает основания считать маскулинность ее характерной чертой.

Сегодня упрочивается ситуация с доминированием маскулинной идеологии в разных профессиональных сферах, как-то: предпринимательство, управление, военное дело, инженерно-технические специальности (в широком смысле там, где технические специалисты име-

ют дело с «железом» и материальными объектами технологий, требованиями к физическим данным, здоровью, риску). При этом женщины не только демонстрируют необходимые для этого занятия знания, компетенции и навыки, но и принимают маскулинные установки и нормы взаимодействия в процессе труда.

Наблюдаются заметные изменения в подготовке пилотов гражданской авиации. Несмотря на то, что эта специальность в обыденном сознании представляется больше делом мужчин, нежели женщин, все больше в студенческой аудитории отмечается присутствие девушек-курсантов.

Как демонстрируют наши исследования, выбор девушек был однозначно рациональным. Они признавались, что абсолютно сознательно выбрали не «женский» вид профессиональной деятельности, преодолевая социальные стереотипы, предубеждения.

Девочкам с детства говорят, носи платья, это не носи. Огромное влияние на формирование сознания оказывают общество и семья. В период взрослости она ведёт себя, опираясь на своё воспитание.

Мы все испытываем давление сложившегося типажа женщины.

В момент профессионального самоопределения «столкнулись с непониманием, критикой, скепсисом со стороны друзей и семьи», но это не пошатнуло их «уверенности в правильности сделанного выбора».

Была куча «но», была куча противостояний. Зачем тебе это надо, у тебя не получится, ты не сможешь.

Моя мама была категорически против, до сих пор она против, потому, что есть сложившийся стереотип, что женщина должна сидеть дома, выполнять... такую... мелкую работу, быть привязанной к дому. И все-таки в этом плане я поняла, что для меня это будет нерационально, потому что мне это не будет нравиться, потому что у меня не будет заработной платы, какую я хочу, у меня не будет того статуса в обществе, какой мне нужен.

Если у меня все это будет реализовано, я буду и домой приходить с радостью, и домашние дела делать с удовольствием. Если прикрыт тыл, то и работается легко. Тут наоборот, на работе хорошо, значит, и дома хорошо.

И юноши, и девушки приходят к пониманию, что рациональность как характеристика, идущая от мышления, «мужской логики», столь необходимая в профессии пилота, не является приговором для женщин.

Женщины не менее рациональны мужчин, даже в силу своей эмоциональности.

Хотя, безусловно, есть гендерные отличия. Так, женщины, по мнению информантов и мужчин, и женщин, *поступают более рационально в стандартных ситуациях, неэкстренных, когда*

отработаны действия и действует привычка. В экстренных ситуациях женщины зачастую теряются.

Однако есть понимание, что женское сознание изменилось... *Сейчас девушки получают образование, что они имеют такие же права, как и мужчины, а уровень рациональности почти не отличается.*

По словам самих участниц исследования, *сейчас они воспитывают в себе качества, необходимые в будущей работе – рациональность, ответственность, серьезность.* Это происходит в том числе благодаря окружению. Чтобы ни в чем не уступать парням, которых большинство в их коллективе, девушкам *приходится быть не только наравне с парнями, но и на две головы выше них; это закаляет.*

Таким образом, несмотря на серьезные институциональные и личные проблемы в профессиональном выборе молодежи, трансgressивность сознания, способность самоугадывания себя в будущем помогает сориентироваться в настоящем. Высокая рационализация, прагматизация профессионального выбора молодежи направлены не только на целевые составляющие будущих профессиональных и в целом жизненных траекторий. Выбор отражает усвоенные в процессе социализации представления о смысловых целях и средствах их достижения, отражает сложный ценностный мир личности молодых людей, стимулирует их внутреннюю работу над собой, которая позволяет расширять собственные границы для того, чтобы сделать мечту реальностью в сложнейших видах профессиональной деятельности.

Примечания

- 1 См.: Анкин Д. В. Рациональность и рационализация в философском дискурсе // Эпистемы. 2004. Вып. 3. С. 102–116.
- 2 См.: Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М. : Прогресс-Традиция, 2003.
- 3 См.: Давыдов Ю. Н. М. Вебер и проблема интерпретации рациональности // Вопр. социологии. 1996. Вып. 6. С. 71–77.
- 4 См.: Култыгин В. П. Теория рационального выбора – возникновение и современное состояние // Социс. 2004. № 1. С. 27–36.
- 5 См.: Пригожин А. И. Современная социология организаций. М. : Интерфакс, 1995.
- 6 См.: Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
- 7 См.: Карташев Д. Е. Рациональность как социальный феномен : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2009.
- 8 См.: Труфанов Д. О. Универсальная социологическая теория рациональности // Теория и практика общественного развития. 2012. № 4. URL: <http://www.>

teoria-practica.ru/-4-2012/sociology/trufanov.pdf (дата обращения: 15.12.2017).

- ⁹ См.: Константиновский Д. Л. Образование и жизненные траектории молодежи : 1998–2008 годы. М. : ЦСПиМ, 2011 ; Чердиченко Г. А. Образовательные траектории и профессиональные карьеры (на материалах социологических исследований молодежи). М. : ИС РАН, 2012 ; Профессиональные стратегии и

ценностные ориентации молодежи в условиях экономического кризиса : информ.-аналит. отчет / под ред. Ю. Р. Вишневого, Л. Н. Банниковой, М. В. Певой. Екатеринбург : УрФУ, 2010 и др.

- ¹⁰ Гайдено П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность : Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М. : Политиздат, 1991. С. 73.

- ¹¹ Там же.

Образец для цитирования:

Рассадина Т. А., Репина Е. И. Рационализация профессионального выбора студентов технического вуза // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 149–154. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-149-154.

Cite this article as:

Rassadina T. A., Repina E. I. Rationalization of the Professional Choice of Students of Technical College. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 149–154 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-149-154.

УДК 316.334.23

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ КРИТЕРИЕВ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ИНИЦИАТИВНЫХ АГРАРИЕВ

И. В. Нечаева

Нечаева Ирина Владимировна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт аграрных проблем РАН, Саратов, irnech89@mail.ru

Статья посвящена теоретическому обоснованию критериев конкурентоспособности сильных групп аграрной ориентации. Опора на комплексный теоретический подход позволила установить, что критерии конкурентоспособности носят «сквозной» характер и нацелены на выявление конкурентоспособных индивидов, находящихся в разных слоях сельского сообщества. Социологическое содержание данного понятия, определяемое спецификой сферы аграрного предпринимательства, формируется на основе компетенций индивидов, представляющих собой сочетание социальных и профессиональных компонентов деятельности. Новизна исследования состоит в применении комплексного подхода для теоретического обоснования критериев конкурентоспособности и исследования компетенций индивидов аграрной специализации.

Ключевые слова: конкурентоспособность, критерий, профессиональные компетенции, социальные компетенции, инициативные аграрии.

Theoretical Substantiation of the Criteria for Competitiveness of Initiative Agrarians

I. V. Nechaeva

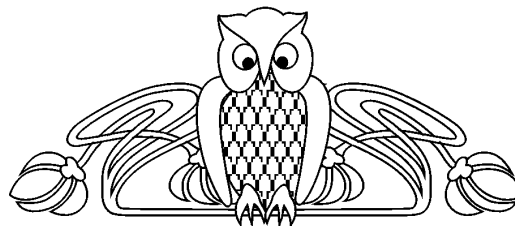
Irina V. Nechaeva, ORCID 0000-0001-8187-7362, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences, 94, Moskovskaya Str., Saratov, 410012, Russia, irnech89@mail.ru

The article is devoted to the theoretical substantiation of the criteria of competitiveness of the strong groups of agrarian orientation. The stress on a complex and approach made it possible to establish that the competitiveness criteria are of a «cross-cutting» character and aimed at identifying the competitive individuals in different strata of a rural community. The sociological content of this concept, determined by the specifics of the sphere of agrarian entrepreneurship, is formed on the basis of the competences of individuals, which are a combination of social and professional components of activity. The novelty of the study is determined by application of a complex approach to the theoretical justification of the criteria of competitiveness in the agrarian sphere; weak study of the competitiveness of individuals of agrarian specialization and investigation of competences of individuals of agrarian specialization.

Key words: competitiveness, criteria, professional competences, social competences, initiative agrarians.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-155-161

В настоящий период исследование критериев конкурентоспособности инициативных групп села приобретает особую актуальность, так как

от их активной деятельности зависит новый экономический облик аграрного сектора.

Теоретические подходы, используемые при изучении критериев конкурентоспособности, охватывают ряд направлений. Так, аграрная политика, стимулирующая развитие отдельных экономических сфер сельского социума, формируется главным образом на основе поведенческого подхода. Согласно ему, применяя определенные стимулы, можно ожидать целесообразного поведения (реагирования) конкретной деятельности, необходимой для развития общества. Таким образом, стимулируя трудовую деятельность людей, которая развивается в заданном направлении, можно добиться качественного обновления экономической и социальной жизни деревни.

В данном контексте процесс освоения индивидом аграрного предпринимательства можно представить как формирование социальной привлекательности сферы сельскохозяйственной деятельности с одновременной поддержкой конкурентных позиций индивидов, выбравших данную сферу занятости. Социальная привлекательность отрасли поддерживается за счет государственных гарантий. Она становится востребованной для активной части сельчан. По информации субъектов Российской Федерации, конкурс на получение гранта для начинающего фермера составляет до 4 претендентов на один грант. Социальная пролонгация данного вида деятельности обеспечивается притоком молодежных когорт в данную сферу деятельности, которые имеют уже более высокий образовательный ценз и необходимую квалификацию для осуществления предпринимательской деятельности в агросфере. Среди получивших грантовую поддержку на создание собственного фермерского хозяйства 39% – граждане в возрасте до 35 лет, 30% – имеют высшее образование. В 2015 г. около 12% фермерских хозяйств и 7% индивидуальных предпринимателей, занимающихся сельскохозяйственной деятельностью, получили кредиты на укрепление производственного потенциала хозяйств; 39% КФХ и 18,4% индивидуальных предпринимателей получили бюджетные дотации¹.

В данной связи возможно утверждать, что индивиды, осваивающие новые экономические практики с помощью государственных программ развития фермерского сектора, получают конкурентное преимущество по сравнению с остальными активными индивидами, которые

опираются лишь на собственные силы и институты предпринимательской среды. Но несомненно, что представители как стимулируемой, так и самостоятельной экономической деятельности обладают явно выраженными критериями конкурентоспособности, прежде всего – инициативным экономическим поведением.

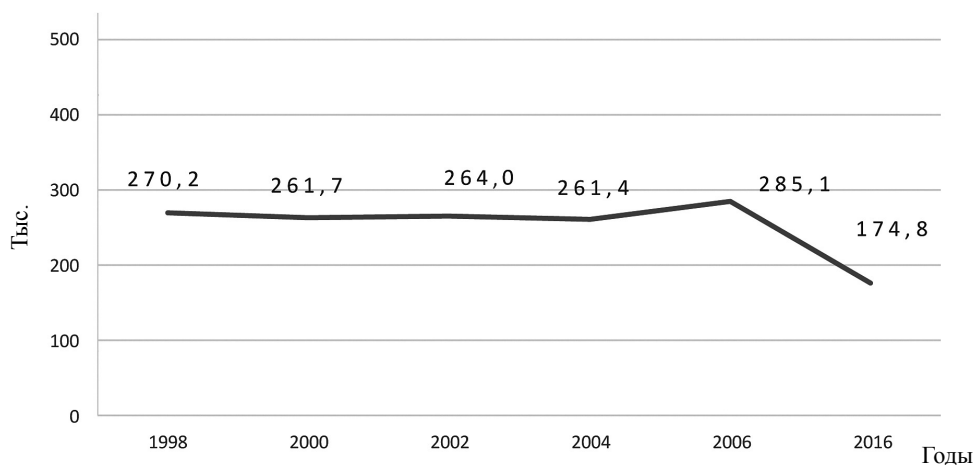
Однако, несмотря на государственную поддержку сферы аграрного предпринимательства, в настоящий период наблюдается снижение количества зарегистрированных КФХ (рисунок). Но, сопоставляя численность хозяйств с размерами земельных площадей и их технико-производственным потенциалом, можно сделать вывод, что данное сокращение происходит из-за укрупнения площадей земельных участков и наращивания экономического потенциала хозяйств.

Рассмотрение критериев конкурентоспособности через призму многогранности человеческой личности обязательно подразумевает использование ряда дополнительных теоретических основ. Специфика малых форм хозяйствования, которая предполагает необходимость владения широким спектром теоретических и практических знаний, совмещать профессиональные функции, отражается в достаточно крупном критерии конкурентоспособности, именуемом профессиональной компетентностью. Данная многомерность профессионально-квалификационного потенциала КФХ анализируется в рамках профессионально-экономического подхода², который идентифицирует конкурентоспособность с профессиональными качествами работающих. Согласно ему, основным критерием конкурентоспособности является профессиональная компетентность: образование, профессиональные знания, квалификация, умения и навыки. Так, С. И. Сотникова раскрывает критерии конкурентных позиций индивида посредством таких характеристик, как квалификация и профессиональная подготовка индивида³. А. Г. Шатохин рассматривает конкурентоспособ-

ность как обладание профессией, специальностью, дающих индивиду определенное преимущество в его трудовой реализации⁴.

В трудах А. К. Марковой профессиональная компетентность – это индивидуальная характеристика степени соответствия требованиям профессии, обладание человеком способностью и умением выполнять определенные трудовые функции⁵. В данной связи структура критериев профессиональной компетентности агропредпринимательской направленности включает социально-правовую компетентность (умение взаимодействовать с социальными институтами и окружением) и специальную компетентность (самостоятельное выполнение конкретных видов деятельности). На наш взгляд, данные критерии выступают равноценными составляющими выделенной нами профессиональной компетентности – основного ресурса конкурентоспособности. Профессиональная компетентность характеризуется как объективными критериями, так и субъективным представлением индивида о своих профессиональных качествах. В качестве объективного критерия здесь выступает опыт профессиональной деятельности с градациями: большой (более 10 лет), средний (5–10 лет), небольшой (менее 5 лет).

Любая профессиональная деятельность сопровождается определенными социальными характеристиками. Поэтому социологические характеристики теоретической конструкции критериев конкурентоспособности активных индивидов включают мобильность и профессиональную самостоятельность. Сфера аграрного предпринимательства, как и любая иная предпринимательская сфера, предъявляет особые требования к профессиональной мобильности индивида, а именно к самостоятельному поиску и организации своей трудовой занятости. Индивид здесь не просто востребован на рынке труда, а сам, самостоятельно, создает нишу своей трудовой реализации. Конкуренция как таковая

Число зарегистрированных КФХ в Российской Федерации

здесь переходит на иной уровень – соревнуются не просто индивиды с определенным набором личностных и социально-профессиональных качеств, а носители разных жизненных стратегий, способов социального существования. Вектор частного аграрного хозяйствования дает индивиду возможность активно передвигаться из одного социального слоя в другой, повышать свой общественный и материальный статус. Эти теоретические построения дают возможность выделить данную способность в качестве важного критерия конкурентоспособности индивидов, ведущих (либо планирующих организовать) собственное дело аграрного профиля. Такое представление соответствует и мнению ряда исследователей данной проблемы, которые рассматривают профессиональную мобильность как способ адаптации к разным нишам трудовой занятости и возможность быть востребованным на рынке труда⁶.

Адаптируя понятие «профессиональная мобильность» применительно к сфере аграрного предпринимательства, мы несколько видоизменяем ее смысл и понимаем ее не просто как способность переходить от одной профессии к другой, а как переход от привычного способа деятельности к новому способу трудовой реализации. В данной связи конструкцию критериев конкурентоспособности необходимо дополнить качествами социальной инновационности, креативности личности.

Социологическая платформа изучения критериев конкурентоспособности в центр исследования ставит индивида, обладающего, а чаще нуждающегося в развитии своего социального потенциала. Социокультурное теоретическое направление в качестве основного критерия конкурентоспособности рассматривает социокультурную активность индивида, которая по своей социальной сущности является механизмом реализации его профессиональных качеств в трудовой сфере. Социокультурный подход, объединенный пониманием человека как активного деятельностного субъекта (М. Вебер, П. Сорокин, Н. И. Лапин, Э. Гидденс), в качестве движущей силы данной активности выделяет социокультурные установки: ценностно-нормативную систему, ментальность субъекта и социума. В рамках данного подхода человеческая деятельность определяется структурой личности, ценностно-нормативными установками, которые определенным образом влияют на направления и течение экономических процессов (П. Сорокин). Применительно к нашему исследованию данный подход чрезвычайно ценен тем, что дает возможность рассматривать модернизацию сельского пространства через конкурентоспособное поведение (активную деятельность) инициативных индивидов, являющееся следствием освоения ими рыночных ценностей путем самостоятельной организации аграрной предпринимательской деятельности.

Теоретическое обоснование выявления критериев конкурентоспособности не может опираться на один или несколько теоретических подходов. Многогранность личности, обладающей неким потенциалом конкурентоспособности, вызывает необходимость и целесообразность использования комплексного подхода, который объединяет существенные моменты разных подходов. Он не противоречит вышеописанным подходам, а лишь существенно дополняет их пониманием профилирующего значения социальной, формируемой на основе культурных норм. Как абстрактная модель, которая отражает некие универсальные и общераспространенные представления о предмете исследования, данный подход нуждается в существенном уточнении в соответствии с исследуемым феноменом – критериями конкурентоспособности. И для определения набора данных критериев, применимых для формирования вектора трудовой реализации индивида в сфере частного аграрного предпринимательства, требуется его существенная адаптивная трансформация.

Методологически проблему исследования критериев конкурентоспособности инициативных групп села можно представить в ракурсе необходимости: 1) изучения субъектных аспектов деятельности и параметров их проявления в определенных группах села, дающих возможность причислить их к конкурентоспособным группам аграриев; 2) формирования конкурентоспособного индивида, который соответствовал бы перспективным задачам развития малых форм аграрного производства и с помощью целевых государственных программ либо самостоятельно осваивал новые способы экономической сельскохозяйственной деятельности.

Адаптация понятия «конкурентоспособность» в социологическом контексте дала возможность понимать критерии конкурентоспособности как деятельностные проявления и социальные качества индивидов, определяющие их конкурентоспособность в аграрной сфере. В этой связи существенное значение имеют социальные показатели данных качеств – качественные и количественные характеристики отдельных свойств индивидов. Так, можно предположить, что определенными социально-конкурентными преимуществами обладают группы, характеризующиеся инновационным складом мышления, определенной трудовой самостоятельностью, быстро адаптирующиеся к социально-экономическим новациям и общим процессам изменений в селе посредством освоения новых индивидуальных экономических практик. Определенный набор поведенческих проявлений и высокая степень развития у индивидов вышеперечисленных и ряда дополнительных качеств, отражающих уровень и показатели их трудовой активности, дает нам вероятностную возможность идентифицировать ее как облада-

ющую конкурентными преимуществами с общим высоким уровнем конкурентоспособности. При этом данные конкурентные позиции позволяют ей удерживать лидирующее положение и как группе, которая активно востребована по найму и составляет персонал фермерских хозяйств, коллективно-долевых предприятий, и как группе, реализующей свою инициативу в сфере частного аграрного хозяйствования. Вектор жизнедеятельности индивида, в котором превалируют ценности предпринимательской культуры – рационального мышления, профессионализма, предприимчивости, подразумевает трудовую реализацию в инициативных, основанных на индивидуальном векторе трудовой деятельности предприятиях (в фермерском хозяйстве, микропредприятии аграрного профиля). Традиционные ценности определяют вектор трудовой занятости в традиционно существующих видах трудовой деятельности на селе (занятость по найму).

Конкурентоспособность малых форм хозяйствования традиционно определяется трудовым потенциалом представителей данных форм, так как именно для таких предприятий характерна высокая степень зависимости перспектив их развития от личного потенциала организатора предприятия⁷. Так, аскриптивные характеристики: пол, возраст и показатели здоровья, имеют существенное значение в сфере сельскохозяйственного производства, где господствует физический труд, часты поездки, существенны психологические нагрузки. Данные Росстата РФ свидетельствуют о том, что сфера сельскохозяйственного предпринимательства представлена преимущественно мужчинами. В 80% случаев главы КФХ – мужчины, соответственно, 20% глав КФХ – женщины. Отметим, что молодых представителей (до 29 лет) в данной когорте не так много – 5,5%. Остальная часть этой профессиональной группы представлена еще достаточно молодыми членами (29–49 лет – 45,4%) и представителями зрелого возраста (50 лет и более – 49,1%). Практически аналогичное возрастное распределение и в группе женщин руководителей КФХ и индивидуальных предпринимателей в сфере сельскохозяйственной деятельности. Однако за период с 2006 по 2016 гг. в данной группе наметилась неблагоприятная тенденция – удельный вес глав фермерских хозяйств старше 50 лет увеличился на 9,2%, составив в 2016 г. 49,1%, у индивидуальных предпринимателей – на 7%, с 37,1 до 44,0% соответственно⁸. Несмотря на то, что молодых предпринимателей явно недостаточно, существенное представительство зрелого возраста не менее ценно, поскольку данная группа обладает воспроизводственным (династическим) потенциалом продолжения данной деятельности.

Специальность, подтвержденную дипломом, в 2016 г. имели 78,6% владельцев и со-

владельцев фермерских хозяйств, из них 38,2% выполняли работу, полностью не соответствующую полученной специальности. Дополнительную подготовку среди фермеров, не имеющих соответствующего базового образования, прошли только 5,6%⁹.

На основе существующего в сельской реальности образца, мелких и средних фермеров, обладающих такими качествами, как трудолюбие, предприимчивость, экономическая активность, выделены интегрированные индикаторы, носящие «сквозной» характер и нацеленные на выявление конкурентоспособных индивидов, находящихся в разных слоях сельского сообщества. Идентифицировать конкурентоспособный слой села, на наш взгляд, возможно, используя социологический инструментарий, структурированный по смысловым блокам:

- часто практикуемая трудовая активность через доступные способы повышения материального достатка семьи;
- трудовая самостоятельность;
- наличие предпринимательских ориентаций;
- потребность в саморазвитии и готовности к новой деятельности;
- совмещение профессиональных функций;
- уровень трудовой мобильности.

Используя данные аналитические построения, нами выделен ряд основных критериев конкурентоспособности индивидов и их характеристик, применимых как для аграрной предпринимательской деятельности, так и занятости по найму (табл. 1).

Показатели реализованной конкурентоспособности индивида в сфере частного хозяйствования можно отследить только посредством субъективных мнений, социального самочувствия респондентов – субъектов активного предпринимательства¹⁰. Так, объективный показатель материального достатка семьи может считаться малым, приемлемым либо сверхдостаточным в зависимости от субъективного восприятия респондента, размеров его семьи, планов на будущее и ряда иных причин. Но даже объективно малый финансовый результат, воспринимаемый субъектом предпринимательства как достаточный, его гармоничное существование в сельской среде, по нашему мнению, следует считать оптимальным показателем реализации ресурсов его конкурентоспособности. В качестве критериев-указателей на наличие реализованной конкурентоспособности предлагается использовать:

- самооценку материального достатка;
- показатель социального самочувствия;
- наличие перспектив в трудовой деятельности индивидов.

Социологические аспекты конкурентоспособности малых форм хозяйствования как экономической формы трудовой реализации инициа-

Таблица 1

Характеристика критериев конкурентоспособности индивидов

Критерии конкурентоспособности	Характеристика критериев
Аскриптивные характеристики	Пол, возраст, состав семьи, состояние здоровья
Профессиональная компетентность	Образование, специализированное образование; умения, навыки, необходимые для выполнения профессиональных функций; опыт профессиональной деятельности
Отношение к труду	Трудовая активность, стремление к более высокой планке достижений, карьерному росту, использование возможностей повышения квалификации и мастерства, стремление к росту оплаты труда
Ценностные приоритеты	Восприятие труда как источника самореализации, общения, материальных благ; удовлетворение трудовой деятельностью
Социальные компетенции	Работоспособность, дисциплинированность, коммуникативность, взаимопомощь
Особые знания, умения	Умение управлять сельскохозяйственной техникой, автомобилем, выполнять ремонтные работы, компьютерная грамотность и др.

тивных индивидов, на наш взгляд, заключаются в их органичном присутствии в местном социальном пространстве. Сфера деятельности малых предприятий, как правило, охватывает местный локальный уровень поселения, и за счет освоения новых экономических практик формируется интегративная сеть сельского социального пространства. В результате создается социальное поле их влияния в сообществе, усиливающее их социальные позиции (табл. 2).

Существует также ряд неформальных факторов, влияющих на конкурентоспособность индивидов либо их групп, дающих им весомые конкурентные преимущества. Здесь представляется обоснованным выделить так называемые социальные компетенции индивидов. По мнению ряда исследователей, профессионально-компетентностный контекст понятия «конкурентоспособность» всегда насыщается личностными социальными качествами субъекта, подразделяя ее на профессиональную и социальную. Причем именно во внепрофессиональном содержании заключается принципиальное различие категорий «конкурентоспособность» и «профессионализм». Гранью, разделяющей данные категории, является востребованность специалиста, которая обусловлена рядом качеств, выходящих за пределы профессиональной сферы в сферу общечеловеческих характеристик, что позволяет утверждать, что конкурентоспособность определяется в том числе и социальными компетенци-

ями (Г. В. Власюк, С. А. Хазова, А. Я. Флиер)¹¹. Ряд исследований, которые отслеживали конкурентоспособные позиции как со стороны работников, так и со стороны работодателей, показали несовпадение их мнений о критериях конкурентоспособности первых. Так, работодатели наряду с профессиональными компетенциями высоко ценят коммуникационные навыки работающих – умение общаться с людьми, налаживать деловые связи. Также высоко были оценены трудолюбие, ответственность, усидчивость. Данные качества характеризуют специалиста скорее не как профессионала, а как носителя производственно важных компетенций, что позволяет утверждать, что социальные качества зачастую преобладают над профессиональными, что только подчеркивает их значимость. Это дает возможность рассматривать социальные компетенции как характеристику, объединяющую социальные и профессиональные компоненты деятельности.

Данная трактовка понятий чрезвычайно актуальна именно для сферы аграрного предпринимательства, специфика которой представлена комбинацией социальных и профессиональных качеств предпринимательски ориентированного индивида. Зачастую именно социальные характеристики обеспечивают ему дополнительные конкурентные преимущества, способствуют, при равных (или почти равных) профессиональных характеристиках, более эффективной реализации себя в предпринимательском деле¹². Поэтому

Таблица 2

Социальная платформа конкурентоспособности малых форм хозяйствования (КФХ, ЛПХ и др.) в сельском социуме

Показатели	Характеристика показателей
Экономические аспекты деятельности	Адаптивность, структурная гибкость малых форм хозяйствования
Укорененность в сельском социуме	Прочные интегративные связи с локальным сообществом, преимущественное использование местного трудового потенциала, поддержка социальной сферы
Государственная идеология	Государственная политика поддержки и развития, финансирование целевых программ развития малых форм хозяйствования
Административные условия	Лояльность органов власти и приемлемость административных ограничений в силу распространения идеологии поддержки и малых размеров хозяйственных субъектов

представляется обоснованным выделить так называемые социальные компетенции инициативных аграриев. Они определяются уже не только профессиональными критериями индивидов, но и рядом социальных качеств индивидов, выходящих за пределы профессиональной деятельности в сферу социологического пространства.

Малые формы хозяйствования, как правило, по генезису происхождения имеют семейный характер. Так, в общей структуре численности занятых в фермерских хозяйствах и хозяйствах индивидуальных предпринимателей, занятых сельскохозяйственной деятельностью и насчитывающей 367,2 тыс. чел., более половины – 202,4 тыс. чел. – приходится на глав и членов семей инициативных аграриев (55,2%). Вторая половина работающих в данных формах приходится на наемных работников, из которых 95,8 тыс. чел. трудятся на постоянной основе (26,0%). Около 34,0% хозяйств имеют исключительно семейный характер и осуществляют свою деятельность без найма дополнительных работников¹³.

В семейном предприятии находится дело для всех членов семьи, подрастающего поколения и родственников. Продуктивный семейный характер труда служит важным объединительным моментом, и важность данного значения проявляется не только в общей консолидации семьи, но и в выстраивании будущего жизненного вектора для следующего поколения. Семейный феномен хозяйствования формирует самые благоприятные условия для развития тенденций межпоколенного воспроизводства фермерской деятельности. В данном контексте важная функция современной фермерской деятельности – это сохранение и передача потомкам устойчивой жизненной ориентации на сельскохозяйственную занятость и сельский образ жизни. Социологические исследования¹⁴ воспроизводственных механизмов предпринимательского уклада, связанных с включением подрастающего поколения в семейный бизнес, показали, что половина действующих фермеров организовали свои хозяйства для того, чтобы у их детей было predetermined будущее. В данной связи специфика сельскохозяйственной жизнедеятельности требует дополнить существующую структуру конкурентоспособности особыми сельскими критериями конкурентоспособности индивидов, в ряде случаев дающими им определенные конкурентные преимущества. Среди них:

- социальные компетенции;
- наличие качества сельской укорененности индивида;
- воспроизводственный аспект деятельности (передача фермерской деятельности следующему поколению семьи).

Малые формы хозяйствования представляют собой многоплановый феномен современной действительности, неразрывно сочетающий в

своей деятельности экономические и социологические аспекты¹⁵. Социальное начало данной формы хозяйствования, состоящее из приоритета личного интереса субъекта, на наш взгляд, является сильной конкурентной позицией данного вида деятельности, тогда как отсутствие финансовой основы и определенные трудности с ее получением могут нивелировать конкурентные позиции представителей такой формы хозяйствования¹⁶. В данном контексте основные конкурентные преимущества ей обеспечивает целевая финансовая поддержка государства. Расширения поля его влияния и характера воздействия на экономические процессы в агроэкономике требуют насущные потребности обеспечения продовольственной безопасности, которые сегодня особо актуальны и доминируют в качестве стратегического приоритета национального развития.

Примечания

- 1 См.: Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года / Федеральная служба гос. статистики : в 2 т. М. : ИИЦ «Статистика России», 2017. Т. 1. С. 260.
- 2 См.: Кутейницына Т. Г. Конкурентоспособность специалиста : критическое прочтение отечественных публикаций // Современные исследования социальных проблем. 2011. Т. 8, № 4. С. 8.
- 3 См.: Сотникова С. И. Конкурентоспособность рынка труда : генезис социально-экономического содержания // Маркетинг в России и за рубежом. 2006. № 2. С. 95–107.
- 4 См.: Шатохин А. Г. Теоретическая модель конкурентоспособности работника // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. 2000. № 2. С. 26–31.
- 5 См.: Маркова А. К. Психология профессионализма. М. : Знание, 1996.
- 6 См.: Касьяник Е. Л. Психологическая диагностика самосознания личности. Мозырь : Содействие, 2007. С. 22–24.
- 7 См.: Нечаева И. В. Социальные ресурсы развития аграрного предпринимательства // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 25.
- 8 См.: Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. С. 73.
- 9 См.: Мореханова М. Ю. Социальные ресурсы повышения конкурентоспособности агропродовольственного комплекса : современные проблемы формирования и реализации // Островские чтения. 2017. № 1. С. 52.
- 10 См.: Семенов С. Н., Бочарова Е. В. Развитие функционально-структурного метода в системе управления социальным потенциалом АПК // Научное обозрение : теория и практика. 2016. № 2. С. 107–116.
- 11 См.: Власюк Г. В. Особенности социальной конкурентоспособности // Наука и школа. 2013. № 1. С. 173–180 ; Флиер А. Я. Культура как фактор национальной безопасности // Общественные науки и современность. 1998. № 3. С. 181–187 ; Хазова С. А. Развитие конкуренто-

- способной личности в системе образования : дис. ... д-ра пед. наук. Майкоп, 2011.
- ¹² См.: Нечаева И. В. Условия и факторы формирования предпринимательского потенциала сельского социума // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 28–33. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-28-33.
- ¹³ См.: Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. С. 34, 82.
- ¹⁴ Результаты социологического исследования лаборатории социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий (ИАГП РАН). Саратовская область. Квотная выборка. 2011–2012 гг. (N = 332).
- ¹⁵ См.: Нечаева И. В. Социальные риски развития предпринимательских инициатив в аграрной сфере // Региональные агросистемы : экономика и социология. 2016. № 2. С. 19.
- ¹⁶ См.: Семенов С. Н., Бочарова Е. В. Совершенствование системы стратегического управления приоритетами развития социального потенциала АПК на основе функционально-структурного метода и социального таргетирования // Региональные агросистемы : экономика и социология. 2016. № 1. С. 16.

Образец для цитирования:

Нечаева И. В. Теоретическое обоснование критериев конкурентоспособности инициативных аграриев // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 155–161. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-155-161.

Cite this article as:

Nechaeva I. V. Theoretical Substantiation of the Criteria for Competitiveness of Initiative Agrarians. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 155–161 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-155-161.

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.4

ЭФФЕКТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Е. С. Коротковская

Коротковская Елена Сергеевна, аспирант кафедры социальной информатики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, korotkovskaya@list.ru

В статье анализируется проблема эффективности использования интеллектуальной собственности в современных российских социально-экономических условиях. Показано, что интеллектуальная собственность, цифровая инфраструктура и оборот интеллектуальных прав становятся ключевыми факторами, определяющими социально-экономический рост. Одним из важных социально-экономических показателей технологического развития страны является уровень патентной активности, отражающий возможности влияния сектора генерации знаний на реальную экономику. Уровень патентной активности традиционно оценивается по коэффициенту изобретательской активности. Говоря об эффективности использования интеллектуальной собственности, в статье предлагается, прежде всего, оценить имеющиеся вызовы и разрабатывать меры противодействия им. Отмечено, что государством предпринято много усилий по совершенствованию традиционного института интеллектуальной собственности – произошла кодификация законодательства, введен институт свободных лицензий, созданы государственные информационные системы учета различных видов результатов интеллектуальной деятельности. В России предпринимательский сектор, составляя основную часть экономики, является наиболее отсталым в вопросах интеллектуальной собственности. Он формирует лишь третью часть патентов на изобретения. Этот факт показывает огромный потенциал трансформации работы с технологиями корпоративного сектора. Проанализированы основные вызовы, препятствующие эффективности использования интеллектуальной собственности. Выделены основные направления развития сферы интеллектуальной собственности. Отмечено, что Россия вступает в эпоху цифровых рынков интеллектуальных прав в условиях не сформированной культуры создания, оборота и потребления нематериальных благ.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, патент, патентная активность, трансфер технологий, инновационное производство.

Effective Use of Intellectual Property in Contemporary Russian Socio-Economic Conditions

E. S. Korotkovskaya

Elena S. Korotkovskaya, ORCID 0000-0003-0498-0010, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, korotkovskaya@list.ru

The article analyzes the problem of the effectiveness of the use of intellectual property in modern Russian socio-economic conditions. It is

shown that intellectual property, digital infrastructure and the turnover of intellectual rights are becoming key factors determining social and economic growth. One of the important socio-economic indicators of the country's technological development is the level of patent activity that reflects the opportunities for the knowledge generation sector to influence the real economy. The level of patent activity is traditionally estimated by the coefficient of inventive activity. Speaking about the effectiveness of the use of intellectual property, the article suggests first of all to assess the existing challenges and develop measures to counter them. It is noted that the state has made a lot of efforts to improve the traditional Institute of intellectual property – codification of legislation, introduced the Institute of free licenses, created state information systems for recording various types of intellectual property. In Russia, the business sector, making up the main part of the economy, is the most backward in matters of intellectual property. It forms only one third of the patents for inventions. This fact shows the huge potential of transformation of work with the technologies of the corporate sector. Analyzes the main challenges that hinder the effectiveness of the use of intellectual property. The main directions of development of the sphere of intellectual property are allocated. It is noted that Russia is entering an era of digital markets of intellectual property rights in the conditions of not formed culture of creation, turnover and consumption of intangible goods.

Key words: intellectual property, patent, patent activity, technology transfer, innovative production.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-162-168

Институт интеллектуальной собственности представляет собой ядро современной глобальной экономики – появление новых результатов интеллектуальной, творческой деятельности, их правовая охрана на внешних рынках предшествуют материальному движению товаров и услуг¹.

Сами объекты права также являются товаром. Рынок интеллектуальной собственности растет темпами, превышающими темпы роста «материальных» рынков, – более 10% в год (Китай – 23%, США – 5%, Франция – 2%, Россия – 5%). От того, какие результаты интеллектуальной деятельности вовлечены в гражданский оборот, какова их стоимость и скорость оборота, напрямую зависит динамика роста ВВП и глобальных индексов конкурентоспособности национальной экономики.

На горизонте 2025 г. роль интеллектуальной собственности и цифровой инфраструктуры оборота интеллектуальных прав станет ключевым фактором, определяющим социально-экономический рост в стране и, как следствие, влияние

страны в мире. Предпосылки для этого созданы развитием глобальных цифровых сетей, более 70% трафика которых составляет движение объектов интеллектуальной собственности.

В начале 2000-х гг. основной объем трафика и, соответственно, финансовых средств был связан с передачей музыкальных и аудиовизуальных произведений. Катализатором роста рынка этого вида интеллектуальной собственности стало широкое распространение цифровых устройств для воспроизведения музыки и видео.

В ближайшее десятилетие рост трафика и рынков будет связан с передачей объектов, предназначенных для промышленного производства, – трехмерных моделей, оцифрованных описаний новых материалов и генетических ресурсов, формул лекарственных препаратов, цифровых описаний промышленных объектов – от атомных станций до нанороботов.

Катализатором этого рынка уже стало бурное развитие аддитивных технологий и роботизированных производств, которые позволяют выпускать любую продукцию по цифровому описанию в любой точке мира, тем самым избегая таможенных и логистических барьеров. В этой связи следует отметить, что Российская Федерация и иные страны, в первую очередь Евразийского таможенного пространства, уделяя значительное внимание вопросам трансграничного перемещения товаров, фактически тратят усилия на решение задач, продиктованных исключительно существующим технологическим укладом, при этом преимущественно оставляя в стороне перспективные вопросы в сфере интеллектуальной собственности.

Вместе с тем прогноз научно-технологического развития Российской Федерации дает все основания концентрироваться на решении задач оборота интеллектуальных прав в цифровой среде. Это подтверждает и то, что 80% капитала развитых стран составляет нематериальный². Рост рынка интеллектуальной собственности (в том числе ключевых технических решений, средств индивидуализации, создаваемых объектов авторских прав) опережает рост ВВП: за 10 лет (2000–2011) мировые доходы от экспорта интеллектуальной собственности (ИС) увеличились в 3,1 раза при росте ВВП в 2,1 раза. Рынок ИС – глобальный, пронизывает все рынки товаров: за 17 лет (1990–2007) охват стран вырос с 22 до 75% (число стран, компании которых осуществляют лицензионные платежи, увеличилось с 62 до 147, получают платежи – с 43 до 143).

Одним из важных социально-экономических показателей технологического развития является уровень патентной активности, отражающий возможности влияния сектора генерации знаний на реальную экономику. Последний, в свою очередь, зависит, прежде всего, от качества и специализации исследовательской базы в стране³, эффективности формирования заказа и

постановки задач в сфере исследований и разработок, наличия компетенций по правовой охране и управлению результатами интеллектуальной деятельности (РИД) в организациях, качества государственных и негосударственных услуг в сфере интеллектуальной собственности, общей экономической ситуации и особенностей национального взаимодействия с глобальным рынком товаров и услуг. Уровень патентной активности традиционно оценивается по коэффициенту изобретательской активности (количество заявок на патенты на изобретения от национальных заявителей на 10 тыс. населения), по которому в 2015 г. Россия отставала в 5–18 раз от технологически развитых стран.

Важным фактором такого отставания является отсутствие достаточного уровня конкуренции на национальном рынке продуктов и услуг. Патентная активность, несмотря на переход Российской Федерации к рыночной экономике, по-прежнему в значительной степени обусловлена не экономической целесообразностью, а требованиями, установленными государством к научно-технологическому сектору, – от присвоения научной квалификации до оценки результативности научных организаций. Незначительное присутствие на внешних рынках также является фактором, определяющим отставание России от стран-лидеров: количество заявок на патенты для получения правовой охраны в зарубежных странах ниже в десятки раз (в 15–60 раз в 2015 г.).

Не менее значимой причиной низких показателей патентования выступает несформировавшаяся культура работы с объектами интеллектуального права⁴ – кодифицированное и современное законодательство в этой сфере появилось лишь в 2006 г., решение о приоритетном закреплении прав на результаты исследований и разработок за научными и образовательными организациями было принято Президентом Российской Федерации в 2012 г. (для сравнения: закон Бэя–Доуэла в США был принят в 1980 г.).

Вместе с тем, несмотря на отсутствие такой культуры и, как следствие, развитой системы легального технологического трансфера, общее количество зрелых инновационных компаний в России ближе к экономически развитым странам: при измерении такого показателя, как доля организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций, наблюдается отставание всего лишь от 2 до 4 раз. Ряд экспертов оценивают позицию России по доле инновационных компаний среди других развитых стран более оптимистично – с учетом ненадежности статистики и результатов пилотных обследований отставание не превышает 1,5–2,0 раза.

В целом по абсолютному количеству заявок на патенты⁵ на изобретения Россия занимает 7-е место в мире (41,6 тыс. шт. в 2016 г.), уступая Китаю (1102,0 тыс. шт.), США (589,0 тыс.

шт.), Японии (319,0 тыс. шт.), Республике Корея (213,7 тыс. шт.), Германии (66,9 тыс. шт.) и Индии (45,7 тыс. шт.). Одновременно за последние 10 лет более чем в два раза вырос коэффициент технологической зависимости (соотношение зарубежных и отечественных заявок на изобретения) – с 0,3 в 2004 г. до 0,55 в 2015 г. Это увеличение особенно примечательно на фоне снижения данного показателя в Китае с 0,98 до 0,14 и нахождения показателей таких стран, как Япония, Германия, Республика Корея, в интервале 0,23–0,28.

При этом коэффициент самообеспеченности (соотношение отечественных заявок к общему числу заявок внутри страны) России снизился с 0,73 до 0,64 с 2005 г., что вместе с динамикой коэффициента технологической зависимости демонстрирует растущую зависимость отечественной промышленности от зарубежных технологий и слабую динамику положительных изменений в культуре правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности российских организаций. Для сравнения, в 2015 г. коэффициенты самообеспеченности Китая, Республики Корея, Японии и Германии находились в интервале 0,71–0,88.

Обеспечение технологической независимости является целью, определенной Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной 1 декабря 2016 г. Указом Президента Российской Федерации № 642, и ее реализация потребует существенных изменений модели развития института интеллектуального права.

Говоря об эффективности использования интеллектуальной собственности, следует, прежде всего, оценить имеющиеся вызовы и разрабатывать меры противодействия им. Отметим, что в последние годы государством предпринято много усилий по совершенствованию традиционного института интеллектуальной собственности – произошла кодификация законодательства, введен институт свободных лицензий, созданы государственные информационные системы учета различных видов результатов интеллектуальной деятельности.

Однако эти усилия Правительства Российской Федерации пока не привели к качественному изменению сферы интеллектуальной собственности и существенному повышению ее влияния на научно-технологическое развитие и темпы экономического роста страны.

В России предпринимательский сектор, составляя основную часть экономики, является наиболее отсталым в вопросах интеллектуальной собственности. К примеру, он формирует лишь третью часть патентов на изобретения, тогда как в странах-лидерах доминирует с точки зрения патентной активности. Этот факт показывает огромный потенциал трансформации работы с технологиями корпоративного сектора.

Более того, крайне низка культура работы с интеллектуальной собственностью в целом,

включая охрану в качестве секретов производства (ноу-хау) и использование компаниями соответствующих инструментов в бизнесе, несмотря на то что действующее гражданское законодательство в целом создает необходимые условия.

Низкая культура работы бизнеса с интеллектуальной собственностью может привести к рискам утраты прав на используемые предприятиями и разрабатываемые технологии, потери инвестиций в НИОКР, а также возможностей пресекать недобросовестные действия конкурентов. Это связано с отсутствием на предприятиях действенной системы управления правами на результаты интеллектуальной деятельности. К примеру, согласно ст. 1370 Гражданского кодекса РФ⁶, по истечении 4 месяцев после того, как работник уведомит предприятие о создании в процессе творческой деятельности результата интеллектуальной деятельности, исключительное право на последнее переходит работнику, который, в свою очередь, при отсутствии интереса предприятия к внедрению данного РИД имеет право реализовать его третьим лицам. Эти нормы организациями, как правило, не соблюдаются, что влечет для них серьезные правовые риски.

Еще одним вызовом является низкая доля нематериальных активов в составе совокупных активов организаций – менее 1%. Ее повышение возможно за счет активного вовлечения в гражданский и экономический оборот используемых организациями технологических решений, обеспеченных правовой охраной, чему сейчас препятствует действующий режим налогообложения.

Как свидетельствуют данные таблицы, относительно большую долю патентов (порядка трети) получают вузы и научные организации. Однако внедрения данных патентов в экономический оборот не происходит – в последнее время стали появляться единичные случаи лицензирования и продажи разработок, в том числе через центры трансфера технологий при данных организациях, но системной работы в этом направлении не ведется. У многих вузов и НИИ отсутствуют политика по интеллектуальной собственности и локальные нормативные акты, определяющие процедуры работы, распределение прав и вознаграждение, сервисы в данной сфере, что создает непрозрачную и низкоэффективную систему работы с РИД в данных организациях.

Оставшаяся часть приходится в основном на физические лица, среди которых большую долю занимают «мусорные» патенты. Одновременно патентование физическими лицами не столько отражает склонность к изобретательству граждан, сколько подтверждает указанные проблемы в деятельности организаций, «вынуждающие» физические лица патентовать и внедрять разработки за пределами организаций.

Данные по патентной активности отечественных заявителей (заявки на патенты и выданные патенты на изобретения) по категориям социально-экономических субъектов в 2016 г.

Хозяйствующие субъекты	Количество заявок на патенты	Доля от общего числа, %	Количество полученных патентов	Доля от общего числа, %
Вузы/образовательные учреждения	6199	23,2	3292	15,7
НИИ/научные учреждения	2634	9,9	2028	9,7
Предпринимательский сектор (без ИП)	6111	22,9	6504	30,9
Физические лица (с ИП)	11 570	43,4	9050	43,0
Иные	157	0,6	138	0,7
Всего	26 671	100,0	21 012	100,0

Другим определяющим вызовом, значительно влияющим на институт интеллектуальной собственности как в России, так и во всем мире, является цифровизация экономики.

Технологии, развитие которых во многом обеспечено благодаря интеллектуальному праву, сегодня оказывают наиболее существенное давление именно на этот институт. В частности, можно выделить ряд «больших вызовов», наиболее значимых для указанной сферы:

1) передача объектов в цифровой среде и их производство и (или) воспроизводство упростилось и ускорилось настолько, что перестало сопровождаться заключением традиционных договоров о передаче прав на такие объекты (заключение договора стало более трудоемким процессом, требующим специальных знаний и затрат, в то время как воспроизведение и производство осуществляются практически «одним кликом»);

2) авторы и соавторы, а также потребители находятся в крайне сложных цепочках взаимоотношений, связанных с использованием, переработкой и формированием новых объектов интеллектуального права, так что новизну и творческий вклад определить крайне сложно. Из-за этого возрастает число споров и нагрузка на судебную систему, деформируются отношения и нарастает социальная напряженность между авторами открытых публикаций и патенто-обладателями;

3) появляются новые, цифровые стандарты описания объектов интеллектуального права, пригодные непосредственно для производства, при этом получение правовой охраны по-прежнему требует формальных «текстовых» описаний.

Таким образом, необходимо отметить, что Россия вступает в эпоху цифровых рынков интеллектуальных прав в условиях не сформированной культуры создания, оборота и потребления нематериальных благ.

Сегодня страна является «догоняющей» в этой сфере и вынуждена принимать стандарты, сформированные странами-лидерами. Это создает существенные риски – импорт и внедрение зарубежных стандартов приводит к оттоку «умов»:

получив навыки обращения и понимание ценности интеллектуального продукта, российские ученые, инженеры, представители творческих индустрий стремятся переместиться в более развитую среду управления интеллектуальным продуктом, предлагающую отлаженные и эффективные инструменты получения доходов за их интеллектуальный труд. Тем самым наиболее продуктивные российские ученые, инженеры и в целом творцы реализуют свой талант и создают прибавочный продукт в других экономиках и юрисдикциях.

Существенную угрозу создает и слабое присутствие России на рынках свободно распространяемой интеллектуальной собственности – в частности на рынке научных произведений. Несмотря на то, что доля публикаций в ведущих зарубежных журналах растет и достигла к 2016 г. 2,5%, страна достаточно масштабно представлена лишь на рынке знаний в сфере физики высоких энергий и ряда других областей, во многом унаследованных из эпохи 60–80-х гг. прошлого столетия.

Отсутствие общепризнанных достижений в новых, более востребованных областях знаний не позволяет сформировать образ страны как держателя компетенций и, как следствие, привлечь глобальные инвестиции в коммерчески перспективные и динамично развивающиеся отрасли – биотехнологию, биоинженерию и т. д.

С учетом того, что наиболее значимые в мире платформы открытого обмена знаниями и стандарты оборота произведений сформированы без участия России, существуют риски сдерживания и ограничения возможностей привлечения инвестиций и продвижения страны как глобального игрока в перспективных областях науки, культуры и искусства.

Вместе с тем указанные вызовы в сфере интеллектуального права создают не только угрозы, но и возможности. Именно сейчас в России можно быстро, без серьезного общественного сопротивления и изменения устоявшихся практик вводить новые, прогрессивные модели и механизмы оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности. Поэтому для достижения независимости и конкурентоспособности стра-

ны, в том числе формирования новых возможностей научно-технологического и творческого развития, требуется создание качественно иной национальной системы для работы с интеллектуальными правами, способной обеспечить все потребности как в свободном, так и в коммерческом обороте идей.

В поиске ответа на вызовы цифровизации Россия не одинока – разные страны ищут и находят отдельные точечные решения, однако эффективных системных моделей развития сферы интеллектуальной собственности на текущий момент не найдено. Так, предоставление правовой охраны промышленным образцам, впервые введенным в гражданский оборот на территории Европейского союза независимо от их регистрации, пока не привело к существенным успехам в развитии рынка промышленного дизайна.

Предпринятые меры и решения направлены на преодоление указанных вызовов и создание развитого рынка интеллектуальной собственности, обеспечивающего сопоставимые по качеству или превосходящие лучшие мировые практики условия для интеллектуального творчества; стимулирующего авторов и правообладателей к правовой охране РИД и введению прав на них в экономический и гражданско-правовой оборот; увеличивающего конкурентоспособность российских организаций за счет создания дополнительной стоимости для бизнеса, роста кредитоспособности и инвестиционной привлекательности; обеспечивающего закрепление талантов в России за счет конкурентоспособного вознаграждения за творческий труд и включающего национальные компании в мировую цепочку инновационного производства.

Не менее важное социально-экономическое значение имеет выделение основных направлений развития сферы интеллектуальной собственности⁷. Определимся с ними. Видится, что важнейшим направлением трансформации сферы интеллектуальной собственности как основного инструмента научно-технологического и в целом творческого развития является создание цифровой инфраструктуры, обеспечивающей формирование «сетей знаний» для взаимодействия исследователей, технологических предпринимателей и инвесторов в целях создания новых продуктов и услуг, предоставляющих возможности:

- обмена идеями и сведениями о результатах исследований и разработок на допатентной стадии с гарантированной защитой таких сведений;
- заключения договоров о распределении будущих прав на РИД;
- планирования научных, научно-технических и инновационных проектов и обеспечения эффективного управления как самими проектами, так и полученными результатами;
- защиты интересов участников, включая обеспечение доходов от распоряжения интеллектуальными правами за счет новых сервисов

(патентные пулы, патентные аукционы и пр.), в том числе при вхождении в международные коллаборации.

Проведение своевременной «оцифровки процессов» оказания услуг в сфере интеллектуальной собственности со все большим их смещением в сторону использования машинного обучения, создания и использования открытых данных позволит обеспечить развитие защищенных конкурирующих децентрализованных частных и частно-государственных сервисов в сфере создания объектов интеллектуальной собственности и гражданско-правового оборота прав на них.

Механизмами реализации указанного направления могут стать:

- программа информатизации государственных органов, предусматривающая формирование открытых данных и интерфейсов доступа к государственному информационным системам с одновременной поддержкой и стимулированием развития частных систем и удобных IT-сервисов – как аналитических, так и экспертных;
- автоматизация процесса оформления и управления правами на РИД в организациях, вывод таких сервисов в конкурентную среду;
- создание доступных инструментов по анализу информации по правам на РИД и средствам индивидуализации для поддержки принятия решений;
- формирование цифровых платформ содействия распоряжению и защите прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Вторым и не менее значимым направлением является формирование динамичного развивающегося рынка интеллектуальных прав, создание класса «эффективных собственников», обладающих значимыми для социально-экономического развития результатами интеллектуальной деятельности.

Выстраивание системы разработки технологий на основе лучших практик требует решения ряда задач, включая:

- реализацию политики поощрения творчества посредством развития защиты прав авторов, в том числе на справедливое вознаграждение на основе данных об использовании результатов, включая их переработку, полученных из цифровых систем и платформ;
- обеспечение государственной поддержки создания и использования качественного и востребованного отечественного интеллектуального продукта, способствующего импортозамещению и росту экспортного потенциала;
- стимулирование экономической активности посредством предоставления государством безвозмездных лицензий или отчуждения исключительных прав на РИД российским лицам для создания рабочих мест на территории России;
- поддержку создания и внедрения новых продуктов и услуг, а также технологий на основе

результатов, принадлежащих преимущественно российским правообладателям;

– формирование эффективных инструментов защиты, мониторинга и реагирования на нарушения интеллектуальных прав, предупреждения и пресечения нарушений в сфере интеллектуальной собственности;

– совершенствование законодательства в сфере ИС, в том числе опережающее развитие национального регулирования с учетом современных мировых технологических тенденций.

Третьим направлением является формирование массовой культуры в сфере интеллектуальной собственности, которое может включать в себя:

– обучение изобретательству, рационализаторству и творческому подходу к решению актуальных производственных и технологических задач, управлению интеллектуальной собственностью, в частности правами на технологии на всех уровнях образования (среднее, высшее, дополнительное профессиональное), с акцентом на современные образовательные технологии и дистанционное обучение;

– развитие культуры использования патентной информации для повышения эффективности исследований и разработок, для технологического обмена (патентные исследования и патентные ландшафты);

– развитие систем управления интеллектуальной собственностью в научных и образовательных учреждениях, а также формируемой вокруг них экосистемы, в том числе через обеспечение поддержки малых инновационных предприятий, коммерциализующих права на результаты интеллектуальной деятельности;

– развитие управления интеллектуальной собственностью на предприятиях, включая введение налоговых льгот, устраняющих препятствия к созданию нематериальных активов организациями и отказу – по общему правилу – государства от распоряжения правами на результаты, созданными с использованием бюджетных средств, для ускорения введения таких прав в гражданско-правовой оборот;

– развитие рынка профессиональных посредников в сфере правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности и трансфера технологий;

– формирование субъектами Российской Федерации, обладающими повышенным потенциалом научно-технологического развития, региональных программ развития рынка интеллектуальной собственности.

Четвертым направлением, значимым как для сферы авторского, так и для сферы патентного права, является формирование новых форматов описания объектов интеллектуального права, а также стандартов услуг, в том числе упрощающих и расширяющих возможности авторов и правообладателей по индивидуальному управле-

нию правами в цифровой среде, включая:

– внедрение основ гибкого стандарта описания объектов авторских, смежных и патентных прав для обмена и консолидации данных имеющихся государственных реестров и реестров организаций, в том числе осуществляющих коллективное управление авторскими и смежными правами;

– создание механизма фиксации информации о разрешаемых правообладателем возможных способах использования и фактическом использовании произведений, включая формирование системы агрегирования статистики использования в едином и (или) децентрализованном массиве «больших данных», в том числе для целей выплаты вознаграждений авторам и (или) правообладателям.

Наконец, пятым направлением должна стать институциональная трансформация самого государственного управления в сфере интеллектуальной собственности. Сложившаяся система управления сферой интеллектуальной собственности не отвечает современным вызовам и задачам технологического развития страны, затрудняет принятие своевременных и эффективных решений. Согласовательный процесс затрагивает большое число органов (Минобрнауки, Минкультуры, Минэкономразвития, Роспатент, отраслевые ведомства).

При этом выработка государственной политики в сфере интеллектуальной собственности находится в ведении Минобрнауки России, что ставит приоритетом госполитики в сфере интеллектуальной собственности работу с научными и образовательными организациями, а не с предпринимательским сектором. Основная информация о сфере интеллектуальной собственности, необходимая для оперативной и системной работы, находится в Минкультуры России и подведомственном Минэкономразвития России Роспатенте. Поскольку последний имеет ограниченный функционал, в основном по оказанию государственных услуг, функция анализа сферы интеллектуальной собственности в Роспатенте для целей госполитики до сих пор не сформирована.

Обобщая, подчеркнем, что для преодоления этих ограничений целесообразно рассмотреть вопрос создания единого регулятора, обладающего полномочиями по выработке государственной политики, нормативно-правовому регулированию и предоставлению государственных услуг в сфере ИС, включая вопросы авторского права и смежных прав. Это решит проблему асимметрии информации и слабой нацеленности на коммерциализацию.

Примечания

¹ См.: Бушнев В. В. Институт интеллектуальной собственности как один из важнейших инструментов в области

- инновационной деятельности // Таврический научный обозреватель. 2016. № 6 (11). С. 98–107.
- ² См.: Где богатство наций? Измеряя капитал XXI века // Всемирный банк в России : [сайт]. URL: <https://vsemirnyjbank.org/ru/country/russia> (дата обращения: 14.12.2017).
- ³ См.: Амирова Р. И. Оценка инновационной активности в регионах России // Вестн. ВолГУ. Сер. 3. Экономика. Экология. 2017. № 1 (38). С. 23–30.
- ⁴ См.: Кочедыкова Л. Ф., Тимофеева Р. И. Интеллектуальные права и права интеллектуальной собственности //
- Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2016. Вып. 16. Т. 3. С. 150–151.
- ⁵ См.: Роспатент – Федеральная служба по интеллектуальной собственности) : [сайт]. URL: <https://rupto.ru/> (дата обращения: 22.12.2017).
- ⁶ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
- ⁷ См.: Голобокова Г. М. Стратегия и модели развития рынка интеллектуальной собственности // Право интеллектуальной собственности. 2017. № 3. С. 12–18.

Образец для цитирования:

Коротковская Е. С. Эффективное использование интеллектуальной собственности в современных российских социально-экономических условиях // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 162–168. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-162-168.

Cite this article as:

Korotkovskaya E. S. Effective Use of Intellectual Property in Contemporary Russian Socio-Economic Conditions. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 162–168 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-162-168.

УДК 316.344.23

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ДЕПРИВАЦИИ РОССИЯН: КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

К. В. Мохнаткина

Мохнаткина Ксения Владимировна, старший преподаватель кафедры социальной информатики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kse339@yandex.ru

В статье по результатам эмпирического социологического исследования проведен корреляционный анализ взаимосвязи экономической депривации и эмоциональных состояний россиян. Степень экономической депривированности определялась через индикаторы потребительских возможностей. Уровень субъективной депривации измерялся через индикаторы самооценки, тревожности, озабоченности, подавленности, оптимизма, своей значимости для социального окружения. Выявлено, что по мере роста экономической депривации повышается уровень озабоченности, тревожности населения. Вместе с тем каждый третий из категории обнищавших и 45% из категории бедных занимают пассивную позицию и постепенно начали свыкаться со своим положением, не испытывая по этому поводу особой тревоги. Критерий малообеспеченности, когда доходов хватает на питание и одежду, но на покупку вещей длительного пользования приходится брать заем, является тем барьером, с которого большинство россиян теряют ощущение своей значимости. Чем менее депривирована категория респондентов, тем меньше у них распространено чувство своей незначительности и тем сильнее и чаще они чувствуют свою необходимость и значимость. Уточнено, что по средним показателям невысокий уровень удовлетворенности россиян своей жизнью сопрягается с еще меньшим уровнем тревожности по этому поводу. Потенциал оптимизма и веры в себя в той или иной степени свойственны большинству россиян.

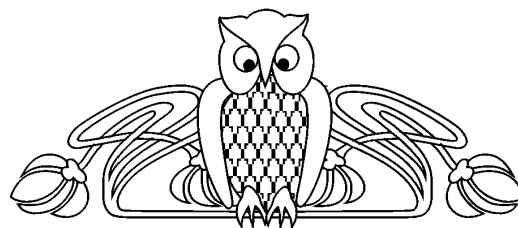
Ключевые слова: депривация, экономическая депривация, эмоциональная депривация, корреляционный анализ.

Economic and Emotional Deprivation of Russians: Correlation Analysis

K. V. Mohnatkina

Kseniya V. Mohnatkina, ORCID 0000-0003-0640-8704, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, kse339@yandex.ru

Article based on the results of empirical sociological research conducted by correlation analysis of the interrelationship of economic deprivation and emotional States. The degree of economic deprivation was determined through indicators of consumer opportunities level of subjective deprivation was measured through indicators of self-esteem, anxiety, concern, anxiety, optimism, its relevance to the social environment. Revealed that as economic deprivation increased the level of concern, anxiety of the population. However, every third category of impoverished and 45% of the poor took a passive stance and slowly started to become used their situation without experienc-

ing about this particular anxiety. The criterion of poverty when income is enough for food and clothing, but to buy things non-expendable property has to borrow is the barrier that most Russians are losing a sense of their importance. Than deprivovana category of respondents, the less they have extended their sense of significance, and the more and more they feel their need and relevance. Clarified that on average the low level of satisfaction with the Russians their lives interfaces with even less level of anxiety about this. Potential of optimism and belief in yourself, in varying degrees, is typical of most Russians. **Key words:** deprivation, economic deprivation, emotional deprivation, correlation analysis.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-169-173

Депривация – глобальная социальная проблема, имеющая много сходных черт во всем мире. Она отражает неспособность в той или иной степени большинства населения поддерживать определенный приемлемый уровень жизни. Российская повседневность как устоявшаяся действительность, несмотря на влияние глобального финансово-экономического кризиса, мало в чем претерпела существенные изменения сравнительно с докризисным периодом. Значительная доля населения ощутила горечь потерь, тем не менее, привычные условия жизнедеятельности для основной массы россиян остались прежними¹. Таким образом, усиление депривации во всех ее формах интегрировалось в ткань повседневной жизни россиян. Остановимся на взаимосвязи экономической и эмоциональной депривации россиян.

В 2015–2016 гг. было проведено социологическое исследование степени депривированности россиян. В ходе исследования по комплексной квотной стратифицированной, территориальной выборке были опрошены 850 респондентов, из которых 65,3% составляли мужчины, 34,7% – женщины. Значительная часть респондентов – в возрасте от 30 до 40 лет (25,1%), 1,2% составили группу лиц моложе 18 лет и 1,6% – старше 70 лет. Значительная часть опрошенных, 27,3%, проживает в Башкирии, 16,9% – в Саратовской области, по 15,5% – в Ульяновской области и Татарстане; 12,4% – в Ростовской, 6,9% – в Мурманской, 5,3% – в Ленинградской, 0,1% – в Самарской областях.

Экономическая депривация – это вынужденное полное или частичное ограничение потребления материальных благ и услуг, необходимых для удовлетворения основных потребностей личности. Она проистекает из неравномерного

распределения доходов в обществе. Наиболее эффективным инструментом ее измерения выступает уровень потребительских возможностей семьи.

Эмоциональная депривация проявляется, прежде всего, в чувстве отчаяния, отчуждения, тревожности, проистекающих из объективных состояний депривации (например экономической). Она возникает при рассогласовании у индивида или группы значимой системы ценностей, в соответствии с которой они могли бы строить свою жизнь, и их внутренним самоощущением. Следствием этого могут стать повседневные практики, не соответствующие социальным ожиданиям «нормального» поведения, различного рода негативные девиации.

Уровень субъективной депривации измерялся через индикаторы самооценки и тревожности, которые предполагали четыре позиции: нет, это не так; пожалуй, так; верно; совершенно верно. Анализ средних величин и стандартного отклонения (табл. 1) выявил, что средний показатель удовлетворенности и уверенности в себе составил 2,11 (по четырехбалльной шкале). Разброс мнений составил 1,04. В категории тревожности средний показатель оказался меньше (1,73), но и разброс мнений меньше – 0,91. Иными словами, невысокий уровень удовлетворенности своей жизнью сопрягается с еще меньшим уровнем тревожности по этому поводу. Это подтверждается данными и других исследователей².

Корреляционный анализ наиболее значимых эмоциональных состояний под влиянием степени депривированности через индикаторы потребительских возможностей (табл. 2) показал, что среди нищих, у которых не хватает денег даже на питание, доминантным настроением является достаточно высокий уровень тревожности (34,4% при среднем показателе 28,7%). Они чаще испытывают серьезную встревоженность (15,6% при среднем показателе 12,2%) и в два раза чаще других – острую тревогу (18,9% при среднем показателе 9,0%). Сходная ситуация и у бедной категории населения, правда, здесь выше уровень абсолютной нетревожности (45,9%), хотя у них средств хватает только на питание, покупка одежды вызывает затруднения. Можно предположить, что каждый третий из категории нищих и 45% из категории бедных занимают пассивную позицию и постепенно начали свыкаться со своим положением, не испытывая по этому поводу особой тревоги.

Однако большинство респондентов обеих этих категорий в той или иной степени подвергнуты тревожному самочувствию. Данные табл. 2 четко показывают, как по мере усиления депривации растет уровень тревожности россиян. Пороговым критерием здесь выступает малообеспеченность, когда доходов хватает на питание и одежду, но на покупку вещей длительного пользования приходится брать займ. Начиная именно с этой категории, показатель разной степени тре-

Таблица 1

Эмоциональные состояния респондентов, средние показатели

Индикаторы самооценки	Среднее значение	Стандартное отклонение
Я уверен в себе	2,54	1,097
Я спокоен	2,47	1,092
Мне ничего не угрожает	2,44	1,089
Я чувствую себя свободно	2,36	1,114
Я не чувствую скованности, напряженности	2,06	1,035
Я чувствую себя отдохнувшим	2,04	1,070
Я доволен	1,96	1,056
Я испытываю чувство внутреннего удовлетворения	1,79	0,967
Мне радостно	1,72	0,975
Мне приятно	1,72	0,974
Меня волнуют возможные неудачи	2,20	0,982
Я испытываю сожаление	1,93	1,009
Я расстроен	1,86	1,028
Я озабочен	1,78	0,928
Я встревожен	1,76	0,958
Я нервничаю	1,76	0,960
Я нахожусь в напряжении	1,67	0,869
Я не нахожу себе места	1,49	0,825
Я слишком возбужден и мне не по себе	1,48	0,848
Я взвинчен	1,36	0,740

Таблица 2

Влияние экономической депривации на состояние тревожности россиян, % по уровню депривации

Уровень экономической депривации	Я встревожен				Итого
	Нет, это не так	Пожалуй, так	Верно	Совершенно верно	
Нищие	31,1	34,4	15,6	18,9	100,0
Бедные	45,9	29,3	14,6	10,2	100,0
Малообеспеченные	53,9	29,4	10,3	6,4	100,0
Среднеобеспеченные	64,4	22,2	6,7	6,7	100,0
Состоятельные	62,7	17,6	13,7	5,9	100,0
Богатые	50,0	41,7	8,3	–	100,0
По выборке	50,1	28,7	12,2	9,0	100,0

вожности перестает доминировать, что, вероятно, косвенно свидетельствует об относительной стабилизации этих групп населения и увеличении их зоны комфорта, успокоенности. Интересно, что показатель небольшой тревожности богатых людей в 1,5 раза выше, чем у других категорий населения (41,7% при среднем показателе 28,7%). Также тревожное состояние в определенной степени испытывают и 13,7% состоятельных категорий населения, которым затруднительна покупка действительно дорогих вещей (например автомобиля). Это наглядно иллюстрирует относительный характер их депривации, лишь отчасти связанной с факторами экономической депривации или стремлением упрочить свое положение, быть не хуже других в своем кругу.

Несколько иная ситуация и с индикатором озабоченности. Данные табл. 3 отражают два тренда нарастания озабоченности. Первый тренд связан с повышением уровня депривации: чем выше уровень депривации, тем большую озабоченность испытывают респонденты. Однако присутствует и другой тренд, когда, начиная с категории среднеобеспеченных россиян, которые могут без труда покупать вещи длительного пользования, наблюдается рост озабоченности (хотя по другим поводам) пропорционально росту потребительских возможностей.

Уровень пессимизма населения с различным уровнем экономической депривированности за-

мерялся через эмоцию подавленности (табл. 4). Среди эксклюзивно депривированных, которым денег на еду не хватает, 27,8% никогда не испытывают этого чувства. Можно предположить, что они не питают каких-либо надежд на улучшение своего положения; 45,6% – испытывают подавленность лишь иногда. Однако 26,7% подвержены этому чувству постоянно. То есть каждый пятый, вероятно, смирился со своим отверженным положением и уже редко пытается что-то изменить. В целом данные показывают, что чем выше степень экономической депривации, тем чаще испытывается чувство пессимизма, подавленности. Корреляционный анализ показал достаточно значимую степень взаимозависимости (коэффициент корреляции Спирмена 0,416 при приближительной значимости 0,000). Исключение из этой тенденции составляет самая богатая категория россиян, среди которых более, чем в два раза чаще (18,2%) относительно других групп опрошенных (8,9% – в среднем по выборке) встречается часто испытываемая подавленность. Возможно, это связано с тревогой за стабильность своего положения или иными факторами.

Степень оптимизма населения с различным уровнем экономической депривированности измерялся через степень согласия с утверждением наличия надежды на будущее (табл. 5). Среди эксклюзивно депривированного (нищего) на-

Таблица 3

Влияние экономической депривации на состояние озабоченности россиян, % по уровню депривации

Уровень экономической депривации	Я озабочен				Итого
	Нет, это не так	Пожалуй, так	Верно	Совершенно верно	
Нищие	44,9	31,5	10,1	13,5	100,0
Бедные	46,4	32,1	12,4	9,1	100,0
Малообеспеченные	49,7	32,1	10,7	7,4	100,0
Среднеобеспеченные	56,3	29,2	8,3	6,3	100,0
Состоятельные	42,3	38,5	11,5	7,7	100,0
Богатые	53,8	23,1	7,7	15,4	100,0
По выборке	48,3	31,9	11,0	8,9	100,0

Таблица 4

Влияние экономической депривации на состояние подавленности россиян, % по уровню депривации

Уровень экономической депривации	Я чувствую подавленность				Итого
	Никогда	Иногда	Часто	Почти всегда или постоянно	
Нищие	27,8	45,6	17,8	8,9	100,0
Бедные	38,3	49,3	9,6	2,9	100,0
Малообеспеченные	44,1	46,5	6,7	2,7	100,0
Среднеобеспеченные	42,9	51,0	4,1	2,0	100,0
Состоятельные	46,8	42,6	8,5	2,1	100,0
Богатые	54,5	27,3	18,2	–	100,0
По выборке	40,7	47,1	8,9	3,4	100,0

Таблица 5

Влияние экономической депривации на состояние оптимизма россиян, % по уровню депривации

Уровень экономической депривации	У меня есть надежды на будущее				Итого
	Никогда	Иногда	Часто	Всегда	
Нищие	21,6	26,1	11,4	40,9	100,0
Бедные	13,7	25,9	18,5	42,0	100,0
Малообеспеченные	7,3	15,0	20,8	56,9	100,0
Среднеобеспеченные	–	16,7	18,8	64,6	100,0
Состоятельные	6,3	8,3	10,4	75,0	100,0
Богатые	–	18,2	9,1	72,7	100,0
По выборке	10,0	18,9	17,9	53,2	100,0

селения, где денег не хватает даже на питание, 21,6% указали, что они никогда этого не испытывают, 26,1% ответили, что у них иногда бывают надежды на будущее, 11,4% испытывают это чувство часто и 40,9% – всегда. Корреляционный анализ показал сильную степень взаимозависимости уровня дохода с потребительскими возможностями (коэффициент корреляции Спирмена 0,523 при приблизительной значимости 0,001). Иными словами, среди нищего населения каждый пятый потерял надежду на улучшение своего положения в обществе. Однако остальные в той или иной мере еще не растеряли до конца своего оптимизма. В целом данные показывают, что чем меньше уровень депривации, тем больше

и чаще россияне испытывают оптимистическое настроение. Иными словами, оптимизм растет вместе с ростом потребительских возможностей.

Одним из важнейших мотиваторов человека, его насущной потребностью является ощущение своей необходимости, значимости для других. Степень чувства своей необходимости и полезности среди различных категорий населения с разным уровнем экономической депривированности замерялся через степень согласия с утверждением о своей значимости (табл. 6). Среди эксклюзивно депривированных 30% никогда не ощущают своей необходимости и полезности, что в 2,5 раза выше, чем в среднем по выборке (13%). Каждый четвертый ощущает это лишь иногда, 46% – ча-

Таблица 6

Влияние экономической депривации на ощущение собственной значимости россиян, % по уровню депривации

Уровень экономической депривации	Я чувствую, что полезен и необходим				Итого
	Никогда	Иногда	Часто	Всегда	
Нищие	30	25	15	31	100
Бедные	15	29	24	31	100
Малообеспеченные	10	24	29	36	100
Среднеобеспеченные	6	19	28	47	100
Состоятельные	10	13	33	44	100
Богатые	9	18	36	36	100
По выборке	13	24	26	36	100

сто или всегда. Это еще раз подтверждает наличие почти у каждого третьего из них ощущения отверженности окружающими их людьми. Среди бедной категории депривированных россиян таких в два раза меньше (15%), 29% лишь иногда ощущают свою полезность и необходимость. Однако большинство (55%) полагают, что они часто или всегда полезны и необходимы для окружающих. Критерий малообеспеченности, когда доходов хватает на питание и одежду, но на покупку вещей длительного пользования приходится брать заем, является тем барьером, с которого большинство россиян теряют ощущение своей значимости. Чем менее депривирована категория респондентов, тем меньше у них распространено чувство своей незначительности и тем сильнее и чаще они чувствуют свою необходимость и значимость.

Таким образом, потенциал оптимизма и веры в себя в той или иной степени свойствен большинству россиян. Он превышает уровень их озабоченности своим положением, тревожности. А это означает, что, несмотря на кризисы, стагнацию и рост цен, у россиян еще достаточно емкий потенциал долготерпения и толерантности.

Примечания

- ¹ См.: Бедность и бедные в современной России / под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. М. : Весь мир, 2014.
- ² См.: Социальное самочувствие россиян : мониторинг 19.06.2017. Пресс-выпуск № 3398. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116274> (дата обращения: 15.08.2017).

Образец для цитирования:

Мохнаткина К. В. Экономическая и эмоциональная депривации россиян: корреляционный анализ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 169–173. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-169-173.

Cite this article as:

Mohnatkina K. V. Economic and Emotional Deprivation of Russians: Correlation Analysis. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 169–173 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-169-173.

УДК 316.324.8

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ

К. Э. Багирова

Багирова Карина Эдуардовна, преподаватель кафедры английского языка, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, bagirova_karina@bk.ru

В статье рассматривается сущность социальных и гуманитарных технологий на современном этапе развития информационного общества – становления общества знания. Обобщая различные определения социальных и гуманитарных технологий, делается вывод о том, что в этих понятиях актуализированы объектно-целевые аспекты технологий. Выявляются тенденции применения социальных и гуманитарных технологий, их классификация по общему предмету, общим целям, результатам применения, используемым методам и средствам. Показано, что цели применения социальных технологий связаны с влиянием на людей, изменением их знаний, установок, а в конечном счете поведения; а гуманитарные технологии порождены обществом знания, их использование направлено на разрешение специфических проблем человека, возникающих в этом обществе.

Ключевые слова: социальные и гуманитарные технологии, коммуникативные практики, алгоритмизация, общество знания.

Social and Humanitarian Technologies in the Society of Knowledge

К. Е. Bagirova

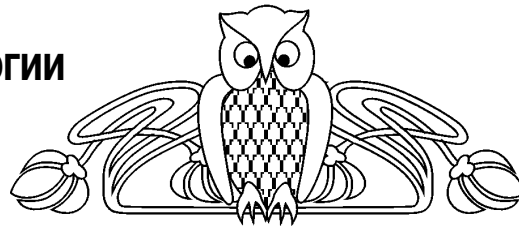
Karina E. Bagirova, ORCID 0000-0002-2861-6689, MGIMO-University, 76, Vernadskogo Ave., Moscow, 119454, Russia, bagirova_karina@bk.ru

In article the essence social and humanitarian technology at the present stage of development of information society – formation of society of knowledge is considered. Generalizing various determinations of social and humanitarian technologies, the conclusion that in these concepts object and target aspects of technologies are staticized is drawn. Tendencies of use of social and humanitarian technologies, their classification by the general subject, common goals, results of application, the used methods and means come to light. It is shown that the purposes of use of social technologies are connected with influence on people, change of their knowledge, installations, and, eventually, behavior; and humanitarian technologies are generated by society of knowledge, their use is directed to permission of the specific problems of the person arising in this society.

Key words: social and humanitarian technologies, communicative practices, algorithmization, society of knowledge.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-174-178

Понятие «технология» имеет широкую сферу применения. В целом под технологией понимается, с одной стороны, система определенных действий, направленных на достижение запрограммированного результата, с другой стороны, строгое описание этих действий, которое может служить практическим руководством. В самом

общем смысле под технологией понимается «упорядоченная система действий по доведению исходного объекта до качественно нового (желательного) состояния для достижения определенных целей»¹. Технологизация того или иного вида деятельности проявляется, прежде всего, в ее алгоритмизации, т. е. выделении типовых задач, выработке оптимальных способов их решения и описании этих способов на специальном языке, нейтральном по отношению к содержанию каждой из конкретных задач.

Жизнеспособность технологии в конечном счете определяет экономический эффект, который состоит либо в экономии средств и ресурсов, либо в получении дополнительных доходов от реализации продукции. Ценность технологии напрямую зависит от ее новины. А. П. Мельничук выделяет четыре вида технологии, соответствующие этапам их жизненного цикла: уникальная, прогрессивная, традиционная, морально устаревшая². К уникальным технологиям относятся изобретения и другие научно-технические разработки, защищенные патентами или содержащие ноу-хау, используемые на условиях исключительной монополии. К прогрессивным технологиям относятся разработки, обладающие новизной и технико-экономическими преимуществами по сравнению с технологиями-аналогами, но, в отличие от уникальной технологии, преимущества прогрессивной технологии имеют относительный характер, ее прогрессивность может проявляться в границах отдельных стран, регионов, фирм, в разных условиях применения. Традиционная технология отражает средний уровень производства, достигнутый большинством производителей продукции в данной отрасли. Морально устаревшая технология – это та, которая не обеспечивает производства продукции среднего качества с технико-экономическими показателями, достигнутыми большинством производителей аналогичной продукции.

А. П. Мельничук выделяет также виды современных технологий по отраслям: сельскохозяйственные технологии, промышленные, сервисные, финансовые технологии (включая банковские, инвестиционные, технологии страхования и перестрахования). При этом автор отмечает, что «особняком в этой классификации стоят информационные технологии (ИТ) в силу их особой значимости в условиях глобализации и развития новой экономики. ИТ используются для поиска, сбора, обработки, передачи, пред-

ставления информации и реализации каких-либо иных процессов работы с ней»³. В качестве особой разновидности информационных технологий следует выделить коммуникативные технологии, целью которых является оптимизация коммуникативной деятельности, повышение ее продуктивности, – информационно-коммуникативные технологии (ИКТ).

Понятие «коммуникативная технология» близко понятию «социальная технология», в котором обобщается класс технологий, выделяемых по общему предмету, общим целям и результатам применения. Предметом социальной технологии является человек, его поведение, а также социальные группы, общество в целом. Цели применения социальных технологий связаны с влиянием на людей, изменением их знаний, установок, а в конечном счете поведения. Теоретический интерес к социальным технологиям возник в конце 1970-х гг. В этот период возникли такие понятия, как «гуманитарные», «информационные», «педагогические» технологии, «психотехнологии» и др.⁴. К педагогическим технологиям относятся обучающие, развивающие, внедренческие технологии⁵.

Понятие «социальная технология» является одним из наиболее ранних понятий указанного класса⁶. В литературе 1970–1980-х гг. описан целый ряд моделей технологий управления социальными явлениями⁷. Н. Стефанов определил социальную технологию как «деятельность, в результате которой достигается поставленная цель и изменяется объект деятельности», а также «предварительно определенный ряд операций, направленных на достижение некоторой цели или задач»⁸.

В. Г. Афанасьев рассматривает социальную технологию как специфического посредника между объективными процессами, протекающими в социальной среде, и субъективной деятельностью, поскольку она «переводит» объективные законы общества на язык конкретных решений, нормативов, предписаний, регламентирующих, стимулирующих людей на наилучшее достижение поставленных целей»⁹.

В словаре «Социальные технологии», подготовленном Центром социальных технологий в 1995 г., социальная технология характеризуется как «инновационный управленческий ресурс информационной цивилизации»¹⁰. По характеру задач социальные технологии разделяют на частные и универсальные, базовые и пакетные¹¹. Частная технология, ее возможный пакет начинается с разработки универсальных технологий глобального развития.

В целом же, обобщая различные определения социальной технологии, можно сказать, что в этом понятии актуализированы объектно-целевые аспекты технологии: технология характеризуется как социальная, если ее целью является оптимизация воздействия на социальные объ-

екты, такие как общество в целом, его социальная структура, отдельные социальные группы, институты. Так, А. А. Деркач, характеризуя цель социальной технологии, пишет, что «по целевой направленности класс социальных технологий прежде всего ориентирован на оптимизацию структурных связей и отношений в масштабах общества, конкретной организации»¹².

В 1990-е гг. А. П. Ситников ввел понятие «психотехнологии»¹³ как разновидность социальных технологий. Под психотехнологиями понимаются социальные технологии, обеспечивающие продуктивное и эффективное воздействие на человеческую психику¹⁴. Имеющее целью коррекцию социального поведения людей, А. А. Деркач определил психотехнологию как «целенаправленную и упорядоченную соответствующим освоением предметной ситуации совокупность и последовательность действий», которая по своему содержанию, особенностям, применению учитывает «прежде всего специфику психических явлений, психологических процессов, качеств, отношений, возможностей их технологизации: психологические качества и характеристики личности, установки, характер, реакции, воля, отношения»¹⁵.

Если социальные технологии выделяются по своему объекту и целям применения, то гуманитарные технологии – по используемым методам и средствам. Главная роль в гуманитарных технологиях отводится нематериальным элементам, имеющим знаково-символическую природу. К ним относятся «различного типа знания, идеи, схемы, конструкты, знаковая среда (реклама, продукты СМИ и др.), квалификации, человеческая психика, время, доверие, ответственность, авторитет, авторское право и т. п.»¹⁶

Таким образом, гуманитарные технологии (ГТ) – это технологии, использующие гуманитарные знания, средства и методы гуманитарных наук. Одной из важных отличительных характеристик этих технологий является нелинейность причинно-следственных связей. «Именно поэтому ГТ характеризуются функциональным укрупнением деятельности и, как следствие, – автономизацией отдельных ее составляющих»¹⁷. Нелинейность причинных связей приводит к невозможности точно рассчитать эффект от применения гуманитарных технологий.

К гуманитарным технологиям относят технологии, используемые в таких видах деятельности, как консалтинг, коучинг, управление персоналом, PR, реклама, продвижение товаров и услуг и др. Ю. А. Данилина считает, что сферы применения гуманитарных технологий и социальных технологий, по существу, совпадают, «что позволяет рассматривать эти два понятия как равнозначные, хотя и выделяющие различные аспекты в определяемом явлении». «Если... в понятии “социальная технология” фиксирован объектно-целевой аспект, то в понятии “гума-

нитарная технология» – предметно-инструментальный аспект»¹⁸. Иными словами, описание некоторой технологии как социальной предполагает, что ее применение позволит «эффективно влиять на социальную среду, изменять социальные установки людей, в конечном счете – так или иначе воздействовать на социальную структуру общества в целом, его институты»¹⁹. Но когда та же самая технология описывается как гуманитарная, то делается акцент «на том, что в ней активно используются гуманитарные знания и методы гуманитарных наук, при этом цели, которые ставятся перед этой технологией, достигаются посредством воздействия на человека, его установки, нормы и ценности»²⁰.

Гуманитарные технологии воздействуют на человека при помощи знаково-символических средств, обращаются к нему не как к биологическому, но как к социальному существу, члену той или иной социальной группы. Цели и задачи, которые при этом ставятся, связаны с воздействием на социальные установки человека.

Воздействия на человека при помощи знаково-символических средств с целью повлиять на его социальные установки могут совершаться и без использования какой-либо технологии. Однако применение алгоритмов соответствующей ГТ оптимизирует это воздействие, делает его более продуктивным. Согласно определению М. С. Гринфельда, гуманитарной технологией «называется такой способ описания успешного опыта» в гуманитарных областях, «у которого присутствуют следующие свойства: ориентация на результат, алгоритмизированность, отделимость от личности, индифферентность к содержанию, собственный язык описания и устойчивая повторяемость в достижении хороших результатов при применении»²¹. По мнению практикующих специалистов, человек, обладающий профессиональными компетенциями в области гуманитарных технологий, может использовать их в различных сферах деятельности, так как алгоритмы этих технологий обладают универсальной применимостью: «На уровне гуманитарных технологий я могу, определив, что хочу услышать от меня собеседник, говорить, что я работал или в PR, или в маркетинге. Если я обладаю знаниями в области коммуникации, то я совершенно спокойно могу заниматься и психологическим консультированием, и проведением рекламных кампаний»²². Однако существуют и другие позиции по данному вопросу. Так, Ю. А. Данилина считает более правильным «говорить не о различных языках описания единой гуманитарной технологии, но о существовании наряду с общей гуманитарной технологией целого ряда частных, конкретных гуманитарных технологий, каждая из которых предназначена для решения определенных специфических задач»²³.

Дальнейшей конкретизацией понятия «социальная технология» является понятие комму-

никативной технологии как технологии воздействия на людей в обществе посредством особым образом организованной коммуникации.

Основные результаты теоретического осмысления процессов коммуникации, достигнутые современной наукой, позволяют выделить следующие общие моменты коммуникативных технологий. Объекты коммуникативной технологии имеют социальную природу: это человек, определенная социальная группа, общество в целом, определенные социальные отношения. Цель использования этих технологий связана с оптимизацией решения коммуникативных задач – задач информационного обмена, убеждения, воздействия на поведение людей через изменение их отношения в определенном явлении. Научно-теоретическую базу коммуникативных технологий составляют теория коммуникации и другие социальные, гуманитарные науки. Алгоритмы, используемые в коммуникативной технологии, представляют собой последовательности реализующих их шагов, а также классы типовых задач, решаемых посредством каждого алгоритма.

Задачи методологического преобразования новых коммуникативных практик в обществе знания многообразны. Так, в Интернете существует собственная культура, которая создается благодаря распределению, где каждый участник путем отбора и сортировки информации, поступающей из всех доступных источников, способствует непрерывному созидательному распространению информации и знаний. При этом, как отмечается во Всемирном докладе ЮНЕСКО, необходимо «следить за тем, чтобы самые молодые – и наиболее подверженные влиянию – граждане были защищены от вредного содержания, соблюдая при этом свободу распространения информации и контента в киберпространстве»²⁴. Являясь особо уязвимой категорией населения, молодежь требует постоянного внимания, особенно в развивающихся странах и в постконфликтных ситуациях. При этом молодежь играет активную роль в развитии таких новых технологий использования коммуникативного пространства, в том числе создании собственных блогов, персональных страниц в Интернете с целью самопрезентации. Таким образом, пользователи Интернета становятся не только получателями и хранителями информации, но и активными участниками новой культуры общества знания. В результате этого стирается граница, разделявшая производителей и потребителей культурного содержания, равно как и научных знаний.

Существует и обратная сторона медали: факторы, стимулирующие информационный обмен, обмена, несут в себе и опасность дезинформации. Таким образом, проблема личности связана и с более широким вопросом идентификации граждан и поставщиков услуг. Как подчеркивается в Докладе ЮНЕСКО, наличие сетевого доступа к некоторой информации не-

обязательно означает, что ее использование будет ориентировано на получение знаний, а наблюдение за «цифровыми культурами», «возникшими одновременно с распространением новых технологий, в частности, среди наиболее молодых пользователей Интернета, подкрепляет другую – малообещающую – гипотезу о возникновении общества всеобщего развлечения». Интернет может стать «как инструментом для построения общества знания, так и лабиринтом, который может нас завести – медленно, но верно – на берега – или в пропасть – общества развлечений»²⁵.

Отличительной чертой современного общества знания становятся новейшие технологии, в том числе проекты, связанные с производством биокомпьютеров «на ДНК», что позволит решать самые сложные проблемы в сверхкороткие сроки, а также корректировать генетическую основу человеческого организма. Ярким примером новых проявлений технологизации человеческого бытия является феномен «медиализованного тела». Как пишет М. Вертуй, «мы стали биосоциальными, даже не заметив этого. Генетические манипуляции – это уже не просто повседневность в наших университетах, промышленных лабораториях, милитаризованных центрах. Репродуктивные технологии выброшены на рынок»²⁶. Благодаря возможностям пластической хирургии, генной инженерии, микрохирургии произошла трансформация представлений о человеке как природном существе.

Технологизация антропологического аспекта, телесности по-новому ставит вопрос о месте человека в обществе. Благодаря интерфейсам «человек-машина» человек может легко общаться с компьютерной системой. Эти интерфейсы способны произвести революцию в области исправления физических недостатков человека путем создания протезов, использующих в своей работе электронику, что позволяет компенсировать природные недостатки моторного и сенсорного характера. «Можно говорить о своего рода “подключении” камер и микрофонов там, где не хватает зрения и слуха. Самыми поразительными, без сомнения, являются исследования, в ходе которых делаются попытки имплантации биочипов в мозг, чтобы вернуть больным с тетраплегией, полностью парализованным, способность к общению посредством компьютеров, подключенных к их нервной системе»²⁷.

Перспектива создания машин, в еще большей степени приближенных к человеку, является основным ориентиром для информатики и биологии общества знания. Но вместе с тем эта перспектива порождает целый ряд вопросов социального и гуманитарного характера: не исчезнет ли граница между человеком и машиной? Будет ли человек отличаться от своих собственных созданий? Кому будет принадлежать тело человека, которое объединено с компьютером? Суверенен ли человек в своих мыслях, если в возникновении этих мыслей

участвовала машина? Согласно концепции общества знания, «единственным ответом человека на эти вопросы станет не адаптация человека к машине, но адаптация машин к человеку»²⁸.

Итак, широкое развитие социальных и гуманитарных технологий является одной из основных тенденций общества знания.

Целью коммуникативных технологий выступает оптимизация коммуникативной деятельности, повышение ее продуктивности. Предмет социальной технологии – человек, социальные группы, общество в целом. Цели применения социальных технологий связаны с влиянием на людей, изменением их знаний, установок, а в конечном счете поведения. Гуманитарные технологии выделяются по применяемым методам и средствам. Они используют гуманитарные знания, средства и методы гуманитарных наук, для них характерны нелинейность причинно-следственных связей, невозможность точно предвидеть эффекты их использования. Гуманитарные технологии порождены обществом знаний, их использование направлено на разрешение специфических проблем человека, возникающих в этом обществе.

Примечания

- 1 Комарова С. Л. Оптимизация отношений субъектов политической деятельности : дис. ... канд. психол. наук. М., 2002. С. 28.
- 2 См.: Мельничук А. П. Роль национального технологического выбора в развитии внешнеэкономических связей страны : дис. ... канд. экон. наук. М., 2003. С. 15.
- 3 Там же. С. 17.
- 4 См.: Мартино Дж. Технологическое прогнозирование / общ. ред. и послесл. В. И. Максименко. М. : Прогресс, 1977 ; Новая технологическая волна на Западе / АН СССР, Ин-т философии ; сост. и вступ. ст. П. С. Гуревича. М. : Прогресс, 1986 и др.
- 5 См.: Кларин М. В. Педагогическая технология в учебном процессе (Анализ зарубежного опыта). М. : Знание, 1989 ; Кузьмина Н. В. Профессионализм деятельности преподавателя и мастера производственного обучения профтехучилища. М. : Высш. шк., 1989 ; Социальные технологии : Толковый словарь / отв. ред. В. Н. Иванов. 2-е изд., доп. М. : Луч ; Белгород : Центр социальных технологий, 1995.
- 6 См.: Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология : пер. с болг. / предисл. и общ. ред. В. Г. Шорина. М. : Прогресс, 1976 ; Марков М. Технология и эффективность социального управления : пер. с болг. / под ред. и с предисл. Т. В. Керимовой. М. : Прогресс, 1982.
- 7 См.: Иванов В. Н. Социальные технологии в современном мире. 2-е изд., испр. и доп. М. : Сов. энцикл., 1989 ; Стефанов Н. Указ. соч.
- 8 Стефанов Н. Указ. соч. С. 182–183.
- 9 См.: Афанасьев В. Т. Общество : системность, познание и управление. М. : Политиздат, 1981.

- ¹⁰ Социальные технологии : Толковый словарь. С. 186.
- ¹¹ Там же. С. 237.
- ¹² Деркач А. А. Акмеология : личностное и профессиональное развитие человека : в 5 кн. Кн. 1. Методолого-прикладные основы акмеологических исследований. М. : РАГС, 1999. С. 200–201.
- ¹³ См.: Ситников А. П. Акмеологический тренинг : Теория. Методика. Психологии. М. : Технологическая школа бизнеса, 1996.
- ¹⁴ См.: Социальные технологии : Толковый словарь. С. 137.
- ¹⁵ Деркач А. А. Указ. соч. Кн. 1. С. 203.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См.: Крупник С. Гуманитарные технологии // Всемирная энциклопедия. Философия / науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2001. С. 368.
- ¹⁸ Данилина Ю. Трансформация коммуникативных технологий на современном этапе развития информационного общества : дис. ... канд. социол. наук. М., 2009. С. 83.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Гринфельд М. С., Левенчук А. И. Универсальный ключ. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/127> (дата обращения: 20.11.2018).
- ²² Там же.
- ²³ Данилина Ю. А. Указ. соч. С. 90.
- ²⁴ К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж : ЮНЕСКО, 2005. С. 57.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Verthuy M. Is There Life After Specificity? // *Canadian Journal of Political and Social Theory*. 1986. Vol. 10, № 3. P. 189–190.
- ²⁷ К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. С. 118–119.
- ²⁸ Там же.

Образец для цитирования:

Багирова К. Э. Социальные и гуманитарные технологии в обществе знания // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 174–178. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-174-178.

Cite this article as:

Bagirova K. E. Social and Humanitarian Technologies in the Society of Knowledge. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 174–178 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-174-178.

УДК 654.197.01:316

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ С АУДИТОРИЕЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНТЕРНЕТА И ТЕЛЕВИЗИОННЫХ СМИ

М. Н. Лукьянова

Лукьянова Мария Николаевна, аспирант кафедры истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, mariabmn@yandex.ru

В статье рассматривается проблематика взаимодействия СМИ с аудиторией через анализ механизмов обратной связи телевидения с телепотребителями, данной через Интернет. Проведен анализ востребованности телевидения и Интернета как информационных ресурсов у российских медиапотребителей, охарактеризованы интернет-источники мнения телеаудитории, проанализированы официальные страницы популярных общедоступных телеканалов и зрительских форумов.

Ключевые слова: телевидение, Интернет, обратная связь, медиапотребление, телеаудитория.

Feedback from the Audience from the Perspective of Interaction between the Internet and Television Media

M. N. Lukyanova

Maria N. Lukyanova, ORCID 0000-0002-7377-9372, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, mariabmn@yandex.ru

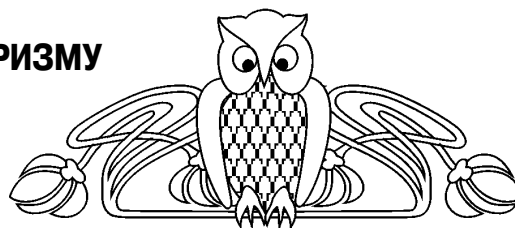
The article considers the problems of mass media interaction with audience through the analysis of feedback mechanisms of television with teleconsumers presented in the Internet. The author analyses the relevance of television and Internet as information resources for Russian media consumers, characterizes the Internet-sources of opinion of the television audience, analyses the official pages of popular TV channels and spectator forums.

Key words: television, Internet, feedback, media consumption, teleaudience.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-179-183

Одной из основных тенденций развития глобального общества является стремительное распространение информационных технологий. Сегодня индивид не мыслит себя без активного взаимодействия со средствами массовой информации. Более того, современный человек имеет возможность выбирать из широкого спектра СМИ, выражать свое мнение о предлагаемом контенте, критиковать его содержание и функционал. В свою очередь, медиа приходится активно бороться за аудиторию и постоянно анализировать мнение аудитории, которое наиболее развернуто представлено в Интернете.

В связи с этим все большее число исследователей уделяют внимание изучению реакции аудитории, особенностей ее медиапотребления и спо-

собов выражения своего мнения и его содержания, заключающегося в широком спектре откликов, оценок и разного рода комментариев обозреваемого. Для рассмотрения этой системы мнений и реакций медиапотребителей современные ученые часто используют понятие «обратная связь».

В толковом словаре Л. М. Земляновой «Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества» понятие «обратная связь» трактуется как способ исследования характера и результатов воздействия информационных средств связи на разные составы аудитории в целях разработки наиболее устойчивых режимов их работы¹. Исходя из этого, необходимо отметить, что обратную связь характеризуют как двусторонний обмен информацией.

Понятие «обратная связь» также изучается в рамках социологии массовых коммуникаций. Среди ученых, изучающих данную проблему, необходимо отметить Ж. Т. Тощенко². В его рассмотрении средства массовой коммуникации являются самостоятельной системой, характеризующейся множеством составляющих элементов. Однако ее целостность не исходна, а является следствием информационного круговорота в обществе, отдельные потоки которого находятся в прямой или обратной связи.

В теории социальных систем Т. Парсонаса³, обратная связь играет значительную роль в развитии социальных систем, представляя собой обмен информацией о социальной системе и ее компонентах.

В работах С. Хилгартнера и Ч. Л. Боска⁴, посвященных конструированию социальных проблем, обратная связь рассматривается как показатель функционирования СМИ. Каждое средство массовой коммуникации обладает определенной пропускной способностью «объема» реакции аудитории, и чем больше аудитория СМИ, тем сложнее анализировать ее обратную связь.

Наличие интенсивной обратной связи привлекает внимание к производимой медиа информацией не вовлеченных ранее групп. Причем это работает не только в связке СМИ – аудитория, но также при взаимодействии разных медиаисточников информации, когда они изучают деятельность друг друга в поиске новостей, которые смогут привлечь как аудиторию, так и другие социальные институты. Значение отклика на эту обратную связь и вовлечения в этот информационный кругооборот состоит в конкуренции за право заниматься производством смыслов. Чем ближе социальный инсти-

тут к производству смыслов и чем больше обратной связи, тем больше у него власти⁵.

Перейдем к рассмотрению двух мощнейших современных каналов информации – телевидения и Интернета. Какие преимущества имеет телевидение? Во-первых, оно является бесплатным (за исключением дополнительного контента), во-вторых, имеет максимальное покрытие, так как практически в каждом доме оно присутствует, его обозревают все возрастные группы, также оно обеспечивает возможность фонового просмотра.

Проанализируем статистические данные по востребованности телевидения и Интернета. По результатам общероссийских мониторингов, проводимых ФОМ, проникновение Интернета составляет 70%, а телевидение минимум раз в неделю обозревают 85% опрошенных. Какое из этих средств массовой информации является для аудитории более авторитетным?⁶

По данным ФОМ на 2 мая 2017 г., 78% опрошенных отметили телевидение как источник, из которого они чаще всего получают информацию, чуть ниже позиция Интернета – 55% ответивших узнают о новостях в сети. При этом 50% опрошенных подчеркнули, что телевидение для них является источником, к которому они испытывают самое большое доверие среди СМИ, Интернету доверяют 26%. Но наблюдая динамику показателей за 2016 и 2017 гг., следует отметить, что доверие к Интернету растет, а к телевидению падает (табл. 1)⁷.

Преимущества Интернета таковы, что здесь всегда предполагается наличие отправителя и получателя информации, также его практически невозможно обозревать фоново. Интернет предоставляет больше самых разнообразных точек зрения, но в этих условиях сложно оценить их объективность, существует очень много сомнительных источников, и предоставляемая сеть информация зачастую бывает необоснованной.

Кроме того, Интернет дает возможность вступить в диалог и участвовать в нем, что делает интернет-пользователя более активным участником процесса коммуникации. В сети индивид получает возможность становиться источником информации, что проблематично в случае с телевидением.

Интернет обладает большими возможностями для двухсторонней коммуникации. Как принципиально новому средству массовой коммуникации ему присущи такие характеристики, как интерактивность, открытость, отсутствие временных и пространственных ограничений, виртуальность. В

рамках коммуникативной теории интерактивность заключается в организации процесса взаимодействия между участниками коммуникации. По мнению А. В. Россошанского⁸, интерактивность разрушает понимание процесса коммуникации как субъект-объектных отношений, отправитель и получатель информации становятся равными в процессе коммуникации.

Как отмечают Дж. Брайант и С. Томпсон, телевидение осуществляет «централизованное производство стандартизированной информации, поставляемой огромной аудитории по отдельным каналам», а для Интернета характерно «предоставление особых услуг большому числу сравнительно малочисленных аудиторий»⁹. И одной из важнейших услуг, предоставляемых Интернетом потребителю, является возможность выразить свое мнение как о просматриваемом телеконтенте, так и о телевидении в целом. В то же время для руководства и сотрудников телеканалов Интернет является уникальным источником обратной связи, позволяющим получить более развернутую и структурированную информацию о мнении аудитории.

Безусловно, такие средства массовой коммуникации, как телевидение и Интернет, играют значимую роль в жизни каждого современного человека, в социологической науке очень много внимания посвящено изучению каждого из этих СМИ по отдельности, но очень мало – изучению их взаимодействия. В рамках этой работы нас интересует проникновение зрительского мнения аудитории телевидения в интернет-пространство. Ведь именно в Интернете наиболее мобильная площадка для взаимодействия и именно в сети можно получить данные о мнении аудитории без прикрас.

Модель источников мнения аудитории выглядит следующим образом.

Социальные сети:

- обсуждение в переписке (недоступно для исследователя);
- страницы групп про телевидение;
- официальные страницы каналов или телепередач.

Официальный сайт телеканала.

Тематические сайты и страницы фан-клубов.

Видео-порталы (комментарии под видеороликами).

Форумы.

Участие в интернет-опросах (ФОМ, ВЦИОМ, Левада-центр, опросы телеканалов и медиа-центров).

Таблица 1

Предпочитаемый источник информации, %

Источник	31 января 2016 г.	5 февраля 2017 г.	2 мая 2017 г.
Телевидение	88	87	78
Интернет	52	53	55
Уровень доверия к информационному источнику, %			
Телевидение	63	58	50
Интернет	19	24	26

Охарактеризуем указанные источники мнения аудитории. Социальные сети, форумы, тематические сайты и страницы фан-клубов, комментарии под видео-роликами являются сложно исследуемым источником обратной связи СМИ, так как исследователю попадает в огромное информационное пространство, которое сложно сегментировать, не теряясь в информационных потоках, и здесь проявляется весь спектр проблем интернет-исследований, среди которых одна из значимых – высокая динамичность, т. е. переменность состава, текучесть, аморфность. Также в связи с этим возникает вопрос, насколько исследователь имеет право цитировать материалы из онлайн-сообщений или комментариев сообществ, должен ли он при этом указывать наименование исследуемого сообщества, ссылаться на автора цитаты, не нарушая их прав? Следует ли эти данные считать общественным достоянием, раз они находятся в общем доступе, или требуется согласие автора либо администратора исследуемого сообщества?¹⁰

Очень удобны в плане анализа обратной связи аудитории официальные сайты телеканалов, так как, по сути, содержание комментариев предназначено для внимания телеканала, аудитория адресует свое сообщение непосредственно администраторам телеканала для того, чтобы в работу СМИ были внесены коррективы либо чтобы мнение в любом случае было услышано, тем самым корректируя содержание информации для определенного адресата, минимизируя количество обцененной лексики и аффективных высказываний.

Определим иерархию интернет-ресурсов, где можно получить срез мнения телепотребителей в зависимости от степени формальности источников. Первое место занимают сайты телеканалов и телекорпораций. Был проведен анализ сайтов таких общедоступных телеканалов, как «Первый», СТС, ТНТ, группы каналов «Россия», РЕН-ТВ, НТВ.

У сайтов этих телеканалов ряд общих черт, среди которых – дизайн главной страницы. На главном плане мелькает видеоролик – презентация топовой телепрограммы, на которую канал делает упор, сверху есть строка меню для перехода в разделы, которые у вышеуказанных телеканалов типичны: трансляция онлайн, телепрограмма, архив программ, новости телеканала и телеиндустрии, раздел с дополнительным телеконтентом в виде документальных фильмов или материалов, которые не были показаны в телеэфире, переход на страницы телеканалов в социальных сетях (в основном «Одноклассники», «ВКонтакте», Facebook, Instagram, YouTube), возможность комментариев под разделами и видеоматериалами (но такая возможность есть только при регистрации пользователя), также имеется краткая информация о том, как связаться с дирекцией телеканала, чаще всего это горячая линия и электронная почта, реклама и анонсы, информация о свидетельстве регистрации СМИ. Необходимо отметить, что

возможность комментирования на официальных сайтах телеканалов очень суженная, интерфейс везде сложный и окно для комментария всплывает не всегда и часто работает некорректно. Такие сайты дают в основном возможность просмотреть предлагаемые материалы, а обсудить их, внести предложения, выразить свое мнение предлагается уже на официальной странице телеканала в социальных сетях. Наиболее подробные, насыщенные и информативные сайты у «Первого», «России» и НТВ, далее следуют СТС и ТНТ, они делают упор на трансляцию своих кассовых передач, и дополнительных материалов на сайте размещено мало.

Почти каждый из анализируемых телеканалов имеет официальную страницу «ВКонтакте», кроме телеканала «Россия-1», у которого действующая официальная страница есть только в Instagram, что является некоторым упущением администрации телеканала. Составим рейтинг страниц телеканалов в зависимости от количества подписчиков. Самыми популярными являются группы телеканалов СТС и ТНТ, далее следует «Первый», эти группы имеют более миллиона подписчиков; незavidные позиции у групп НТВ и РЕН ТВ, у которых подписчиков намного меньше (табл. 2).

Вследствие предлагаемого «ВКонтакте» стандартизированного интерфейса группы имеют следующий вид: наверху изображение логотипа телеканала либо картинка с анонсом самой ожидаемой новинки телеэфира. Справа поочередно список подписчиков, ссылки на рекомендуемые ресурсы, фотоальбомы со съемок, аудиозаписи, используемые телеканалом в эфире, на страницах ТНТ и СТС есть раздел «Обсуждения» с подразделами, которые отсутствуют у остальных, у всех страниц есть раздел «Контакты», также есть возможность написать сообщение администратору группы. По центру страница заметок и главных новостей телеканала, в которых в основном публикуются видеоматериалы канала в виде выпусков самых кассовых сериалов или их наиболее популярных моментов, которые можно под записью обсудить в комментариях.

Опираясь на количество комментариев, было выявлено, что самые активные беседы ведутся в специализированном разделе «Обсуждения», которые разделены тематически. У СТС иерархия подразделов следующая: «Любимые цитаты из сериала “Кухня”», «Работа телеканала», «Работа группы» и несколько разделов с играми в комментариях. Неожиданно, но самыми активными являются игровые разделы, среди которых – составление на подсчет, кого больше – мальчиков или девочек, игры в слова, в ассоциации, которые больше похожи на чаты, не особенно связанные с телеконтентом и работой канала. У ТНТ популярны следующие разделы: «Правила группы», где рассказывается о политике группы телеканала и освещаются нормы поведения в группе и санкции за их нарушения; «Лица ТНТ», где идет обсуждение популярных участников телешоу, персонажей сериа-

Таблица 2

Количество подписчиков официальных групп телеканалов в социальной сети «ВКонтакте» на октябрь 2017 г.¹¹

Группа телеканала	Количество подписчиков, чел.
СТС	2 783 863
ТНТ	2 486 773
Первый	1 751 900
НТВ	316 831
Рен ТВ	134 057

лов и актеров; «Что готов смотреть вечно?» – подраздел с мнением о самых любимых программах; «Что не нравится?» – раздел о работе телеканала с обсуждением широкого спектра проблем (нарушения трансляции, реклама, проблемы работы группы, наполнение телеэфира, телепрограмма и др.).

В Facebook активность аудитории намного меньше в сравнении с «ВКонтакте», количество подписчиков официальной группы «Первого канала» в октябре 2017 г. составляло 874 тыс., что в три раза меньше. У ТНТ 643 тыс. подписчиков, у СТС 302 тыс. подписчиков, у РЕН ТВ 74 тыс., что свидетельствует о невысокой востребованности этих групп у подписчиков Facebook. И еще менее популярны официальные группы телеканалов в Instagram: у группы СТС 663 тыс. подписчиков, у «Первого» – 350 тыс., у НТВ – 59 тыс. подписчиков. У ТНТ в Instagram 8 млн подписчиков, что связано с активной работой группы, постоянным ее обновлением. Администраторы группы делают упор на выкладывании эксклюзивных фото и видео-материалов, самых смешных или эмоциональных моментов телеэфира, юмористических материалов в формате коротких инстаграм-роликов, что является очень эффективной стратегией взаимодействия с аудиторией и соответствует формату данной социальной сети.

Необходимо отметить, что активность и наполнение групп напрямую зависит от количества подписчиков. В процессе анализа количества обновлений, активности обсуждений, количества просмотров записей было выявлено, что чем больше количество подписчиков в группе, тем чаще обновляется лента группы и больше выкладывается материалов.

Следующая ступень – переписка о телевидении на тематических форумах. Большинство форумов посвящено операциональному компоненту телевидения: настройка спутникового и кабельного телевидения, подключение пакетов телеканалов и услуг, среди них официальные провайдеры НТВ Плюс, МТС ТВ, Билайн ТВ, Мегафон ТВ, Триколор ТВ и проч.; также существуют так называемые неформальные или «свободные» форумы, в которых ведется обсуждение телеконтента и телевидения в целом, их посещаемость несколько меньше, чем у официальных сайтов и страниц телеканалов, но здесь упор делается на активном обсуждении пользователями проблематики форума. В этой

нише сайтов популярны: форум «Телезритель» (<http://telezritel.su>), форум «Старый телевизор» (<http://staroetv.su/forum/>), Форум-ТВ (<http://forum-tv.ru/>), форумы любителей определенных телеканалов (например Форум Программ Первого, Форум Матч и Арена, Форум ТВЦ).

Рассмотрим содержание этих форумов. «Телезритель» позиционирует себя как универсальный портал для обсуждений тем самого разного спектра. Форум построен следующим образом: есть основной блок «Телевидение России», который имеет специфическую иерархию, разделяясь на подгруппы: Обязательные общедоступные каналы («Первый», «Россия-1», «Россия-24», «Карусель», ОТР, ТВЦ, РЕН ТВ, СТС, ТВ-3, «Пятница», ТНТ и проч.), Развлекательные и теле-шоу и передачи ВГТРК, НТВ, СТС, Пятницы, ТНТ, Муз ТВ; Документалистика на ТВ, Федеральные и региональные телеканалы (спутниковые, кабельные, интернет-каналы) – разделы перечислены в порядке убывания популярности.

В подгруппе Обязательные общедоступные каналы наиболее обсуждаемыми являются РЕН ТВ (6107 комментариев) и «Первый» (1149 комментариев). Популярность РЕН ТВ обосновывается обсуждением телепередачи «Жадность», так как она является наиболее злободневной, заключая в себе потребительское расследование от первого лица самой разнообразной продукции. Обсуждаются в основном новые варианты расследований и объективность уже проведенных. В блоке Развлекательные передачи и теле-шоу самыми обсуждаемыми являются такие передачи «Первого канала», как «Голос» и «Голос дети», где комментарии посвящены в основном мнению об участниках и судьях программы. За ними с большим отрывом следуют развлекательные передачи ВГТРК. В разделе Документалистика обсуждают в основном тайны смертей знаменитостей, брачные расследования, объективность исторического освещения некоторых событий.

Форум «Старый телевизор» позиционирует себя как исторический портал о телевидении, основными тематиками обсуждения которого являются ностальгические отсылки к телеканалам, передачам, логотипам, сюжетам прошлого. Архивы телепередач 1990-х и 2000-х, Какую телепередачу Вы хотели бы возродить, Любимая реклама 90-х, Покемоны и телепузики, Лучший канал 90-х,

Региональное «Старое ТВ», Наследие центрального телевидения СССР – вот топ тем этого сайта. Многие участники форума показывают высокую степень осведомленности о развитии того или иного телеканала и предстают настоящими экспертами в своей области интереса, которые очень разнообразны – от трансформации логотипов до эволюции целых линеек телепередач. У форума есть большой архив аудиофайлов, используемых в телепередачах прошлого, а также две авторских колонки новостей от редакторов сайта и от пользователей, которые дают альтернативную авторскую оценку происходящего в мире современных СМИ.

Форум ТВ является площадкой для обсуждения телеканалов «Россия-1», НТВ, «Пятый канал», «Россия», «Культура», РЕН ТВ, ТВЦ, «Звезда», ТНТ, СТС, ТВ-3, «Матч ТВ», «Россия-24», «Домашний», что прописано на главной странице сайта. Обсуждение номинально разделено по жанрам телепередач, но пользователи активно создают новые диалоги, которые не входят в общую иерархию и рандомно показаны на странице форума. Обсуждения тоже проходят хаотично и редко могут быть приравнены к конструктивному диалогу.

Форумы любителей определенных телеканалов не особенно посещаемы, так как представляют собой сжатый дубляж информации и обсуждений с официальных страниц телеканалов, которые более посещаемы и за счет этого раньше всплывают в поисковой строке.

Исходя из данных, полученных в процессе исследования интернет-площадки для обратной связи функционированию телевидения, можно заключить, что сегодня в Интернете сформирована достаточно мобильная и пользующаяся популярностью платформа для обсуждения работы телевидения и всех ее аспектов в самых разнообразных форматах. Любому желающий может найти удобную для себя форму взаимодействия: высказывание претензий по работе телеконтента, обсуждение содержания телеэфира, продолжение и расширение телепотребления в виде обзора дополнительных материалов телевидения, таких как процесс съемок, интервью участников как съемочного процесса так и вообще администрации медиа. Интернет, несомненно, открывает новые горизонты для телевидения, как продолжая его работу, привлекая новую телеаудиторию, так и формируя совершенно новые процессы и практики телепотребления. В дополнение ко всему Интернет становится каче-

ственно новой формой накопления информации о телевидении, своего рода архивом истории телевидения и ценным источником дополнительных материалов, которые могут быть доступны любому, что очень ценно в современном информационном обществе и делает каждого телезрителя намного ближе к созданию телевидения.

Примечания

- 1 См.: Землянова Л. М. Зарубежная коммуникативистика в предверии информационного общества : Толковый словарь терминов и концепций. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999.
- 2 См.: Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.
- 3 См.: Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академический Проект, 2000.
- 4 См.: Хилгартнер С., Боск Ч. Л. Рост и упадок социальных проблем : концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы : хрестоматия / пер. с англ. ; сост. И. Г. Ясавеев. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2000. С. 18–53.
- 5 См.: Кожемякин Е. А. Массмедиа и обратная связь : точка зрения социального конструкционизма // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 27 (170). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/massmedia-i-obratnaya-svyaz-tochka-zreniya-sotsialnogo-konstrukcionizma> (дата обращения: 03.10.2017).
- 6 См.: Источники информации : мониторинг // ФОМ : [сайт]. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/13323> (дата обращения: 03.10.2017).
- 7 Там же.
- 8 См.: Россошанский А. В. Современные тенденции развития средств массовой коммуникации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 105–108.
- 9 Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ : пер. с англ. М. : ИД «Вильямс», 2004. С. 390.
- 10 См.: Овчинников С. А., Россошанский А. В. Угрозы и риски этико-правового характера при интернет-исследованиях // Вестн. СГСЭУ. 2012. № 3 (42). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ugrozy-i-riski-etiko-pravovogo-haraktera-pri-internet-issledovaniyah> (дата обращения: 16.10.2017).
- 11 Сост. по: URL: <https://vk.com/>, <https://vk.com/ctc>, <https://vk.com/tnt>, <https://vk.com/1tv>, <https://vk.com/ntv>, https://vk.com/rentv_channel (дата обращения: 21.10.2017).

Образец для цитирования:

Лукьянова М. Н. Обратная связь с аудиторией через призму взаимодействия Интернет и телевизионных СМИ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 179–183. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-179-183.

Cite this article as:

Lukyanova M. N. Feedback from the Audience from the Perspective of Interaction between the Internet and Television Media. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 179–183 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-179-183.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.8

ПРОБЛЕМАТИКА ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ И НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. А. Вилков

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, vil57@yandex.ru

В статье рассмотрены основные трактовки понятий общественной дипломатии и публичной дипломатии в политическом и научном дискурсе современной России. На основе проведенного анализа сделан вывод о том, что в научной литературе имеет место синонимичное использование двух обозначенных категорий, что приводит к нецелесообразному смешиванию субъектных и атрибутивных свойств в одном понятии, когда им пытаются охватить ответ на два принципиальных вопроса: кто осуществляет дипломатию и каким образом она осуществляется? Для того чтобы избежать такой подмены, автору представляется целесообразным развести виды дипломатии по субъектам, а публичность рассматривать как одно из важнейших атрибутивных ее свойств.

Ключевые слова: виды дипломатии, субъекты дипломатии, свойства дипломатии, общественная дипломатия, публичная дипломатия.

Problematics of Public Diplomacy within the Political and Scholarly Discourse in Modern Russia

A. A. Vilkov

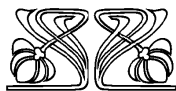
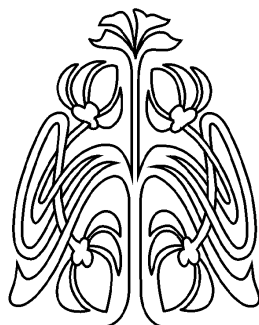
Alexander A. Vilkov, ORCID 0000-0003-4277-0372, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, vil57@yandex.ru

Key interpretations of social and public diplomacy within political and scholarly discourses are considered in this article. The inference is made that both notions (i.e. social and public diplomacy) are often used interchangeably in scholarship that, in its turn, leads to inexpedient confusion over subjective and attribute features of the term while attempting to encompass answers to two main questions: who conducts diplomacy and how is it conducted? To avoid such equivocation, the author deems it helpful to differentiate diplomacy types by subjects and to analyze public dimension of diplomacy as one of its important attributes.

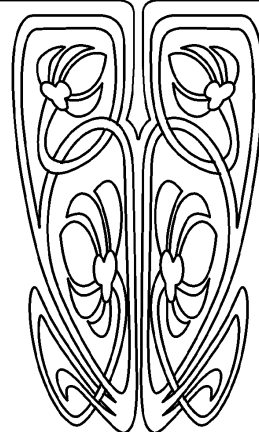
Key words: types of diplomacy, subjects of diplomacy, features of diplomacy, social diplomacy, public diplomacy.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-184-188

Актуальность проблематики общественной дипломатии в современной России обусловлена, прежде всего, обострением международных отношений в последние годы. Применение экономических, дипломатических и политических санкций и фактическая информационная война США и их союзников, ведущаяся против России, обуславливают необходимость консолидации всех государственных и общественных ресурсов России в осуществлении успешного внешнеполитического курса в таких условиях. Не случайно министр иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавров, выступая на торжественном собрании по случаю Дня дипломатического работника 8 февраля 2018 г., поблагодарил присутствующих представителей Администрации Президента Российской Федерации, Аппарата Правительства, Совета безопасности Российской Федерации, различных министерств, ведомств и структур

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

за тесное и плодотворное взаимодействие и подчеркнул, что «профессиональная солидарность – это важная составляющая в деле успешного выполнения задач ... на ответственных внешнеполитических участках»¹.

Кроме того, сохранение и развитие институализированных связей между Россией и государствами на постсоветском пространстве (ЕврАзЭС, ОДКБ, Союзное государство России и Республики Беларусь), а также в других регионах мира (БРИКС, ШОС) актуализируют процессы взаимодействия не только на межгосударственном уровне, но и на уровне неформальных отношений институтов гражданского общества и межличностных связей отдельных граждан. Это особенно актуально для приграничных субъектов Российской Федерации, в которых исторически велика потребность в общении с населением соседних государств. Например, этноконфессиональный состав населения Саратовской области и ее географическое положение объективно обуславливают наличие разнообразных неформальных связей со многими государствами СНГ.

С научной точки зрения проблематика общественной дипломатии актуальна в связи с тем, что до сих пор нет единства в формулировании и трактовке основных понятий в этой сфере (например, наряду с «публичной» и «общественной» используются также понятия «народной» и «культурной» дипломатии²). Доцент МГУ А. Долинский утверждает, что одна из причин отсутствия единства определений – неоднозначные переводы термина «public diplomacy», который изначально появился в одной из главных кузниц кадров Госдепа США – Fletcher School of Law and Diplomacy – как замена термину «пропаганда»³. Главное содержательное разночтение определяется расхождениями в том, кого считать основными субъектами публичной дипломатии.

Примером тому может служить обсуждение данных вопросов на круглом столе «Общественная дипломатия как инструмент внешней политики России: возможности, проблемы, перспективы». Он был проведен Российским советом по международным делам (РСМД) совместно с Фондом поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова 19 июня 2012 г. Кроме дипломатов в нем приняли участие руководители и представители самых разных российских общественных организаций, в той или иной степени связанных с международным сотрудничеством. По утверждению Президента РСМД И. Иванова, «без активного участия общества и общественных организаций в международных отношениях невозможно придать межгосударственным отношениям новое, более высокое качество»⁴. Он отметил, что главная причина отставания России в использовании неправительственных организаций для формирования общественного мнения за рубежом состоит в том, что созданы эти НПО чаще всего по инициативе государства и в их деятельности проявляют-

ся «привычка, сложившиеся штампы, которые не всегда соответствуют времени»⁵.

Анализ материалов данного круглого стола показывает, что даже в использовании понятий у его участников не было единства, так как наряду с «общественной дипломатией» активно использовалось также понятие «публичная дипломатия». В рамках обозначенной темы круглого стола оба понятия фактически применялись как синонимы.

Такая синонимичная трактовка понятия «публичная дипломатия» достаточно широко распространена в научном дискурсе. Так, в коллективной монографии под одноименным названием, изданной в МГИМО под редакцией известного российского исследователя международных отношений М. М. Лебедевой, уже в предисловии отмечается, что, несмотря на различные точки зрения авторов, по ряду позиций удалось добиться их сближения. Прежде всего, это касается того, что «все авторы монографии исходили из самого общего понимания публичной дипломатии как воздействия одного государства на общество другого. Еще одним общим моментом стало понимание того, что такое воздействие может осуществляться как официальными лицами, так и неофициальными. <...> Наконец, авторы согласились с тем, что публичная дипломатия может осуществляться не только государствами, но и надгосударственными образованиями»⁶.

Обоснование такой широкой трактовки публичной дипломатии приводит к тому, что главным ее субъектом продолжает выступать все-таки государство, которое для решения своих задач подключает ресурсы негосударственных общественных организаций. Самодостаточность негосударственных акторов, использующих культурные, образовательные и иные контакты, приводит к тому, что, по мнению сторонников такой трактовки, они «могут иметь собственную публичную дипломатию»⁷. Получается, что есть государственная публичная дипломатия и негосударственная публичная дипломатия.

Раскрывая особенности такой широкой трактовки, авторы издания рассматривают понятие «новая публичная дипломатия», введенное американскими исследователями. От практики периода холодной войны ее отличает, во-первых, «ориентирование на концепцию “мягкой силы”», поэтому в ее арсенале отсутствуют инструменты, связанные с использованием лжи, шантажа, нажима и т. п. Во-вторых, новая публичная дипломатия обращает внимание на необходимость отказа от монолога и формирования диалога с обществами других стран... в-третьих, публичная дипломатия XXI в. связана с достаточно широким использованием лоббистских бизнес-структур для формирования позитивного образа государства»⁸.

В литературе по данной проблематике можно встретить и многие другие понятия, которые, по мнению авторов, отражают новые реалии международных отношений в современ-

ных условиях. Например, сотрудник Института международных отношений МИД Туркменистана Д. Гурбангельдыев обосновывает целесообразность использования для обеспечения эффективной международной политики понятия «культурной дипломатии», понимаемой как синоним «мягкой дипломатии», как «общественный институт, позволяющий на время передавать культурные ценности другим странам с целью пропаганды мира и взаимопонимания между народами»⁹. Несмотря на то, что Д. Гурбангельдыев рассматривает «язык культуры и искусства» в качестве своеобразного универсального языка народной дипломатии, раскрытие им основного инструментария реализации культурной дипломатии показывает, что она оценивается автором как вспомогательное средство официальной государственной дипломатии. В соответствии с такой трактовкой основными формами культурной дипломатии выступают выставки, форумы, фестивали, прежде всего во время официальных визитов главы государства, для обеспечения «основополагающих целей внешней политики государства, создания благоприятного образа страны, популяризации культуры и языков ее народов»¹⁰.

Исследователь из Екатеринбурга Р. С. Мухаметов обоснованно предлагает различать понятия «общественная дипломатия» и «культурная дипломатия». По его мнению, последняя представляет собой «систему мер, которая связана с использованием культуры в качестве средства достижения внешнеполитических приоритетов государства путем ее распространения и популяризации за рубежом. То есть под культурной дипломатией нами понимается презентация национальной культуры силами дипломатического ведомства и/или другого полномочного органа, ориентированная на решение внешнеполитических задач»¹¹.

Т. И. Медведева предлагает использование термина «гражданская дипломатия» как синонимичного и равнозначного понятию «народная дипломатия» (именно так они включены в название ее кандидатской диссертации)¹². По ее мнению, «гражданские дипломаты» могут пользоваться частью методов официальной дипломатии, например, «неофициальные визиты, участие в конгрессах и конференциях, участие в работе международных организаций с правом совещательного голоса, участие в согласовании, подготовке и разработке документов... Однако в силу того, что гражданская дипломатия не связана нормами международного права, у нее есть целый арсенал дополнительных методов, которые вытекают из ее функциональных возможностей»¹³. К таковым Медведева относит акции протеста (или поддержки), митинги, политические забастовки, пикеты, сборы подписей, обсуждение в печати, парламентские контакты, контакты в сети Интернет и т. д. Как представляется, такое широкое толкование гражданской

(народной) дипломатии нуждается в системном разграничении по субъектам, сферам и формам деятельности. В противном случае, по логике автора, к категории «гражданских (народных) дипломатов» одинаково относятся и парламентарии, представляющие официальные государственные органы, и «мировые товарищества», формируемые в результате контактов в сети Интернет «в любых точках мирового пространства, вне разного рода границ: территориальных, политических, религиозных, языковых»¹⁴.

По мнению Д. С. Сизарева, публичную дипломатию целесообразно рассматривать в качестве важного элемента «мягкой силы». В таком контексте целью публичной дипломатии является «установление долгосрочных положительных контактов с представителями других государств для обеспечения собственной безопасности, достижения национальных и групповых интересов»¹⁵. Такая трактовка публичной дипломатии основывается на ее альтернативных характеристиках открытости и транспарентности в противовес традиционной дипломатии как тайной и закрытой от широкой общественности деятельности. На основании анализа конкретных видов международных отношений автор констатирует, что появление публичной дипломатии стало ответом «на изменение в геополитической составляющей мира и на постоянную критику в утрате своей легитимности, связанную с узким составом участников, который не отражает и не справляется со всеобъемлющими процессами глобализации»¹⁶.

Т. В. Зонина в своем учебном пособии вводит еще несколько категорий – «многосторонняя дипломатия», которая объединяет государственных и неправительственных акторов в рамках «движения мира к полицентричной системе»¹⁷, а также понятие «гуманитарная дипломатия», нацеленная на защиту общечеловеческих ценностей¹⁸.

Такая трактовка выводится автором из разведения понятий «общественная дипломатия» и «публичная дипломатия». Последняя, по мнению автора, тесно связана с новым жанром «осуществления власти в период глобальной информатизации. Публичная дипломатия, тесно связанная с этим направлением политики, представляет собой целый “космос”, где действуют политики, деятели культуры, науки и образования, СМИ, НПО, пользователи социальных сетей. И что особенно значимо – ныне публичность является неотъемлемой чертой и профессиональной дипломатии»¹⁹.

Как представляется, введение данных категорий еще более усложняет ситуацию в связи с тем, что наряду с атрибутом субъектности вводит в разряд классификационных признаков различных видов дипломатии также различные формы, принципы и целеполагание дипломатической деятельности. С учетом того, что многие из обозначенных признаков (например, гуманистич-

ность, обеспечение мирного сотрудничества, гармонизация отношений с другими странами, и т. д.) нормативно закреплены для любых видов дипломатии, то лишается смысла сама классификация различных видов дипломатической деятельности и возможность научно осмыслить и оценить их особенности.

Более продуктивным представляется введение Т. В. Зоной понятия «парадипломатия», которое отражает тенденции в Европейском сообществе в усилении политической субъектности органов региональной власти и местного самоуправления, в том числе в качестве новых акторов дипломатии и новых форм дипломатической архитектуры. О ее значении свидетельствует тот факт, что «в целом ряде европейских стран были приняты соответствующие законы, регулирующие международную деятельность регионов»²⁰. Думается, это тот случай, когда имеет смысл внимательно изучить и использовать накопленный европейский опыт в межрегиональном и наднациональном сотрудничестве различных стран и в продвижении интересов отдельных регионов в разных странах Евросоюза.

Подводя итог проведенному обзору работ по обозначенной проблематике, можно констатировать, что в синонимичном использовании понятий публичной и общественной дипломатии нередко происходит подмена и взаимное замещение субъектного и атрибутивного ее свойства. В первом случае ключевым является вопрос: кто осуществляет дипломатию? Во втором случае – каким образом она осуществляется?

Для того чтобы избежать такой подмены, представляется целесообразным развести виды дипломатии по субъектам, а публичность рассматривать как одно из важнейших атрибутивных ее свойств. В этом случае будет понятно, что официальная дипломатия соответствующих государственных структур может приобрести определенные свойства открытости и транспарентности, но никуда не уйдет от необходимости закрытых переговоров и латентной подготовки соответствующих документов. Процедурное пакетирование позиций, обоснование пропозиций и предложений, поиск компромиссов, взаимных уступок неизбежно будут носить закрытый и сугубо профессиональный характер.

Среди многих вариантов категорий, расширяющих субъектность дипломатии в современных условиях («народная дипломатия», «гражданская дипломатия», «культурная дипломатия и др.), наиболее адекватным представляется использование понятия «общественная дипломатия». Категория «общество» является наиболее универсальной и включает в себя как отношения институализированных субъектов в лице всего многообразия институтов гражданского общества, так и всю пестроту неформализованных отношений отдельных граждан и их объединений. В этом случае понятия «культурной», «эко-

номической», «спортивной» и иных дипломатий могут быть использованы для обозначения конкретных сфер проявления общественной дипломатии, а не как особые ее виды.

Часть из этих общественных организаций действительно могут быть целенаправленно в той или иной степени включены в систему официальной дипломатии с целью подключения экономических, культурных, религиозных, информационных, образовательных, научных, спортивных, гендерных, молодежных и иных ресурсов общества для продвижения общегосударственных интересов. Думается, что именно их привлечение в значительной степени и придает официальной дипломатии атрибутивные свойства публичности, так как коммуникации в обозначенных сферах не ограничены столь строгими протоколами и регламентами. Именно эти институты выступают важнейшими инструментами «мягкой» и «умной» силы государства, формируя за рубежом позитивные представления о стране в целом, продвигая положительный образ различных сфер общественной жизни.

Степень взаимосвязи конкретных институтов гражданского общества с государством в современной России различна. Тем не менее, все их объединяет наличие собственных самостоятельных интересов и собственной функциональности в определенном сегменте общественных отношений, в том числе и обеспечение возможностей в установлении взаимодействий с соответствующими организациями в других странах. В рамках развития таких коммуникаций осуществляется общественная дипломатия в ее «чистом виде», без прямого государственного регулирования и контроля. Но даже в этом случае взаимодействие институтов гражданского общества должно осуществляться в рамках официального правового поля, на основе соответствующих межгосударственных и межрегиональных соглашений.

Наиболее свободным и неформальным видом общественной дипломатии выступают коммуникации рядовых граждан со своими родственниками и знакомыми в государствах постсоветского пространства и в других регионах мира. Формы, характер и периодичность таких коммуникаций в условиях развития сети Интернет и мобильной связи могут быть самыми различными, так же как и возможные последствия такой общественной дипломатии (она может носить не обязательно положительный характер). В этой связи особенно актуальным видится необходимость научного изучения потенциала и результативности данного уровня общественной дипломатии. Среди субъектов формирования и продвижения образа России и ее отдельных регионов за рубежом в рамках этого уровня выступают не только российские граждане, но и граждане других стран, прибывающие в страну на работу и учебу. Их мнение о России, о ее порядках, об образе и уровне жизни россиян, об

отношении к мигрантам и иностранцам в целом оказывает существенное воздействие на формирование соответствующего образа страны среди своих соотечественников.

Особенно актуально развитие общественной дипломатии для приграничных субъектов Российской Федерации. Например, для Саратовской области использование ресурсов официальной и общественной дипломатии помогает развивать и укреплять приграничное сотрудничество с Республикой Казахстан на основе налаживания межкультурного диалога и установления добрососедских отношений на всех уровнях.

В целом, усиление роли общественной дипломатии в современных условиях является отражением двух важнейших трендов. С одной стороны, ее использование хорошо вписывается в концепцию «мягкой силы» современной России для формирования ее привлекательного образа на постсоветском пространстве, в стратегию национальной безопасности, в основные направления евразийской интеграции.

С другой стороны, общественная дипломатия является атрибутивным элементом демократической политической системы и отражает позитивную общемировую тенденцию расширения возможностей институтов гражданского общества в решении различных внутривластных и внешнеполитических проблем.

Исследование выполнено в рамках проекта «Ресурсный потенциал общественной дипломатии в приграничном российском регионе (на примере Саратовской области)», реализуемого с использованием гранта Президента РФ на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов (№ 17-2-014065).

Примечания

- 1 Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на торжественном собрании по случаю Дня дипломатического работника, Москва, 8 февраля 2018 года. URL: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/3062887 (дата обращения: 13.02.2018).
- 2 См.: *Боршишопец К. П.* Публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС : осмысление феномена и тенденций развития // Вестн. МГИМО-Университета. 2015. № 5 (44). С. 42–55 ; *Долинский А.* Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. 2011. Т. 9, № 1 (25). С. 63–73 ; *Абжапарова Л. Ж., Сарсембаева А. Б.*

Народная дипломатия как фактор международных отношений : исторический опыт Казахстана // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 11 (ч. 7). С. 1520–1523 ; *Катасонова Л. Е.* Успехи и проблемы «народной дипломатии». Россия и Япония : соседи в новом тысячелетии. М., 2004 ; *Гурбангельдыев Дж.* Культурная дипломатия – язык межнационального диалога. URL: <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=1018> (дата обращения: 20.02.2018).

- 3 См.: *Долинский А.* Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна России? URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/что-такое-obshchestvennaya-diplomatiya-i-zachem-ona-nuzhna/> (дата обращения: 19.01.2018).
- 4 Круглый стол по вопросам общественной дипломатии. URL: http://russiancouncil.ru/news/kruglyy-stol-po-voprosam-obshchestvennoy-diplomatii/?sphrase_id=5683218 (дата обращения: 13.02.2018).
- 5 Там же.
- 6 Публичная дипломатия : Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М., 2017. С. 5.
- 7 Там же. С. 12.
- 8 Там же. С. 13.
- 9 *Гурбангельдыев Дж.* Указ. соч.
- 10 Там же.
- 11 *Мухаматов Р. С.* Специфика общественной дипломатии как инструмента внешней политики государства // Изв. УрФУ. Сер. 3. Общественные науки. 2014. № 2. С. 86.
- 12 См.: *Медведева Т. И.* Гражданская (народная) дипломатия и ее роль в российско-японском политическом диалоге : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007.
- 13 *Медведева Т. И.* Основные методы и формы гражданской дипломатии в современном политическом процессе // *Власть*. 2007. № 4. С. 71–72.
- 14 Там же. С. 72.
- 15 *Сизарев Д. С.* «Мягкая сила» публичной дипломатии Группы семи/восьми // *Ярослав. пед. вестн.* 2014. № 3. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 112.
- 16 Там же. С. 116–117.
- 17 *Зонова Т. В.* Дипломатия. Модели, формы, методы. М., 2013. С. 107–108.
- 18 Там же. С. 271.
- 19 *Зонова Т. В.* Публичная дипломатия и ее акторы. НПО – инструмент доверия или агент влияния? URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/publicnaya-diplomatiya-i-ee-aktory/> (дата обращения: 12.03.2018).
- 20 *Зонова Т. В.* Парадипломатия Европейских регионов // *Вся Европа*. 2011. № 4 (54). URL: <http://alleuropalux.org/?p=2673> (дата обращения: 12.03.2018).

Образец для цитирования:

Вилков А. А. Проблематика общественной дипломатии в политическом и научном дискурсе современной России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 184–188. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-184-188.

Cite this article as:

Vilkov A. A. Problematics of Public Diplomacy within the Political and Scholarly Discourse in Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 184–188 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-184-188.

УДК 327

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТОВ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Б. Х. Бахриев

Бахриев Бахри Хуршедович, аспирант кафедры мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, mr.bahriev29@gmail.com

В статье рассматривается потенциал публичной дипломатии в урегулировании конфликтов в Центральной Азии. Отмечается, что в существующем исследовательском дискурсе публичная дипломатия исследуется в основном в контексте практики мирного времени, тогда как ее конфликторегулирующие возможности часто оказываются вне поля зрения научных работ. На основе имеющегося опыта и успешных примеров применения публичной/народной дипломатии в урегулировании конфликтов в регионе высказывается мнение о востребованности рассматриваемого явления в налаживании конструктивного диалога по ряду острых внутрорегиональных противоречий и формировании доверительных отношений между государствами Центрально-Азиатского региона.

Ключевые слова: публичная дипломатия в урегулировании конфликтов, Центральная Азия, народная дипломатия.

Public Diplomacy in Conflict Resolution: Solutions for Central Asia

В. Kh. Bahriev

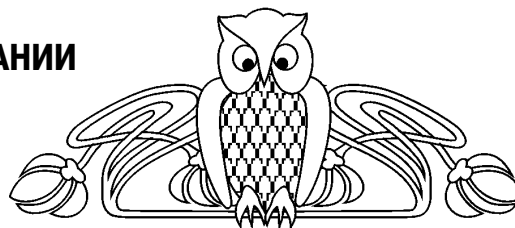
Bahri Kh. Bahriev, ORCID 0000-0003-0542-7946, MGIMO-University 76, Vernadskogo Ave., Moscow, 119454, Russia, mr.bahriev29@gmail.com

The article deals with public diplomacy's conflict-resolution potential in Central Asia. The author notes that in the existing research discourse public diplomacy is analyzed generally in the context of peace-time practice. The conflict-resolution potential of the given phenomenon often appears out of the sight of scientific works. On the basis of the available experience and successful examples of application of public/people's diplomacy in settlement of conflicts in the region, it is supposed that public diplomacy could be a relevant tool in establishing constructive dialogue on a number of acute intraregional contradictions and in forming of trust-based relations between Central Asian nations.

Key words: public diplomacy in conflict resolution, Central Asia, people's diplomacy.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-189-194

Осмысление публичной дипломатии сегодня является одним из перспективных направлений политической научной аналитики. Находясь в фокусе активного научно-практического внимания, не только приумножается смысловое наполнение этого многогранного феномена, но и, как отмечает профессор МГИМО К. Боришполец,

расширяется «номенклатура мирополитических ситуаций/процессов, в развитии которых публичная дипломатия играет важную роль»¹. Однако следует признать, что в существующей научной литературе публичная дипломатия обсуждается преимущественно в контексте практики мирного времени – как инструмент влияния на зарубежные общества, механизм формирования позитивного имиджа субъекта публичной дипломатии². Исследований данного феномена в условиях конфликтов не так много, хотя, как представляется, публичная дипломатия предлагает разнообразные дополнительные возможности в налаживании конструктивного диалога между сторонами конфликтного взаимодействия.

Специалисты утверждают, что благодаря своему «мягкому» характеру, опоре на специализированные неправительственные организации (НПО) и институты гражданского общества публичная дипломатия представляется эффективным механизмом разрешения конфликтных ситуаций там, где официальные структуры ограничены, не обладают глубоким представлением о причинах возникновения конфликтов и путях его решения или просто не пользуются доверием населения. Инструменты публичной дипломатии, например те же структуры НПО, оказываются востребованными в реализации различных негосударственных инициатив в области безопасности³, а также в постконфликтном миростроительстве и формировании доверительной атмосферы между конфликтующими сторонами⁴.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что при рассмотрении публичной дипломатии как инструмента урегулирования конфликтов на региональном уровне, т. е. с участием нескольких государств, кажется неизбежным отход от канонического понимания данного феномена. Классическое определение, которое было предложено Эдмундом Галлионом еще в 1960-е гг., представляет публичную дипломатию средством, с помощью которого правительства и частные группы влияют на мнения и отношения других правительств и народов с целью воздействия на принимаемые ими решения в сфере внешней политики⁵. Если такое понимание в «мягком» измерении публичной дипломатии до сих пор актуально, то при осмыслении рассматриваемого феномена в контексте урегулирования конфликтов, в которые вовлечены несколько акторов-государств со своими интересами, оно

сталкивается с определенными сложностями. С одной стороны, такое понимание ограничивает осмысление института публичной дипломатии рамками этатизма или, можно сказать, национального эгоцентризма, но с другой – не может быть вполне релевантным в нынешних реалиях многоакторности в мировой политике. Другими словами, речь идет об определенном переосмыслении стратегии классической публичной дипломатии. При таком переосмыслении в рамках нашей темы следует, что, во-первых, государства должны меньше акцентировать внимание на принципе «полюбите нас», а больше концентрироваться на проектах, которые конструируют индивидуальное мышление людей и затрагивают их жизни⁶. Во-вторых, не совсем подходит для урегулирования конфликтов преимущественно распространенная *конкурентная модель* публичной дипломатии, которая направлена на достижение сугубо национальных целей (порой в ущерб интересам других стран)⁷. Оптимальной моделью представляется *кооперативная* публичная дипломатия, направленная, по мнению М. Леонарда, на развитие отношений во взаимовыгодных направлениях⁸. Именно последняя делает публичную дипломатию инструментом достижения общих целей, если под ними понимается урегулирование широкого ряда конфликтных ситуаций в конкретном регионе.

Корпус классических концептов публичной дипломатии формировался и сегодня опирается преимущественно на опыт развитых промышленных стран. Исследование ресурсов и практики публичной дипломатии развивающихся регионов, в частности, в контексте урегулирования латентных конфликтов мало встречается в политологическом научном дискурсе. В этой связи рассмотрение конфликторегулирующего потенциала публичной дипломатии в регионах, где сохраняются узлы острых противоречий, представляет интерес не только для исследователей, но и для практиков.

Центральная Азия является одним из таких регионов, где ресурсы публичной дипломатии могли бы быть полезны для установления стабильных внутрирегиональных отношений. Анализ потенциала публичной дипломатии на центральноазиатском направлении имеет не только прикладное значение: он обогащает и теоретический дискурс, открывая новые возможности для концептуального осмысления актуальных вопросов международного сотрудничества.

Региональный контекст международного взаимодействия в Центральной Азии

Регион Центральной Азии (далее – ЦА), несмотря на преодоление статуса периферийного региона мировой политики, остается сложным и

неоднородным в плане политики, экономики, безопасности и т. д. После приобретения независимости молодым государствам региона предрекали судьбу *failed states*. Эти прогнозы не оправдались, но, как отмечает узбекский исследователь Ф. Толипов, из-за большого числа противоречий между странами ЦА ее можно называть *failed region*⁹. Одни специалисты, указывая на ряд открытых и латентных конфликтов в регионе, утверждали¹⁰ (продолжают это делать), что страны региона все больше расходятся в региональных делах¹¹. Этим ставятся под сомнение потенциал и возможность сближения или региональной интеграции. Другие же верят в формирование центральноазиатского сообщества безопасности, в интеграцию и воссоздание Центрально-Азиатского союза¹². В действительности отношения между странами региона не носят стабильного характера. Конфликтотенный потенциал ЦА повышают не только внутрирегиональные противоречия между государствами по вопросам определения государственных границ, распределения и использования водных ресурсов, но и торговля наркотиками, угроза исламского радикализма и террористических организаций. Помимо прочего, ЦА эксперты называют регионом с большим числом *дуализмов* историко-культурного, географического, (гео) политического характера (дуализмы верховья-низовья рек, персo-тюркских народов, дуализм Ташкент-Астана, демократия-автократия и др.), которые после приобретения странами региона независимости во многом легли в идейную основу их государство-строительства¹³. При ретроспективном анализе исторического значения названных дуализмов их роль в определении отношения между народами региона представляется преувеличенной. Однако в постсоветский период, в условиях отсутствия регулярного конструктивного диалога между странами и обществами региона, эти порой раздутые противопоставления становятся негативными для региональной стабильности факторами.

Одним из превентивных механизмов и инструментов борьбы с упомянутыми выше вызовами, а также в формировании сетей регулярных контактов между государствами и обществами региона является публичная или, как ее обычно называют в регионе, *народная дипломатия*. Хотя исследователи называют ее крайне важной «в ситуации, когда имеется дефицит доверия для преодоления конфронтации»¹⁴, на данный момент возможности данного института в названной сфере в ЦА не стали объектом серьезного научного анализа.

Возможности публичной дипломатии в урегулировании конфликтов в Центральной Азии

Говоря о конфликторегулирующем потенциале публичной дипломатии в ЦА, следует отметить, что в самом регионе еще не оформился

исследовательский дискурс по названному феномену. Объяснить это можно отсутствием солидного опыта стран региона в профильной сфере. Основная доля научных разработок (впрочем, как и практические усилия) по этой тематике приходится на Казахстан, есть и попытки комплексного анализа практики государств региона в данной сфере¹⁵. Примечательно, что в последнее время о публичной дипломатии как о положительном диалоговом инструменте, как об «улице с двусторонним движением» заговорили узбекские ученые¹⁶. В целом, встречающиеся исследования рассматриваемого феномена в контексте ЦА концентрируют внимание на классической стратегии публичной дипломатии – информировании зарубежной общественности, формировании положительного международного восприятия, брендинге государства и т. д. Потенциал публичной дипломатии в улаживании конфликтных ситуаций оказывается вне поля исследовательского анализа.

Однако опыт прикладного применения ресурсов публичной/народной дипломатии в урегулировании конфликта в регионе все же имеется. В урегулировании кровопролитной гражданской войны в Таджикистане помимо официальных государственных посредников участие принимали и влиятельные таджикские, иранские, российские и другие общественные, религиозные деятели. В названном конфликте публичная дипломатия сыграла весьма важную роль в достижении национального согласия и единства с учетом местных традиций и менталитета таджикского общества¹⁷. Следует отметить и государственно-частное взаимодействие в процессе постконфликтного восстановления в Таджикистане. Немаловажную роль в этом деле сыграли НПО, среди которых выделяется Сеть развития Ага Хана (Aga Khan Development Network – AKDN), работающая в стране с 1993 г. и имеющая проекты в 32 районах страны¹⁸. По данным AKDN, она ежегодно вкладывает в экономику Таджикистана около 60–70 млн долл.¹⁹

На современном этапе при создании регулярно функционирующих региональных диалоговых форматов можно использовать площадки крупных международных организаций. В качестве такой площадки для налаживания взаимодействия по линии публичной дипломатии в ее конфликтурегилирующем измерении подходит Региональный центр Организации Объединенных Наций по превентивной дипломатии в Центральной Азии (РЦПДООН). В задачи Центра входит организация регулярных тренингов и семинаров с участием политиков и экспертов в области дипломатии предотвращения конфликтов, в налаживании контактов между «мозговыми центрами» региона для усовершенствования аналитических навыков и разработки механизмов сотрудничества и в создании для молодежи из стран региона возможностей изучения основ

превентивной дипломатии²⁰. Примечательно, что в последнее время приглашенные Центром эксперты из стран региона для обсуждения общих проблем региональной безопасности заговорили о необходимости применения «мягкой силы» в этом направлении²¹.

В ЦА одной из сложнейших конфликтогенных проблем является незавершенность и несовершенство нынешнего территориального устройства. Существующие линии прохождения границ являются источником многочисленных межгосударственных противоречий, оказывая негативное влияние на политическую стабильность в регионе и на перспективу не только его интеграции, но и евразийской интеграции в целом. Остро данный вопрос стоит между «тройкой» – Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном. Часто в приграничных районах происходят стычки местных жителей и вооруженных сил, доходило дело и до грани полномасштабного конфликта, когда в 2016 г. Кыргызстан, обвинив Узбекистан во вторжении на его территорию, обратился в ОДКБ за помощью в решении сложившейся ситуации²².

В предотвращении такого рода конфликтов эффективность инструментов публичной дипломатии продемонстрировал опыт местных властей в таджикско-киргизских приграничных районах, где признаки напряженности тоже часто наблюдаются. В решении противоречий и поиске ответов на острые вопросы взаимоотношений в этих районах местные власти начали активно прибегать к авторитету и опыту *аксакалов* – уважаемых в местных общинах людей, организовывали культурные мероприятия. Обе стороны затем признали эффективность таких инициатив публично-дипломатического характера в поддержании стабильности в напряженных приграничных зонах²³. Эксперты уверены, что именно народную дипломатию следует «рассматривать как один из основных инструментов улаживания конфликтов, до окончания процесса делимитации и демаркации границ»²⁴.

Ресурсы публичной дипломатии целесообразно привлекать и к решению проблем водного сотрудничества, хотя стоит признать их ограниченность возможности из-за высокой степени политизации водного вопроса и его важности в системе приоритетов политики стран региона. Однако проведение регулярных встреч профильных экспертов со всего региона, представителей гражданского общества и НПО могло способствовать лучшему взаимопониманию, конструктивному диалогу и нивелированию опасений по поводу возможного применения водных ресурсов в качестве *гидрополитического оружия*. В решении водно-энергетических вопросов можно использовать площадку существующих региональных институтов. Определенными возможностями обладают в этой сфере СНГ и ШОС²⁵. Некоторые исследователи

отмечают, что отдельными странами региона ресурсы «мягкой силы» уже используются, и не только для создания своего образа как ответственного защитника окружающей среды, но и для решения существующих противоречий с соседями по водному вопросу²⁶.

На фоне усиления угроз религиозного экстремизма и терроризма в ЦА публичная дипломатия может стать одним из важных компонентов антитеррористической стратегии государств региона. Ее инструменты должны применяться не только в самом регионе, но и за его пределами, особенно в России, где работает и проживает большое количество выходцев из региона. Для многих молодых мигрантов Россия становится транзитным пунктом на пути к радикальным группировкам на Ближнем Востоке. Публичная дипломатия государств ЦА в лице своих диаспор, деятелей религии и культуры должна активно работать с молодыми мигрантами – выходцами из своих государств, способствовать их адаптации в новой социокультурной среде в качестве превентивной меры против формирования маргинальных кругов, представляющих собой благодатную почву для распространения экстремистских нарративов.

В контексте угроз безопасности Центрально-Азиатского региона и методов борьбы с ними необходимо учитывать обстановку в соседнем Афганистане. Многие вызовы и угрозы исходят именно от деструктивных сил в этой стране, и для нейтрализации их влияния ресурсы публичной дипломатии могут оказаться крайне востребованными. По словам Ю. Лалетина, мнения старейшин, позиции лидеров племен в истории Афганистана всегда играли наиболее значимую роль для решения любых задач и проблем, и «народную дипломатию» в контексте этой страны можно назвать дипломатией старейшин и религиозных лидеров²⁷. Их авторитет в обществе, разнообразие опыта были бы крайне полезны для решения многих практических задач, если бы их допускали к участию на регулярной основе в работе правительства и МИД²⁸. Действительно, в Афганистане в местах регулярного сбора людей (мечети, такияханы и другие святые места) можно использовать влияние религиозных деятелей, их традиционные обращения к прихожанам, выступления представителей власти для донесения до людей всей пагубности радикальной религиозной идеологии. Однако такой возможностью часто пользуются представители экстремистских группировок.

Практика использования религиозных институтов и деятелей в борьбе против радикальной идеологии существует и в постсоветской ЦА, однако она нуждается в организованном характере, привлечении религиозных авторитетов из других стран и организации встреч местных духовных лидеров с представителями их общин, которые в большом количестве проживают

в других странах. Необходимость поддержания духовных связей как превентивная мера против распространения религиозного экстремизма среди мигрантов из Центральной Азии в других странах, в частности в России, показывают международные исследования²⁹. Здесь возникает необходимость налаживания сотрудничества по линии как государственных ведомств, так и общественных организаций, институтов гражданского общества.

На основе анализа потенциала публичной дипломатии в урегулировании конфликтов в Центральной Азии можно сделать следующие общие выводы.

1. Несмотря на недостаточное научное внимание к публичной дипломатии как фактору, смягчающему остроту конфликтного взаимодействия, напряженности в отношениях между странами, в прикладной плоскости этот институт обладает возможностями не только для укрепления «мягкой силы» государств, но и для улаживания конфликтов, установления конструктивного диалога и формирования доверительных взаимоотношений.

2. Применительно к урегулированию конфликтов публичную дипломатию следует рассматривать во многом вне рамок канонического понимания, так как она становится инструментом достижения некой общей цели несколькими государствами. В таком случае субъекты публичной дипломатии должны фокусировать свои действия в большей степени на кооперации, нежели на соперничестве, как это обычно бывает при осуществлении классического варианта публичной дипломатии.

3. Наличие немалого числа острых конфликтогенных вопросов между странами Центральной Азии во многом является результатом отсутствия у них систематических контактов на уровне гражданского общества, специалистов и экспертов. По мере развития демократических институтов и формирования регулярных форматов общения, в том числе на площадке международных институтов, возможно возникновение неких региональных *эпистемических сообществ* – интернациональных групп профессионалов, работающих над достижением определенной цели вне зависимости от своего гражданства или национальной принадлежности.

4. При решении практически всех конфликтогенных вопросов в Центрально-Азиатском регионе целесообразно использовать публичную дипломатию, но ее эффективность будет определяться в зависимости от приоритетов различных государств и готовности идти на компромисс. Если в такой политизированной сфере, как водная проблема, возможности публичной дипломатии ограничены, то при выработке комплексной стратегии решения приграничных споров, в преодолении пресловутых

«дуализмов», в борьбе с экспансией радикальных идеологий публичная дипломатия в Центрально-Азиатском регионе обладает большим потенциалом, который пока остается невостребованным.

5. Примеры успешного применения ресурсов публичной/народной дипломатии для решения конфликтных ситуаций в Центральной Азии свидетельствуют о расширении области их прикладного использования. Одновременно, поднятая в рамках настоящей работы проблематика способствует углублению профильного теоретического дискурса, открывая новые горизонты в осмыслении дополнительных направлений развития публичной дипломатии в условиях современной мировой политики.

Исследование выполнено при финансовой поддержке МГИМО МИД России (проект КМУ VI МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов наук).

Примечание

- ¹ Боршшполец К. Публичная дипломатия СНГ : вклад в преодоление конфликтов на постсоветском пространстве : тезисы доклада на XI Конвенте РАМИ (28–29 сентября 2017 г.). Секция : «Публичная дипломатия в условиях конфликтов и кризисов». URL: <http://www.risa.ru/ru/sections/390-4-2> (дата обращения: 26.03.2018).
- ² См.: *Semetko H. A.* Media and public diplomacy in times of war and crisis // *American Behavioral Scientist*. 2009. Vol. 52, № 5. P. 639–642.
- ³ См.: *Лебедева М. М.* Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // *Международные процессы*. 2015. Т. 13, № 4 (43). С. 45–56.
- ⁴ См.: *Cowan G., Arsenault A.* Moving from monologue to dialogue to collaboration : The three layers of public diplomacy // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616, № 1. P. 10–30.
- ⁵ См.: *Cull N. J.* «Public Diplomacy» before Gullion : The Evolution of a Phrase. April 2006. URL: <http://uscpublicdiplomacy.org/blog/public-diplomacy-gullion-evolution-phrase> (дата обращения: 26.03.2018).
- ⁶ См.: *Seib P.* Public Diplomacy and Counterterrorism // *HuffPost*. URL: http://www.huffingtonpost.com/philip-seib/public-diplomacy-and-cout_b_719242.html (дата обращения: 26.03.2018).
- ⁷ См.: *Долинский А.* Дискурс о публичной дипломатии // *Международные процессы*. 2011. Т. 9, № 25. С. 63–73.
- ⁸ См.: *Leonard M., Stead C., Smewing C.* Public Diplomacy. L. : The Foreign Policy Centre, 2002. P. 10–11.
- ⁹ См.: *Толипов Ф.* Центральная Азия : теория дезинтеграции // Региональная аналитическая сеть Центральной Азии. 26.01.2017. URL: <http://caa-network.org/archives/8291> (дата обращения: 26.03.2018).
- ¹⁰ См.: *Rosset D., Svarin D.* The Constraints of the Past and the Failure of Central Asian Regionalism, 1991–2004 // *Region*. 2014. Vol. 3, № 2. P. 245–266.
- ¹¹ См.: От Туркестана к Центральной Азии : политическое будущее региона / отв. ред. А. А. Кривопапов. М. : Научный эксперт, 2016. С. 80–81.
- ¹² См.: *Толипов Ф.* Как воссоздать Центральноазиатский Союз? // Региональная аналитическая сеть Центральной Азии. Октябрь, 2017. URL: <http://caa-network.org/archives/10438> (дата обращения: 26.03.2018).
- ¹³ См.: Пять государств и/или один регион? Национально-региональный дуализм в Центральной Азии. Алматы : Фонд им. Ф. Эберта, 2015.
- ¹⁴ *Великая А.* Публичная дипломатия как инструмент международного диалога // *Международная жизнь*. 2016. № 2. С. 155.
- ¹⁵ См.: *Бахриев Б. Х.* Публичная дипломатия в современном исследовательском дискурсе // *Вестн. ТГУПБП. Серия общественных наук*. 2017. № 1 (70). С. 131–147.
- ¹⁶ См.: *Файзуллаев А.* Публичная дипломатия на службе национальных интересов // *Газета.uz*. 5 августа 2017. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2017/08/05/public-diplomacy/> (дата обращения: 26.03.2018).
- ¹⁷ См.: *Бахриев Б. Х.* Публичная дипломатия государств Центральной Азии // *Публичная дипломатия : Теория и практика* / под ред. М. М. Лебедевой. М. : Аспект Пресс, 2017. С. 177–193.
- ¹⁸ См.: *Собирова К. Д.* Роль международных организаций в восстановлении мира и стабильности в Республике Таджикистана // *Вестн. Таджик. пед. ун-та*. 2014. № 1–2 (56). С. 46–52.
- ¹⁹ См.: *Душанбеева М.* Глава фонда Ага-Хана в РТ : Ежегодно в страну вкладываем 70 млн долл. // Портал «Россия для всех». Октябрь 2015. URL: <http://tjk.rus4all.ru/interview/20151012/726211718.html> (дата обращения: 26.03.2018).
- ²⁰ См.: *Николаев С. А.* Превентивная дипломатия для Центральной Азии // *Международная жизнь*. 2009. № 2–3. С. 96–107.
- ²¹ См.: *The Impact of External Factors on Security and Development in Central Asia / UNRCCA*. Bishkek, 2016.
- ²² См.: Кыргызстан обратился к ОДКБ за помощью в разрешении приграничного спора с Узбекистаном // ИА Фергана. 22.03.2016. URL: <http://www.fergananews.com/news/24567> (дата обращения: 26.03.2018).
- ²³ См.: Таджикиско-киргизские переговоры : от стабильности на границах до экономического сотрудничества / пер. с таджик. Радиои Озоди. 24 ноября 2016. URL: <https://www.ozodi.org/a/tajik-and-kyrgys-border-tensions-decreased-in-recent-years/28136570.html> (дата обращения: 26.03.2018).
- ²⁴ Таджикиский политолог : народная дипломатия решит приграничные конфликты // *Спутник*. 04.08.2015. URL: <https://ru.sputnik.kg/opinion/20150804/1017164924.html> (дата обращения: 26.03.2018).
- ²⁵ См.: *Боршшполец К. П.* Водно-энергетические проблемы Центральной Азии и сравнительные возможности ЕврАзЭС и ШОС в деле их решения // *Вестн. МГИМО-Университета*. 2011. № 2. С. 31–37.
- ²⁶ См.: *Menga F., Mirumachi N.* Fostering Tajik hydraulic

development : Examining the role of soft power in the case of the Rogun Dam // *Water Alternatives*. 2016. Vol. 9, № 2. P. 373–388.

²⁷ См.: Лалетин Ю. П. Политическая система Афганистана : воздействие племенной организации // *Восток*. 2008. № 2. С. 137–149.

²⁸ См.: Шах М. Потенциал «народной дипломатии» и

значение ее применения в Афганистане // Афганистан. Ру. 03.05.2009. URL: <http://afghanistan.ru/doc/14632.html> (дата обращения: 26.03.2018).

²⁹ См.: Central Asian involvement in the conflict in Syria and Iraq : drivers and responses // USAID. May 4, 2015. URL: http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PBAAE879.pdf (дата обращения: 26.03.2018).

Образец для цитирования:

Бахриев Б. Х. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов: возможности для Центральной Азии // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 189–194. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-189-194.

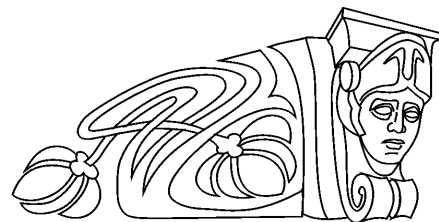
Cite this article as:

Bahriev B. Kh. Public Diplomacy in Conflict Resolution: Solutions for Central Asia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 189–194 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-189-194.

УДК 338

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ЛОЯЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН ИДЕЕ ПАРТИЙНОСТИ ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Н. И. Шестов

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikshestov@mail.ru

В статье предложено объяснение феномена устойчивой лояльности современного российского электората либеральной идее многопартийности. Лояльность выражается в согласии граждан с ведущей ролью партий во всех электоральных кампаниях в постсоветское время. При том, что большинство современных российских партий не соответствует тем требованиям организации и функциональности, которые вытекают из теории либерально-демократической политики, а также из зарубежного практического опыта политического участия партий. Объяснение строится в русле анализа стереотипных прагматических мотиваций, которыми сегодня руководствуется массовое сознание российских граждан в определении своего отношения к присутствию партий в демократическом политическом процессе. Объяснение учитывает также влияние отечественной науки и публицистики, рациональных и эмоциональных аргументов, формулируемых ими, на поддержание в массовом сознании отечественного электората этих мифологических установок на лояльность к политическим партиям.

Ключевые слова: политическая мифология, политические партии, электоральная культура.

Mythological Basis of Loyalty of Russian Citizens to the Idea of Party-based System of Liberal-Democratic Policy

N. I. Shestov

Nikolay I. Shestov, ORCID 0000-0003-2220-7582, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, nikshestov@mail.ru

The article suggests an explanation of the phenomenon of stable loyalty of modern Russian electorate to the liberal idea of a multi-party system. Loyalty is in the consent of citizens with the leading role of parties in all electoral campaigns in the post-Soviet period. While most modern Russian parties do not meet the requirements of organization and functionality that follows from the theory of liberal-democratic politics, as well as from foreign experience of political involvement of parties. The explanation is based on the analysis of stereotyped pragmatic motivations, which guide the mass consciousness of Russian citizens in determining their attitude to the presence of parties in a democratic political process. The explanation also takes into account the influence of domestic science and journalism, rational and emotional arguments formulated by them, on maintaining in the mass consciousness of Russian electorate these mythological attitudes of loyalty to political parties.

Key words: political mythology, political parties, electoral culture.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-195-199

Либеральная политическая теория, на предписания которой в течение всего постсоветского времени был ориентирован отечественный политический процесс, отводит политическим партиям место главных, наряду с политическими лидерами, субъектов избирательного процесса. На партии либеральная теория возлагает функцию насыщения политики, включая электоральные процедуры, идеологическим контентом. Чтобы этот контент был максимально разнообразным и граждане могли быть максимально свободными в выборе своих идеологических пристрастий, партий должно быть много и они должны быть активными в идеологическом творчестве. Партии в идеале должны организовывать и сплачивать различные группы электората вокруг тех политических идей и ценностей, которые они олицетворяют своим идеологическим творчеством и практической деятельностью. Теория в этом смысле предъявляет достаточно жесткие требования к функциональности политической партии в условиях современного демократического процесса¹.

Таким представлением о месте «настоящей партии» в «настоящей демократической политике» в 90-е гг. прошедшего века вдохновлялись борцы с «политической монополией КПСС». В русле этих теоретических установок в течение всего постсоветского времени выстраивалось российское законодательство о партиях и о выборах. Законодатель от одного электорального цикла к другому заботливо создавал условия для того, чтобы именно политические партии и их лидеры фигурировали на авансцене российской политики и зримо олицетворяли собой ускоренный прогресс российской либеральной демократии².

Вопреки указаниям теории и благоприятному для развития правовому климату российские политические партии, даже самые крупные, не стали воплощением идеалов либеральной демократии, а тем более ее быстрого прогресса. Теоретической и практической проблемой остается их «массовость». Не столько с точки зрения числа их членов (в условиях либеральной политики формальная численность рядов является важным ресурсом функциональности партии, но далеко не решающим), сколько с точки зрения их способности сформировать и устойчиво контролировать именно «свой электорат».

Процент граждан на выборах регионального и федерального уровней, голосующих за крупные

российские партии правой, левой и центристской ориентации, в ходе последних электоральных циклов вполне сопоставим с показателями активности зарубежного электората. Исследования социологов позволяют представить, сколько среди российских граждан, отдавших голоса за ту или иную партию, людей старых и молодых, мужчин и женщин, людей с образованием и без, сельских и городских жителей³.

Открытым для отечественных специалистов остается вопрос о том, что и как формирует эту электоральную группу, и именно в такой конфигурации в момент избирательной процедуры связывает ее с конкретной партией, создает эффект массовой поддержки гражданами этой партии: устойчивые политические и неполитические интересы, а также идейные и ценностные предпочтения данной группы граждан, или же только разнообразные технологии административного и информационного воздействия на электорат, применяемые в ходе избирательных компаний? Специалисты в высказываниях на этот счет предпочитают ограничиваться предположениями относительно происхождения, а также самыми общими оценками сущности «массового» характера поддержки российским электоратом политических партий⁴.

Не стали российские партии и генераторами новых идеологических проектов политического развития общества и государства, вокруг которых этот электорат мог бы сплотиться⁵. Это касается даже тех партий, которые изначально создавались с претензиями на идеологическую альтернативу действующим, как это произошло со «Справедливой Россией»⁶. В электоральных кампаниях сплочение электората происходит вокруг фигур известных партийных лидеров сильнее и результативнее, чем вокруг партийных программ⁷. А идеологическое проектирование будущего находит себе замену в лояльных или нелояльных высказываниях этих партийных лидеров в период избирательных кампаний в адрес действующих институтов государственной власти.

В результате российский партийный спектр формируют не столько различия в программных требованиях конкретных партий, сколько заявления партийных лидеров о принадлежности «их партий» к так называемой «системной», либо «не системной» оппозиции, либо к «власти»⁸. Иначе говоря, весь постсоветский период идеотворческие характеристики российских политических партий выглядели и сегодня продолжают выглядеть своеобразно. Настолько порой своеобразно, что законно возникает вопрос: а есть ли на самом деле за спиной того или иного партийного вождя тот реальный потенциал изменения российской демократической политики в лучшую сторону, о котором этот партийный вождь говорит и который адекватен его властным амбициям?

Природа такого функционального своеобразия российской партийной системы заслуживает

отдельного обсуждения. В данном случае теоретический и практически-политический интерес представляет другой вопрос: почему, несмотря на все свои несоответствия «мировым стандартам либеральной демократии» и в плане организационно-политической работы, и в плане идеотворчества, российская партийная система относительно устойчиво функционирует вот уже три десятилетия? Она в целом успешно пережила несколько электоральных циклов и несколько циклов правовой оптимизации. И сегодня, как и в предшествующее время, не вызывает у большей части российского электората ярко выраженного неприятия⁹.

Возможно, что причину устойчивой политической субъектности российских партий и устойчивого внимания к ним некоторой части российского электората имеет смысл искать не в самих по себе достижениях этих партий на ниве электоральной политики. Таковые достижения, безусловно, есть. Они вместе с тем есть скорее следствие, чем причина устойчивости современной российской многопартийной системы. Причина, вероятно, заключается в том, что постсоветский электорат лоялен самой идее партийности демократической политики, не видит эту политику без участия в ней партий как таковых.

Лояльность эта имеет, в сущности, мифологическую природу. Речь не идет, конечно, о том, что нынешний избиратель, как и избиратель полвека тому назад, продолжает быть приверженным стереотипу «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи!». Форма и структура стереотипного восприятия политической партии другая. Различия уже в том, что советский миф побуждал массовое сознание советских людей увязывать свои надежды на прогресс советской демократии и собственное светлое будущее с одной единственной политической партией, тогда как современный миф – это «миф многопартийности».

Политическую функцию этот новый, постсоветский миф выполняет ту же, что и его предшественник – обеспечивает лояльное в целом отношение как активной, так и пассивной (абсентеистски настроенной) частей гражданского общества к установленным политической элитой и закрепленным в законах правилам коммуникации между нею и обществом. В этом смысле можно, вероятно, говорить об определенной преемственности в развитии мифологических основ политической культуры российского электората от советского к постсоветскому времени. С той, однако, оговоркой, что имеет место именно развитие. То есть новому качеству постсоветского политического процесса соответствует и новое качество (новая форма и новое содержание) социального мифа о партийности демократической политики. Новая мифологема, пришедшая на смену советской, может быть сформулирована так: российские партии, конечно, во многих отношениях плохи, но российская политика без

них будет только хуже, она не будет современна, а потому у нее не будет и перспективы стать лучше.

За постсоветское время политические партии стали для большинства российских граждан (как политически активных, так и пассивных) естественным атрибутом политической повседневности. Можно сказать, они стали непременным элементом общего дизайна российской политической системы и российской политической культуры, без которого демократическая эстетика последней не выглядела бы «цивилизованной» и соответствующей «общечеловеческим ценностям».

Политико-мифологическая мотивация такого отношения российского общества к политическим партиям и их политическому участию имеет два основных источника. Соответственно, можно говорить о ее существовании в двух измерениях. Оба измерения, в совокупности, вполне удовлетворяют потребности сознания как активного меньшинства, так и пассивного (от выборов до выборов) большинства российских граждан в понятных им аргументах в пользу существования российской многопартийности.

Одно такое измерение формируют отечественная наука и отечественные масс-медиа. Они являются основным источником для формирования и поддержания устойчивости «мифа многопартийности» в сознании той части российского электората, которая в силу образованности и активности жизненной позиции наиболее приобщена к современному политическому знанию в его научном и публицистическом форматах.

Наука приводит политически образованному потенциальному избирателю не слишком разнообразный, заметим, набор аргументов в пользу того, что демократия без партий сегодня – не совсем демократия, а в будущем – совсем не демократия. Обычно роль аргументов (заметим, очень убедительных для образованного человека, признающего роль авторитета в науке) выполняют высказывания классиков мировой и отечественной политической и вообще научной мысли, высказывания известных политиков. Это выглядит как более-менее стандартная подборка высказываний классиков о партиях, об их высоком предназначении в «настоящей» демократической политике, о той пользе, которую они приносят правам и свободам рядового гражданина и общества в целом. Мысли классиков специалисты по российским политическим партиям дополняют обычно своими рассуждениями в том духе, что наши партии не во всем удовлетворяют требованиям «классики». Но что в то же время нет в российской политике и ничего такого непреодолимого, кроме, пожалуй, специфического образа мыслей отечественных партийных функционеров и не менее специфического поведения граждан-абсентеистов, что мешало бы российским партиям реально соответствовать их демо-

кратическому предназначению и способствовать прогрессу демократии в нашей стране¹⁰.

Такой способ формирования мыслительного стереотипа при помощи научного знания хорошо показал себя в мифотворческих практиках советского времени, а потому от него, как способа обеспечения лояльных электоральных настроений, сегодня не отказываются ни общество, ни политические элиты.

Публицисты же эмоционально «дожимают» сознание той части российских избирателей, которые полагают, что в политике разбираются достаточно и без указаний науки. Работниками СМИ публицистическая критика реалий российской многопартийности и деятельности отдельных партий, особенно в период избирательных кампаний, строится обычно так, что партии назначаются ответственными за все, что есть хорошего и плохого в российской политике. Они есть тот инструмент политики, который или содействует реализации инициатив исполнительной власти («партии власти»), или содействует не в той мере, в какой это необходимо («системная оппозиция»), или просто мешает («несистемная оппозиция»). Публицистика апеллирует ко вполне рациональной гражданской логике: политика дело ответственное, а, значит, в ней за все должны быть конкретные ответственные. Партии в силу связи их места и роли в политике с массовым волеизъявлением граждан выглядят для рядового российского гражданина наиболее естественным претендентом на роль «ответственного за демократическую политику»: от них, действительно, многое зависит в функционировании законодательной власти и есть максимально доступный контролю граждан механизм контроля за ответственностью и смены ответственных лиц и партий – выборы. Партии с точки зрения «мифа многопартийности» хорошие или плохие, но необходимы демократической политике в той мере, в какой этой политике нужна ответственность.

К представлению о партиях как «ответственных за демократическую политику» отзывчиво и сознание тех граждан, которые уверены в своей способности разбираться в политике настолько, что искренне уверены: в политике все и обо всем врут! Это, по сути, проявление крайнего абсентеизма, распространенного в современном российском электорате. Подозрения гражданина, что его в его политическом участии кто-то намеренно обманывает, публицистика (возможно, даже вопреки воле отдельных ее представителей) обращает на пользу «мифу многопартийности» и делу лояльного отношения гражданина к участию партий в российской демократической политике. Она направляет мысль гражданина в сторону вывода: хочешь понять, кто, где и как тебя «обманывает», следи за «ответственными за все», за партиями, за действиями и высказываниями партийных лидеров, за их коммуникациями с институтами государственной власти. Публи-

цистика представляет потенциальному российскому избирателю активность отечественных партий как своего рода «замочную скважину». Через нее у избирателя есть возможность (по большей части, конечно, иллюзорная) хоть немного подсмотреть, что и как «на самом деле» происходит в демократической политике.

Так усилиями науки и публицистики в массовом сознании электората формируется мифологическая установка на то, чтобы оно отождествляло факт существования партий, как «хороших», так и «плохих», с «настоящей», «ответственной» и «способной к изменениям в лучшую сторону» демократией, а также и «настоящей» возможностью гражданина разобраться в хитросплетениях демократической политики. Партия, по логике этой установки массового сознания, необходима российской политике как универсальный инструмент получения гражданами более-менее достоверного знания о ней.

Для тех граждан, активность которых проявляется не вполне осознанно, отчасти инстинктивно (в силу приверженности общественным традициям) и преимущественно лишь в период избирательных кампаний, либо не проявляется вовсе, существует другой источник устойчивой приверженности мифу о связи между демократическим процессом в России и обязательным присутствием политических партий в этом процессе. Источником служит естественное человеческое чувство самосохранения.

Отзывчивость массового сознания к мифу создает потребность для большого числа граждан, рядовых и занятых далекими от политики делами, в ощущении, что окружающий мир политики не станет внезапно «другим», непонятным и непредсказуемым. Так, как это произошло в России в последнее десятилетие прошлого века, когда на смену советской демократии с ее принципами и институтами пришла демократия либеральная, на смену однопартийности, к которой советское общество за семь десятилетий как-то приспособилось, пришла многопартийность, приспособившись к которой было непонятно как. Что внезапно мир политики не станет для граждан (особенно среднего и старшего возраста) таким, в котором им придется начинать всю свою политическую, экономическую, культурную и правовую социализацию фактически «с нуля». Придется бороться за «место под солнцем» по малопонятным, непривычным правилам и с непредсказуемым итоговым результатом. Это коллективный мировоззренческий опыт постсоветского российского социума, который делает сегодня его сознание восприимчивым к мифу «стабильности»¹¹.

Сегодня российские партии, как бы к ним ни относилось большинство «временно активного» электората, символизируют эту «стабильность». Они самим фактом своей многочисленности маркируют либерально-демократический вектор

движения отечественной политической системы вперед, к которому общество по большей части уже адаптировалось за три минувших десятилетия. И, что более важно, своим существованием укрепляют даже совсем далекого от политики гражданина в чувстве относительной безопасности: пока в России есть какие-никакие, а политические партии, до той поры есть и некоторые институциональные гарантии, что политический процесс в стране будет развиваться в том русле, к которому значительная часть рядовых граждан как-никак, а приспособилась, и по правилам, смысл которых стал более-менее понятен за годы либеральных реформ.

Функционирование российских политических партий, каким бы специфическим оно ни выглядело в свете показаний либеральной теории и зарубежной либерально-демократической практики, в настоящий момент вполне удовлетворяет некоторые важные потребности сознания и практик активных и пассивных граждан. Прежде всего, потребность в ответе на принципиальный и естественный для любого современного общества вопрос о том, куда идет Россия и не пойдет ли она обратно. То, что с точки зрения либеральной теории и мирового демократического опыта выглядит очевидным недостатком российских политических партий, с точки зрения социально-политической мифологии выглядит их столь же очевидным достоинством. Самим фактом существования они укрепляют электорат в уверенности, что современную политику он может понять и может на нее повлиять в собственных интересах, даже если это только интересы безопасности.

Возможно, эту мифологическую установку массового сознания имеет смысл учитывать в политической аналитике, в частности, при составлении электоральных прогнозов. Учитывать мотивы, по которым российский избиратель от одного электорального цикла к другому по-разному благоволит разным партиям, но никогда своим волеизъявлением не ставит под сомнение саму по себе множественность партий. Что, возможно, еще более важно для методологии электоральных прогнозов, мотивы, по которым он не требует от российских политических партий становиться другими, больше соответствовать «мировым стандартам» либеральной теории и либерально-демократической политики.

Примечания

- 1 См.: Заславский С. Е., Зотова З. М. Правовые основы участия политических партий в выборах. М.: РЦИОИТ, 2006; Провоторов Р. А. Политические партии как субъект избирательного процесса: Российский и зарубежный опыт // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2017. № 2 (36). С. 196–200.
- 2 См.: Кынев А. Иллюзия выбора. Система политических партий в России и избирательные права граждан. Текст доклада на международной конференции «Российские

- выборы в контексте международных избирательных стандартов». Москва, 12.10.2005. URL: <http://www.democracy.ru/article.php?id=993> (дата обращения: 12.11.2017).
- ³ См.: Портрет избирателя глазами партий и экспертов. 25.11.2011. URL: <https://ria.ru/analytics/20111125/497662581.html> (дата обращения: 15.11.2017); Парфенов А. «Потому что Путин пользуется симпатиями женщин»: Как партии видят своего избирателя и каков он на самом деле. 16.08.2016. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/08/16/ladieslikes/> (дата обращения: 15.11.2017); Лебедева С. О., Ляпина И. Ю., Соколов Р. В. Особенности электората ведущих политических партий современной России (по итогам социологического исследования в г. Волжском Волгоградской области // Науч. ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. 2016. Т. 37, № 1 (222). С. 157–161.
- ⁴ См.: Давыборец Е. Н. Электоральная культура в России: становление, развитие, особенности // Вестн. ЗабГУ. 2015. № 5 (120). С. 56–65; Борисов Н. А. Электорат политических партий России // Новое знание. 26.05.2016. URL: <http://newknowledge.ru/articles/elektorat-politicheskikh-partiy-rossii/> (дата обращения: 05.02.2018); Милаева О. В., Сиушкин А. Е., Андросова Л. А. Модель «электорального бессилия»: к вопросу об абсентеистском поведении россиян на выборах // Политика и общество. 2017. № 7. С. 28–41.
- ⁵ См.: Лукьян К. Избирательным избирателям: обзор политических партий. 13.09.2016. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2798492> (дата обращения: 12.11.2017).
- ⁶ См.: Вилков А. А., Николаева А. А. Российский менталитет и перспективы социал-демократии и левоцентризма в современной России. Саратов: Саратовский источник, 2009.
- ⁷ См.: Результаты социологического исследования «Политические предпочтения избирателей Самарской области». Самара. 2005 / Центр гуманитарных технологий и исследований «Социальная Механика». URL: http://www.socmech.ru/files/library/reports/geps/2005_political_preferences.pdf (дата обращения: 20.11.2017); Семенов Д., Аляпушкина А. Влияние предвыборной кампании на отношения избирателей к политическим лидерам. 31.05.2010. URL: <http://www.ci-journal.ru/article/545/vliyanie-predvybornoi-kampanii> (дата обращения: 20.11.2017).
- ⁸ См.: Вилков А. А. Эволюция российской многопартийности после выборов 2016 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 62–69. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-62-69.
- ⁹ См.: Россияне рассказали о своем отношении к основным политическим партиям. 04.06.2016. URL: <http://www.interfax.ru/russia/515166> (дата обращения: 15.11.2017).
- ¹⁰ См.: Сморгунев Л. В. Сравнительная политология. СПб., 2012. 448 с. Гл. 15. Современные политические партии. URL: <http://www.alleng.ru/d/polit/pol100.htm> (дата обращения: 20.11.2017); Демократия и управление: Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии (СП-РАПН) № 2 (14). СПб., 2012. 72 с. URL: http://sr-rapn.ru/system/files/dg_2012_2.pdf (дата обращения: 20.11.2017); Паунежеева Г. Х. Институционализация политических партий современной России и мировой опыт партийного строительства // Государственное и муниципальное управление. Учен. зап. СКАГС. 2014. № 4. С. 234–238.
- ¹¹ См.: Петухов В. В. Демократизация российского общества: возможна ли вторая попытка? // Полис. 2017. № 5. С. 8–23; Каминский В. С. Трансформация общественно-политических воззрений в контексте электорального поведения населения // Проблемы развития территории. 2017. № 1 (87). С. 130–144.

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. Мифологическое основание лояльности российских граждан идее партийности либерально-демократической политики // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 195–199. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-195-199.

Cite this article as:

Shestov N. I. Mythological Basis of Loyalty of Russian Citizens to the Idea of Party-based System of Liberal-Democratic Policy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 195–199 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-195-199.

УДК 329.059470+571

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОДП «ЯБЛОКО» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В. И. Головченко

Головченко Владимир Иванович, доктор политических наук, профессор кафедры теории государства и права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, golovchenkoav@mail.ru

В статье речь идет о значении идеологического фактора в деятельности РОДП «ЯБЛОКО» в рамках ее позиционирования в либеральном сегменте партийной системы в постсоветской России, в определении формата и статуса партии, в обосновании стратегии и тактики в отношении действующей власти, основных направлений внутренней и внешней политики. Сделан вывод о том, что основной целью предвыборной кампании Г. А. Явлинского является накопление политического капитала партии для укрепления позиций на последующих парламентских выборах.

Ключевые слова: идеологический фактор, РОДП «ЯБЛОКО», участие в выборах, функциональность политической идеологии.

Ideological Factor in the Activity of the Russian United Democratic Party "YABLOKO" in Contemporary Russia

V. I. Golovchenko

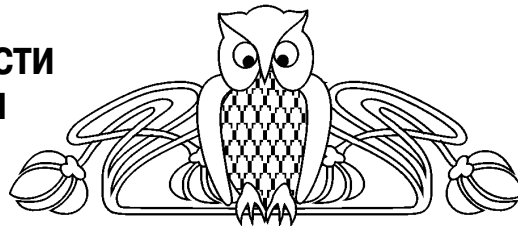
Vladimir I. Golovchenko, ORCID 0000-0001-8856-1723, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, golovchenkosgu@mail.ru

The article deals with the issue of the role of ideological factor in the activity of the Russian United Democratic Party "YABLOKO" as a part of its positioning in the liberal segment of the party system in post-Soviet Russia, definition of the format and status of the party, substantiation of strategy and tactics regarding the current government, and main directions of domestic and foreign policy. We came to the conclusion that the main goal of G. A. Yavlinsky's election campaign is to accumulate the political capital of the party to strengthen its positions in the subsequent parliamentary elections.

Keywords: ideological factor, Russian United Democratic Party "YABLOKO", participation in elections, functionality of political ideology.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-200-204

РОДП «ЯБЛОКО» представляет собой не только одну из старейших партий постсоветской России, но и ту политическую силу, которая последовательно пытается отстаивать собственный вариант модели либерализма для развития страны. На фоне калейдоскопической пестроты непрекращающихся изменений в процессе эволюции отечественной партийной системы, в постоянно меняющейся картине фрагментации на либеральном фланге РОДП «ЯБЛОКО» представляет собой один из самых стабильных и системообразующих элементов этого сегмента (изменения в названии и ее официальном статусе

общественного движения, избирательного блока или партии в данном случае не играют какой либо серьезной роли).

Претензии на идеологическую нишу «социального либерализма» лидер РОДП «ЯБЛОКО» Г. А. Явлинский отстаивал на протяжении всей истории существования партии, в том числе обосновывая свою критику других либеральных партий¹. Использование идеологической мотивации в деятельности партии преследовало несколько целей. С ее помощью Г. А. Явлинский пытался решить две ключевые проблемы. Прежде всего, это была задача отграничения с помощью идеологических маркеров позиции «ЯБЛОКА» от других партий и общественно-политических движений либеральной ориентации, которых в 1990-е гг. в отечественной партийной системе было достаточно много². Данная задача стала особенно актуальной после радикальных социально-экономических преобразований, проведенных в первой половине 1990-х гг. под либеральными лозунгами. Они привели к существенному падению уровня жизни большинства населения страны и объективно вызвали отторжение идей либерализма у российских граждан. Для того чтобы преодолеть данное отторжение, лидеры «ЯБЛОКА» акцент делали на том, что радикал-реформаторы своей политикой дискредитировали либеральные ценности, загнав реформы на рельсы гиперинфляции³. Своими «квазиреформами»⁴ они реализовали тот радикальный вариант либерализма, который не соответствовал ни мировой практике конца XX столетия, ни конкретно-историческим особенностям постсоветской России. Главным недостатком данного варианта было игнорирование социальной составляющей либеральной модели политического и социально-экономического развития. Тем самым Г. А. Явлинский выступал против доминирующей в среде российских либералов того периода позиции о том, что либеральные преобразования не дали полноценной положительной отдачи по причине жесткого сопротивления не только бывшей партийно-хозяйственной номенклатуры⁵, но и большинства населения, склонного к патерналистской политической культуре. Как утверждал в тот период немецкий политолог Г. Рормозер, «независимых индивидов, которые вместе с остальными членами общества сознают, чего хотят они лично и что выгодно всему обществу, нет в нынешней России, так что теоретические положения либерализма не помогут

преодолеть реальный исторический кризис (или катастрофу) таких масштабов, как в России»⁶.

Вторая задача идеологической мотивации «ЯБЛОКА» состояла в обосновании «правильного», конструктивного варианта либеральной модели развития России, которую партия последовательно представляла на парламентских и президентских выборах. Накануне выборов в Государственную Думу 1995 г. партия представила программу «Реформы для большинства»⁷, суть которой с идеологической точки зрения лидер «ЯБЛОКА» определял как попытку соединения идей социал-либерализма и социал-демократии европейского типа: «Наша идеологическая модель строится на основе необходимости сочетания в России либерального и социал-демократического подходов. Это особенность России, в которой мы должны быть либералами, чтобы защищать частную собственность, добиваться снижения налогов, максимальных свобод для предпринимателей, масштабного развития частного предпринимательства, потому что без этого невозможно создать «общественный пирог». Но мы не можем забывать, что Россия – это страна, которая не может существовать без бесплатного образования, без качественной бесплатной медицины. Мы не можем забывать, сколько у нас пенсионеров, сколько инвалидов, сколько у нас территорий, которые сегодня ещё не вписываются в либеральный подход... Мы должны делать всё для того, чтобы либеральные основы экономики были как можно глубже, и одновременно решать первоочередные социальные задачи страны»⁸. Подтверждением мирового признания такой идеологической мотивации стал тот факт, что после прохождения в Государственную Думу РФ «ЯБЛОКО» было представлено в Парламентской ассамблее Совета Европы как в либеральной, так и социал-демократической фракциях⁹.

Данная апелляция к идеям социал-демократии и социально ориентированному либерализму стала доминирующим трендом в политической деятельности «ЯБЛОКА». Однако свое понимание ценности социальной справедливости (являющейся одним из важнейших постулатов социал-демократии) Г. А. Явлинский раскрывал следующим образом: «Тезис о социальной справедливости – один из самых опасных тезисов, которые могут существовать. Множество раз доказано, что борьба за социальную справедливость рано или поздно кончается страшными трагедиями. Поэтому для нашей страны правильным был бы тезис не о социальной справедливости, а о социальной приемлемости. Это динамическое положение, которое предполагает, что на разных этапах, в разных условиях общество может соглашаться с теми или иными социальными издержками. Особенно в период реформ. И если вместо того чтобы организовать эффективное хозяйство, мы снова начнём добиваться справедливости, понимая при этом, что её не суще-

ствует, что это абстрактный тезис, мы вновь и вновь будем подталкивать людей к социальным конфликтам»¹⁰. Тем самым лидер «ЯБЛОКА», с одной стороны, признал приоритет ориентации партии на специфическую политическую культуру большинства россиян, основу которой в значительной степени составляют социал-демократические ценности¹¹. С другой стороны, его интерпретация «социальной приемлемости», на наш взгляд, представляет собой фактический отказ от одной из системообразующих ценностей социал-демократической идеологии. Такая эклектика на основе синтезирования противоречащих друг другу идеологических ценностей означала, по сути, фактическую конъюнктурность предвыборных обещаний и была ориентирована на расширение электората партии за счет «реабилитации» либеральной модели развития постсоветской России.

На выборах в Государственную Думу 1999 г. движение «ЯБЛОКА» представило программу «Будущее. Доверие. Безопасность». Партия позиционировала себя как демократическую оппозицию, социально ориентированное движение, как реформаторов, государственников, патриотов, выступающих против радикализма любого толка, как партию граждан, а не начальников, выступающую за реформы для большинства, а не для избранных¹². Анализ этой программы показывает, что социальная составляющая в ней, по сути, мало чем отличалась от программ других партий, принимавших участие в выборах. Например, предвыборные тезисы избирательного блока «Единство» («Медведь») показывают существенную идентичность его социальных обещаний с предложениями «ЯБЛОКА»: сохранение здоровья нации, развитие государственного сектора здравоохранения, поддержка семьи и материнства и др.¹³

Последовательное отстаивание либеральных ценностей привело к тому, что в марте 2002 г. Российская демократическая партия «ЯБЛОКО» стала полноправным членом международного Либерального Интернационала как партия социального либерализма (с 1998 г. она имела там статус наблюдателя, в качестве такового принимала участие в основных мероприятиях).

Тем не менее, на выборах в Государственную Думу партия продемонстрировала преимущественно снижение числа своих сторонников (в 1993 г. за нее проголосовали 7,86% избирателей, в 1995 г. – 6,89%, в 1999 г. – 5,93, в 2003 г. – 4,3%, в 2007 г. – 1,59%, в 2011 г. – 3,43%, в 2016 г. – 1,99%).

Среди причин этой отрицательной динамики, прежде всего, можно выделить отторжение большинством населения России негативных последствий того варианта радикальных реформ, который был проведен в 1990-е гг. под знаком либерализма. Идеологам «ЯБЛОКА» не удалось убедить значительное число российских

избирателей, что их партия выступала за другую модель либерализма, которая могла бы привести к иным результатам преобразований. Большинство граждан, не искушенных в тонкостях идеологических различий радикального и социального варианта либерализма, не поддержали в массе своей все их разновидности. Еще одна причина состоит в высокой межпартийной конкуренции на либеральном фланге и провале всех попыток объединения либеральных политических сил в рамках единой коалиции. Именно Г. А. Явлинского каждый раз обвиняли в том, что его жесткая позиция по вопросам объединения становилась каждый раз одной из главных причин провалов в консолидации либеральных партий¹⁴. Не помогло и письмо общественных деятелей, представителей науки и культуры, которые призывали «ЯБЛОКА» и «ПАРНАС» к объединению накануне выборов в Госдуму 2016 г.¹⁵

Некоторый подъем результатов «ЯБЛОКА» на выборах в Государственную Думу в 2011 г. можно объяснить тем, что на электоральном пространстве России произошли изменения за счет появления молодых избирателей, для которых понятие «либерализм» уже не было столь пугающим, как для более старших поколений, переживших резкое падение уровня жизни в первой половине 1990-х гг. Кроме того, важно учитывать, что многие либеральные ценности, закрепленные в Конституции РФ, вошли в политический лексикон не только многих российских партий (в том числе и «Единой России»), но и в научный, образовательный и публичный дискурс. Соответственно, осуществляется их внедрение в массовое сознание, прежде всего молодого поколения¹⁶.

Однако в 2016 г. вновь произошел спад результатов на выборах в Государственную Думу. Объяснить его можно тем, что лидеры РОДП «ЯБЛОКО» заняли радикальную позицию в отношении жестких оценок ситуации на Украине и по вопросу возвращения Крыма в состав России. Уже в марте 2014 г. Г. А. Явлинский утверждал об «аннексии Крыма», о том, что «главное следствие сегодняшней политики в отношении Украины – закрепление курса России как неевропейской страны, “квазиевразийского” государства, игнорирующего права человека и международное право, отрицающего всю складывающуюся с таким трудом систему отношений XXI века, фанатичного антагониста Запада»¹⁷. Более того, по этим сюжетам партия фактически заняла консолидированную позицию со своими основными конкурентами на либеральном фланге – РПП-ПАРНАС¹⁸. Впоследствии лидеры «ЯБЛОКА» несколько смягчили свою позицию накануне выборов в Государственную Думу, заговорив о «нелигитимном присоединении»¹⁹, но общественное мнение о позиции «ЯБЛОКА» уже устоялось и сыграло свою роль в мотивации голосования за другие партии.

Последние попытки других партий либеральной направленности вступить в конкуренцию на этом идеологическом сегменте не были успешными. Например, партия «Правое дело», возглавляемая М. Прохоровым, по мнению экспертов, так и не смогла выйти за пределы формата лидерской партии. Смена лидера в 2016 г., когда партию возглавил Б. Титов, также сопровождалась стремлением обосновать некую социально ориентированную на регионы либеральную идеологию. Но составить серьезную конкуренцию «ЯБЛОКУ» партия так и не смогла²⁰. Более того, ее фактически открытую пропрезидентскую направленность отметили многие сторонники либеральной модели развития России²¹. Попытки Администрации Президента отмежеваться от своего участия в выработке идеологической платформы и выработки курса партии²² также не добавили ей авторитета и усиления позиции на либеральном фланге. По мнению экспертов, преобразованная в Партию Роста, она «очевидно будет занимать либеральный партийный сектор и опять столкнется с задачей разъяснять избирателям простые формулировки: чем либералы отличаются от псевдолибералов, почему правительственный экономический курс – это плохой либерализм, а “титовский” – хороший и перспективный»²³.

Как показали последующие события, партии не удалось переиграть «ЯБЛОКО» на либеральном фланге. Дело не только в том, что на выборах в Государственную Думу РОДП «ЯБЛОКО» по федеральному избирательному округу набрала 1,99%, а Партия Роста – 1,29%, но и в отсутствии четкого идеологического позиционирования партии в регионах. Кроме того, сказались и ограниченность организационных ресурсов партии. Не случайно, что Партия Роста смогла выдвинуть свои списки в 2016 г. на выборах в региональные законодательные (представительные) органы лишь в 13 субъектах Российской Федерации, тогда как «ЯБЛОКО» – в 27 (из 29, в которых проводились такие выборы).

С одной стороны, можно согласиться с мнением, что в «каждом конкретном случае результат этого участия определяется совокупностью многих внутривнутрипартийных и внешних факторов (уровень и острота конкуренции со стороны других партий, социально-экономическая, социально-политическая и этноконфессиональная ситуация в регионе, имиджевый ресурс кандидатов и их известность в регионе, характер использования административного ресурса и др.)»²⁴. С другой стороны, на наш взгляд, нельзя недооценивать роли идеологической составляющей партийной конкуренции. С этой точки зрения позиции «ЯБЛОКА» представляются более предпочтительными. Не случайно, что в рамках текущей предвыборной кампании Г. А. Явлинский как кандидат в Президенты Российской Федерации акцент делает именно на идеологической составляющей своей программы.

Структура его президентской программы выстроена по классической идеологической схеме: мировоззренческие принципы; отношение к прошлому; критика настоящего; видение будущего; обоснование шагов к этому будущему²⁵. Анализ данной программы и предвыборной деятельности Г. А. Явлинского позволяет сделать определенные обобщения.

Осознавая невозможность личной победы на этих президентских выборах, лидер «ЯБЛОКА» своим участием в них ставит стратегическую задачу по максимальной популяризации идей и идеологических ценностей своей партии и увеличения ее имиджевого и социального капитала для дальнейшей политической деятельности.

Как представитель либеральной оппозиции лидер Г. А. Явлинский критикует действующего президента по всем аспектам проводимой им внутренней и внешней политики и начинает с ситуации на Украине. По его мнению, на первом месте среди пяти первоочередных – прекращение «агрессивного противостояния и войны с Украиной», «признание присоединения Крыма в 2014 году незаконным», «инициирование созыва Международной конференции по статусу Крыма». Операция в Сирии оценивается Явлинским как «большая западня», поэтому вторым шагом предусматривается «принятие и неукоснительное выполнение плана поэтапного вывода российских войск из Сирии». На третье место ставится задача «нормализации дипломатических, экономических и военных отношений с Европейским Союзом и США и их союзниками». Задача оздоровления политической и общественной жизни страны предусмотрена четвертым шагом. На пятое место в очередности шагов поставлена задача «обеспечения безусловной неприкосновенности частной собственности» и «легитимизация крупной частной собственности, полученной в результате “залоговых аукционов”, открытие именных счетов граждан, формируемых из части средств, полученных от экспорта природных ресурсов»²⁶.

Главное идеологическое позиционирование стратегии партии: «Наша цель – Большая Европа. Россия – часть Европы, Западной цивилизации, здесь корни нашей истории и культуры. В интересах России и Европы поддерживать и развивать эту глубинную связь – как на государственном, так и на человеческом уровне»²⁷. Собственно, в этом тезисе заключена квинтэссенция стратегии лидера «ЯБЛОКА», которой подчинены все остальные пункты его программы, раскрывающие идеологические ценности социального либерализма. Тем самым Г. А. Явлинский стремится не столько к реальной персонифицированной конкуренции на выборах Президента Российской Федерации, сколько к расширению ядерного электората «ЯБЛОКА», к укреплению позиций партий в регионах. Доступ к центральным СМИ, возможность прямого информационного воздействия на

самую широкую аудиторию современной России дают возможность прогнозировать усиление партийных ресурсов партии для участия в выборах самого различного уровня. Тем более что в соотношении имиджевых форматов («партия лидера», или «идеологическая партия») РОДП «ЯБЛОКО» уже экспериментировала с иерархией партийных лидеров (когда формально партию возглавляли поочередно С. Митрохин, а затем Э. Слабунова), чтобы продемонстрировать приоритет идеологических мотивов голосования ее сторонников. Как видится, данная партия (при сохранении существующей избирательной системы) имеет реальный шанс на следующих выборах в Государственную Думу преодолеть 5%-ный барьер и вернуть себе статус парламентской партии.

Примечания

- 1 См.: Феномен многопартийности в российском обществе / Долгов В. [и др.] ; ред. О. Н. Гладышева. Саратов : Научная книга, 2006.
- 2 См.: Коргунюк Ю. Г., Заславский С. Е. Российская многопартийность (становление, функционирование, развитие) / под ред. Ю. Г. Коргунюка. М. : ИНДЕМ, 1996.
- 3 См.: Явлинский Г. А. Экономика России : наследство и возможности. М. : ЭПИцентр, 1995. С. 123.
- 4 Явлинский Г. А. О российской политике. М. : ЭПИцентр, 1999. С. 179.
- 5 Е. Т. Гайдар так писал в 1994 г. об этом : «Номенклатура, торговые работники, теневики, генералы ВПК, отдельные преуспевающие работники искусств – вот хозяева первичных предкапиталов» (Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. М. : Чарли, 1994. С. 133.)
- 6 Рормозер Г. Пути либерализма в России // Полис. 1993. № 1. С. 32–33.
- 7 См.: Реформы для большинства. Объединение «Яблоко». М., 1995.
- 8 Явлинский Г. А. Десять лет. Публикации, интервью, выступления (1990–1999). М. : ЭПИцентр. 1999. С. 427–428.
- 9 См.: Кузьмин А., Овчинников Б. «Яблоко» // Россия накануне думских выборов 1999 года / под ред. М. Макфола, Н. Петрова А. Рябова ; Моск. Центр Карнеги. М. : Гендальф, 1999. С. 140–153.
- 10 Явлинский Г. А. Десять лет. Публикации, интервью, выступления (1990–1999). С. 303.
- 11 См.: Вилков А. А., Николаева А. А. Российский менталитет и перспективы социал-демократии и левоцентризма в современной России. Саратов : Саратовский источник, 2009.
- 12 См.: Парламентские выборы в России : год 1999. Избирательные объединения и блоки, их лидеры и программные документы, результаты выборов : хрестоматия / авт.-сост. М. Н. Грачев. М. : НОУ МЭЛИ, 2000. С. 39–41.
- 13 См.: Тезисы к избирательной программе блока «Медведь». URL: <http://www.panorama.ru/works/vyboru/party/p-med.html> (дата обращения: 02.01.2018).

- ¹⁴ Последняя попытка имела место в 2015–2016 гг. и также закончилась неудачей (См.: Навальный и «Яблоко» не поделили протест. URL: http://www.ng.ru/politics/2015-09-07/3_protest.html (дата обращения: 07.09.2016)).
- ¹⁵ См.: «Такому союзу нет и не будет альтернативы». Общественные деятели, представители науки и культуры России призвали «Яблоко» и «Парнас» объединиться на выборах // Новая газета. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/71944.html> (дата обращения: 23.02.2016).
- ¹⁶ См.: Головченко А. В. Перспектива либеральных ценностей и институтов в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 441–444. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-441-444.
- ¹⁷ Мир и Война. Как достичь первого и не допустить второго // Новая газета. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/62734.html> (дата обращения: 22.10.2014).
- ¹⁸ См.: РПП-ПАРНАС поддерживает «Яблоко» за позицию по Украине. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1426028/> (дата обращения: 22.10.2014).
- ¹⁹ См.: «Яблоко» знает, как России решить конфликт с Украиной без возвращения Крыма. URL: <http://www.newsru.com/russia/29feb2016/slabunova.html> (дата обращения: 26.05.2016).
- ²⁰ См.: Роцин А. Г. «Правое дело» в поисках региональной опоры (27 апреля 2016 г.) // Информационный сайт политических комментариев. URL: <http://politcom.ru/20836.html> (дата обращения: 06.04.2016).
- ²¹ См.: «Правое дело» даёт правый олигархический курс с Кремлёвским куратором Володиным. URL: <http://maxpark.com/community/4788/content/5086712> (дата обращения: 04.03.2016).
- ²² См.: Кремль открестился от партии «Правое дело» и от ее нового председателя Бориса Титова. URL: <http://www.gosrf.ru/news/22348/> (дата обращения: 04.03.2016).
- ²³ Пятая опора президента. URL: <http://expert.ru/2016/01/28/ruataya-opora-prezidenta/> (дата обращения: 04.03.2016).
- ²⁴ Вилков А. А. Эволюция российской многопартийности после выборов 2016 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 68. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-62-69.
- ²⁵ См.: Основные направления президентской программы Григория Явлинского. URL: <https://2018.yavlinsky.ru/campaign/#more-331> (дата обращения: 01.02.2018).
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.

Образец для цитирования:

Головченко В. И. Идеологический фактор в деятельности РОДП «ЯБЛОКО» в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 200–204. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-200-204.

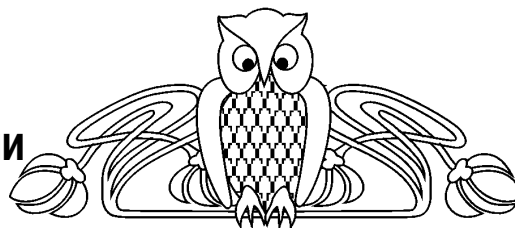
Cite this article as:

Golovchenko V. I. Ideological Factor in the Activity of the Russian United Democratic Party “YABLOKO” in Contemporary Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 200–204 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-200-204.

УДК 32.019.51

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ МЕДИЙНОЙ ГРАМОТНОСТИ И ВЛИЯНИЯ СМИ

А. А. Казаков

Казаков Александр Александрович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, aldr.kazakov@gmail.com

В статье на основе анализа результатов опросов общественного мнения рассматриваются основные параметры отношения российской молодежи к политике. Автор характеризует медийную составляющую политической культуры молодых людей в контексте уровня сформированности их медийной грамотности и выделяет пессимистическую и оптимистическую тенденции в развитии данного феномена. Делается вывод о том, что, с одной стороны, современная молодежь меньше интересуется политикой и реже ее обсуждает, но, с другой стороны, чаще узнает о происходящем из интернет-ресурсов и более скептически настроена в отношении достоверности сообщаемой журналистами информации.

Ключевые слова: политическая культура, молодежь, массмедиа, медийная грамотность, интерес к политике.

Russia's Youth Political Culture within the Context of Media Literacy and Media Influence

A. A. Kazakov

Alexander A. Kazakov, ORCID 0000-0002-3140-0977, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, aldr.kazakov@gmail.com

Based on public surveys results' analysis, the main features of Russia's youth disposition towards politics are considered in this article. The author describes the media component of the youth political culture within the context of the degree to which their media literacy is formed and suggests pessimistic and optimistic tendencies the phenomenon under consideration has. The inference is made that, on the one hand, the modern youth is less interested in politics and discusses it less frequently; on the other hand, young people are more likely to get news from the Internet and are more skeptical about credibility of the facts reported by journalists.

Key words: political culture, youth, mass media, media literacy, interest in politics.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-205-211

В отечественной науке проблемам политической культуры молодого поколения уделяется достаточно много внимания. Среди большого количества посвященных этому исследований можно встретить как работы преимущественного общего или обзорно-теоретического характера¹, так и труды, затрагивающие отдельные, весьма специфические сюжеты. К числу последних могут быть отнесены публикации, посвя-

щенные, например, региональным особенностям формирования политической культуры молодежи², ценностным основаниям данного феномена³ и специфике его существования в условиях трансформации политической системы страны⁴.

Значительно реже анализируется то, каким образом на формирование политической культуры молодежи и общества в целом влияют средства массовой информации⁵. Между тем, по нашему мнению, именно массмедиа оказывают самое непосредственное воздействие на убеждения, представления, установки и модели поведения людей в отношении политики – словом, на все то, что видный российский ученый Э. Я. Балалов считает составными элементами политической культуры⁶.

Исходя из этого, одним из важнейших звеньев в цепи «СМИ – политическая культура» мы считаем медийную грамотность. В зарубежной и отечественной коммуникативистике это понятие изучено довольно хорошо⁷. Не углубляясь в связанные с ним терминологические детали, отметим лишь, что в рамках данной работы под медийной грамотностью мы будем понимать способность человека находить в материалах массмедиа интересующую его информацию, критически ее оценивать и проверять достоверность, а также – при наличии соответствующей необходимости – самому создавать элементарные медиасообщения.

В этой связи целью настоящей статьи является анализ отдельных составляющих политической культуры современной российской молодежи в контексте влияния на нее средств массовой информации, с одной стороны, и медийной грамотности как своеобразного «фильтра» между обилием информационных сообщений и человеком – с другой. При этом эмпирической базой данной работы будут служить результаты недавних исследований, проведенных Фондом «Общественное мнение». Уточним при этом, что опросы по интересующей нас проблематике время от времени проводятся и другими центрами изучения общественного мнения. Однако именно ФОМ, по нашему мнению, уделяет этой тематике наибольшее внимание, делая это наиболее регулярно, методично и последовательно. К тому же сравнивать результаты замеров различных служб было бы не совсем корректно из-за разности формулировок вопросов, объемов выборки и конкретных дат проведения опросов.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на такой важный аспект политической культуры, как интерес к политике в целом. Так, Фонд «Общественное мнение» регулярно проводит исследования, в ходе которых задает респондентам один и тот же вопрос: «Одни люди интересуются политикой, другие – не интересуются. А вы лично интересуетесь или не интересуетесь политикой?». Согласно результатам опросов, начиная с 2012 г. количество интересующихся политикой граждан колеблется в пределах отметки в 43–44%⁸. Если же брать только молодежь (18–30 лет), то здесь этот показатель будет ощутимо ниже: в мае 2016 г. таковых набралось 34%⁹, а в августе 2017 г. – 32%¹⁰.

При этом опросы показывают, что чем старше молодой человек, тем больше вероятность того, что он будет интересоваться политикой: в возрастной группе от 18 до 22 лет интересующихся всего 29%, в группе 23–27 лет – 35%, а среди 28–30-летних – уже 38%¹¹.

В целом же интерес к политике среди молодых людей достаточно низок. По большому счету, лишь треть из них интересуются происходящим в этой сфере. Между тем полагаем, что наличие интереса к политике – необходимое условие формирования развитой политической культуры индивида. Разумеется, в данном случае возможны разные мнения относительно того, каким должен быть этот интерес – насколько глубоким, постоянным или устойчивым. Точно так же весьма сложно однозначно определить и качественные показатели политической культуры – какими навыками, способностями и характеристиками должен обладать человек, чтобы считаться личностью с «высокой» политической культурой. Однако в целом мы убеждены в том, что без наличия более или менее значительного интереса к политике говорить о возможности складывания сколько-нибудь «качественной» политической культуры не представляется возможным.

В этом плане тот факт, что присущий молодому поколению уровень интереса к происходящему в стране и мире существенно ниже среднего по обществу, как нам представляется, является одним из индикаторов недостаточной сформированности политической культуры у представителей данной социальной страты.

Косвенным свидетельством в пользу этого утверждения является еще один показатель – частота обсуждений политической проблематики. По данным Фонда «Общественное мнение», в августе 2017 г. часто делали это 22% опрошенных, редко – 36%, а не имели подобной привычки – 41%. Как и в случае с интересом, показатели молодежи по данному вопросу еще более скромные: лишь 14% из них обсуждают политику часто, 43% – редко и 44% – никогда¹². Вместе с тем дискуссии на политические темы мы считаем не только одним из факторов политической культуры, но и условием формирования медийной грамотности.

На наш взгляд, обсуждая со своим окружением те политические сюжеты, о которых рассказывают средства массовой информации, можно несколько иначе посмотреть на прежде казавшиеся привычными и очевидными вещи и, как следствие, скорректировать свое к ним отношение. Таким образом, редко участвуя в такого рода дискуссиях, молодые люди не только не способствуют развитию собственной политической культуры, но и не используют одного из действенных механизмов формирования медийной компетентности.

Весьма показательным представляется нам также и то, что конкретно привлекает людей в материалах массмедиа (рис. 1).

Представленные на диаграмме данные позволяют сделать как минимум два вывода. Первый состоит в том, что на фоне достаточно большого количества тем социально-политическая проблематика вызывает у молодежи значительный интерес. Так, например, «Политика в России», «Международные отношения» и «Социальные проблемы» весьма неожиданно намного превосходили «Путешествия, жизнь за рубежом», «Моду, стиль, красоту» и «Шоу-бизнес, жизнь знаменитостей»; оказались практически так же популярны у молодых людей, как «Спорт» и «Наука, техника»; и совсем чуть-чуть уступили лидерам рейтинга – «Вооруженным Силам России» и «Семье, детям, дому».

Второе, что тоже обращает на себя внимание, – это закономерность, согласно которой уровень интереса молодежи к «политически нагруженным» темам в целом ниже, чем у всего населения, и наоборот. Особенно сильно это заметно в плане «Международных отношений» (–10% по сравнению со всеми респондентами), «Деятельности российских властей» (–6%), «Спорта» (+10%), «Науки, техники» (+8%) и «Моды, стиля, красоты» (+7%).

О чем это может говорить? С одной стороны, мы наблюдаем подтверждение уже упомянутой выше тенденции, в соответствии с которой интерес к политике у молодых в целом ниже, чем у людей более зрелого возраста. С другой стороны, очевидно, что те, кто в принципе следит за сообщениями СМИ, социально-политическую проблематику в них как минимум не игнорируют, если не сказать больше. Стало быть, с учетом уже высказанных в данной статье аргументов о связи интереса к политике и политической культуры в очередной раз можно констатировать наличие непосредственного влияния массмедиа на интересующий нас феномен.

Между тем многое в данном случае зависит и от того, какие конкретно виды источников информации чаще всего используют люди (рис. 2).

Как видим из данных рис. 2, телевидение вполне ожидаемо оказалось самым популярным СМИ – причем как среди подростков и молодежи, так и среди всего населения. Второе, третье и четвертое места поделили между собой ин-

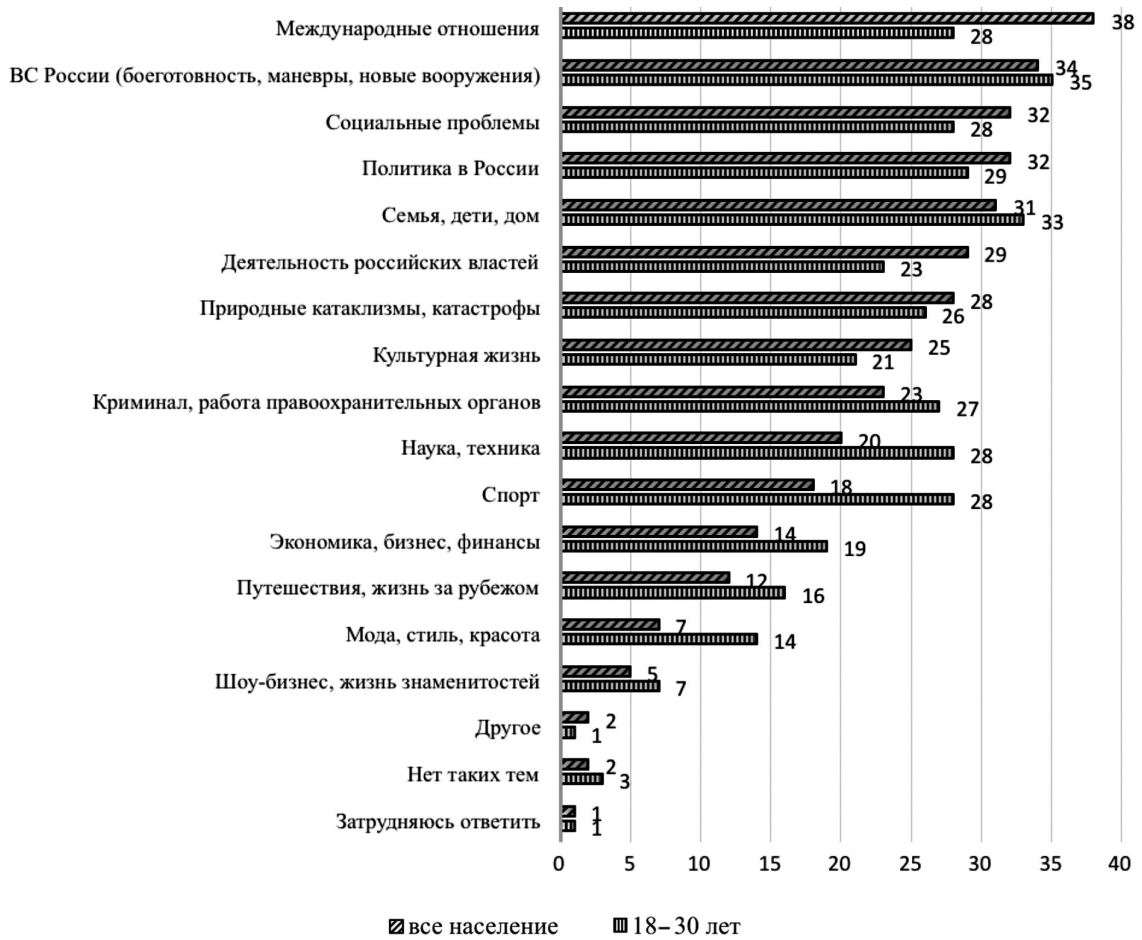

Рис. 1. Тематические предпочтения аудитории СМИ (% от количества ответивших; карточка, не более 5 ответов)¹³

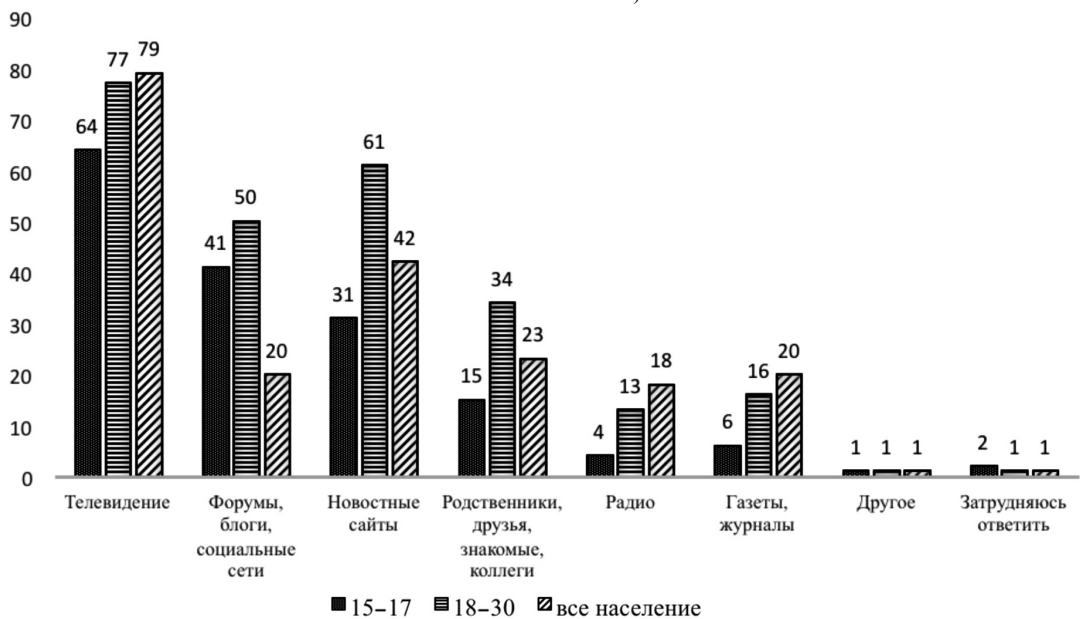

Рис. 2. Источниковые предпочтения аудитории СМИ (% от количества ответивших; карточка, любое число ответов)¹⁴

тернет-ресурсы, беседы со своим окружением, а также форумы, блоги, социальные сети. При этом очень хорошо прослеживаются симпатии более молодого поколения к относительно новым источникам информации и – одновременно – их значительно больший скепсис к таким традиционным видам массмедиа, как радио и печатная пресса. Отметим также, что подобный расклад предпочтений в целом подтверждается и результатами исследований других социологических служб – например Левада-Центра¹⁵.

Полагаем, что в контексте интересующих нас феноменов эти данные могут говорить о следующем. Во-первых, о сохраняющемся достаточно большом влиянии «голубого экрана» на массовое сознание (и – опосредованно – на политическую культуру) граждан. Совпадение это или нет, но востребованность телевидения среди населения примерно равна (или даже чуть больше) среднему рейтингу действующего Президента России за последние годы. Во-вторых, очевидно, что по мере «омоложения» аудитории растет популярность новостных сайтов, блогов и социальных сетей – т. е. того пространства, в котором разнообразие политических взглядов, идей и предпочтений, с одной стороны, значи-

тельно шире и разнообразнее, чем на телевидении, и, с другой стороны, труднее поддается контролю и регламентации со стороны государства.

Казалось бы, в разрезе формирования демократической политической культуры и навыков медийной грамотности эта тенденция должна внушать сдержанный оптимизм: чем чаще люди будут получать информацию из альтернативных и менее подконтрольных властям источников, тем более объективными должны быть их представления о происходящем в мире политики. Однако данные по доверию к конкретным массмедиа эту надежду несколько девальвируют (рис. 3).

Любопытно, что в относительных значениях среди молодежи степень доверия к каждому из источников в среднем ниже, чем у населения в целом. Что характерно, разрыв между востребованностью и доверием у молодых людей явно больше даже в отношении очень популярных среди них интернет-ресурсов – новостных сайтов, форумов, социальных сетей и блогов. Иными словами, молодежь активно использует эти новые источники информации, однако относится к ним весьма скептически.

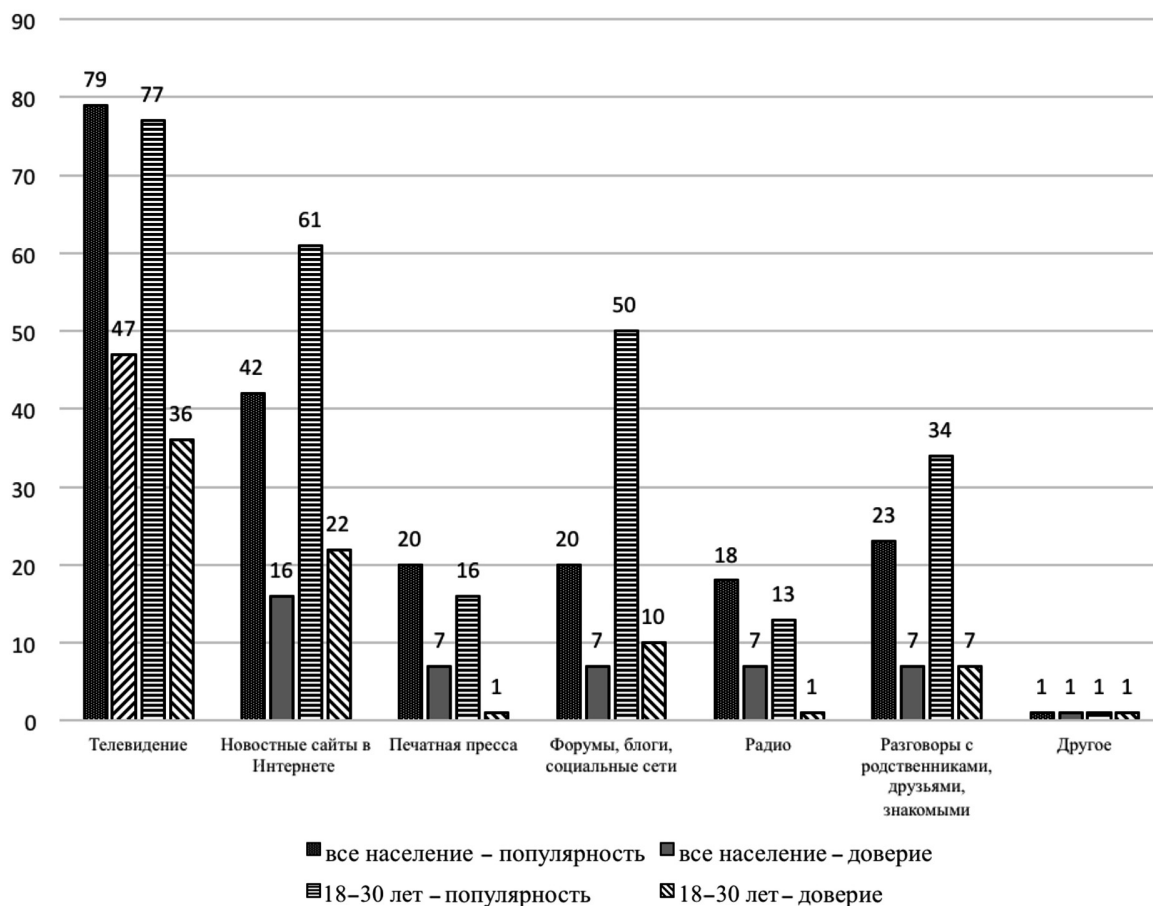

Рис. 3. Востребованность и доверие к источникам информации (% от количества ответивших; карточка, любое число ответов)¹⁶

В этом плане интересно посмотреть на то, как молодые люди реагируют на вызывающую у них сомнения информацию. В данном случае, правда, опрашивались только интернет-пользователи (рис. 4). Однако, памятуя о популярности «всемирной паутины» среди данной возрастной группы, можно сказать, что результаты такого опроса будут вполне репрезентативны и для всей молодежи.

Как видим, в той или иной степени используются несколько возможностей для перепроверки или уточнения фактов, содержащихся в интернет-сообщениях, в том числе, кстати, и уже упоминавшееся нами обсуждение с родственниками и друзьями. Настораживает же здесь то, что сразу примерно 18% молодежи (среднее от 14% 18–24-летних и 22% 25–29-летних) предпочитают в таких случаях не делать ничего. Иначе говоря, их абсолютно не волнует то, насколько достоверную информацию они получают.

О таком же безразличии – на сей раз в отношении используемых источников информации – свидетельствуют и результаты ответов респондентов на еще один вопрос: «Если говорить об интернет-изданиях – газетах, сайтах информационных агентств, каналах, то вы предпочитаете читать новости в каких-то конкретных интернет-изданиях или для вас не очень важно, где, из каких интернет-изданий узнавать новости?». Сразу для 54% опрошенных «не очень важно, из каких интернет-изданий узнавать новости»¹⁸.

Таким образом, подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Применительно к молодежи в разрезе взаимосвязи средств массовой информации, политической культуры и медийной грамотности имеют место две разнонаправленные тенденции. Условно они могут быть названы пессимистической и оптимистической.

Первая проявляется в том, что молодые люди, как правило, меньше интересуются политикой, реже ее обсуждают и более безразличны к тому, откуда и какого качества информацию они получают. В контексте уровней медиаграмотности и политической культуры все это, безусловно, не может не настораживать. Без более или менее устойчивого интереса к тому, что происходит в стране и мире, и без выраженного стремления получать проверенные и достоверные факты трудно рассчитывать на то, чтобы быть медийно грамотной личностью с высоко развитой политической культурой.

С другой стороны, и именно в этом заключается суть оптимистической тенденции, молодежи присущ и ряд позитивных характеристик. Так, например, среди тех, кто все же следит за новостями, социально-политические темы весьма популярны. Иными словами, говорить о полной аполитичности молодого поколения неправильно – скорее, можно констатировать его разделение на тех, кого общественная проблематика не задевает в принципе, и тех, кому это (включая политическую сферу) интересно. Плюс ко всему, опросы показывают, что, в отличие от людей более старшего возраста, молодые гораздо охотнее используют разнообразные интернет-ресурсы (от новостных сайтов до социальных сетей, форумов и блогов), где, скажем, возможность для цензуры или пропаганды меньше, чем, например, на федеральных телеканалах. Стало быть, потенциально они в большей степени ориентированы на получение более разнообразной и сбалансированной информации. К тому же и уровень недоверия к сообщаемому журналистами среди них выше, а значит, и ввести их в заблуждение сложнее, чем тех, кто привык принимать все на веру.

Учитывая содержание этих двух тенденций, считаем возможным резюмировать, что в насто-

Рис. 4. Варианты действий в случае, если информация в Интернете вызывает недоверие, сомнения (% от количества ответивших; карточка, любое число ответов)¹⁷

ящий момент уровень политической культуры молодежи в медийном ее разрезе далек от идеала, но вместе с тем налицо целый ряд факторов, развитие которых в перспективе позволило бы добиться ощутимого прогресса на данном направлении. При этом одним из основных условий реализации этого потенциала мы считаем целенаправленные усилия (возможно, на уровне государственной образовательной политики) по развитию медийной грамотности молодежи. Чем более осведомленными и искушенными в особенностях функционирования современной медиаиндустрии будут молодые люди, тем выше будет и уровень их политической культуры.

Примечания

- ¹ См.: *Богданов А. В.* Социально-политический анализ концепта «молодежная политическая культура» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2011. Т. 11, вып. 3. С. 86–88; *Кудрявцева Е. Э.* Политическая культура студенческой молодежи в современном российском обществе // Вестн. ПАГС. 2014. № 6 (45). С. 97–102; *Оганян К. М.* Политическая культура современной молодежи // Вестн. СГУ. 2010. № 2. С. 189–196; *Рылкина А. П.* Политическая культура студенческой молодежи России: анализ отечественных диссертационных работ // Науч. ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. 2009. Т. 56, № 9. С. 178–182.
- ² См.: *Чекмарев Э. В.* Влияние политической модернизации на социальное становление и развитие политической культуры молодых людей в регионах России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 87–90; *Его же.* Возможности инкультурации в формировании политической культуры современной молодежи регионов России // Вестн. ПАГС. 2013. № 3 (36). С. 96–100.
- ³ См.: *Богданов А. В.* Модернизационные и традиционные ценностные политические ориентации молодежи в современной России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 98–101; *Вилков А. А., Богданов А. В.* Традиционализм и модернизм в политической культуре студенческой молодежи в современной России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2011. Т. 11, вып. 4. С. 68–74.
- ⁴ См.: *Дорофеев В. И., Чекмарев Э. В.* Политическое участие молодежи в условиях транзитивности российского общества (региональный аспект) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2007. Т. 7, вып. 1. С. 75–83; *Никулина С. И.* Политическая культура молодежи Российской Федерации и ее развитие в условиях реформ: дис. ... канд. полит. наук. Н. Новгород, 2008.
- ⁵ См.: *Вилков А. А., Некрасов С. Ф., Россошанский А. В.* Политическая функциональность современных российских СМИ / под ред. А. А. Вилкова. Саратов: Саратовский источник, 2011; *Казаков А. А.* Теоретико-методологический потенциал категории «медийная повестка дня»: возможности и ограничения // Вестн. ВолГУ. Сер. История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1. С. 138–143; *Колпаков В. В.* Влияние интернет-технологий на формирование политической культуры российской молодежи // Локус: люди, общество, культура, смыслы. 2017. № 4. С. 122–132; *Миронова Т. А.* Влияние коммуникативной культуры студента на формирование политической культуры молодежи // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 9 (111). С. 40–46; *Савина С. В., Массеев С. В.* Средства массовой информации: аспекты воздействия на политическую культуру современной молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 11. С. 269–277.
- ⁶ См.: *Баталов Э. Я.* Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. 2002. № 3. С. 10.
- ⁷ См.: *Жилавская И. В.* Проблема формирования понятийного аппарата медиаобразования в условиях конвергенции медиа- и информационной грамотности // Фундаментальные исследования. 2014. № 5 (ч. 1). С. 213–217; *Казаков А. А.* Медиаграмотность в контексте политической культуры: к вопросу об определении понятия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2017. № 4. С. 78–97; *Федоров А. В.* Медиаобразование и медиаграмотность. М.: Директ-Медиа, 2013; *Christ W. G., Potter W. J.* Media literacy, media education, and the academy // Journal of Communication. 1998. № 48. P. 5–15; *Hobbs R., Jensen A. P.* The past, present and future of media literacy education // Journal of Media Literacy Education. 2009. № 1(1). P. 1–17.
- ⁸ Источник данных: «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 13 августа 2017. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статпогрешность не превышает 3,6% (См.: URL: <http://fom.ru/Politika/13668> (дата обращения: 07.03.2018)).
- ⁹ Источник данных: «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 до 30. 18 мая 2016. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статпогрешность не превышает 3,6% (См.: URL: <http://fom.ru/Politika/13045> (дата обращения: 07.03.2018)).
- ¹⁰ См.: URL: <http://fom.ru/Politika/13668> (дата обращения: 07.03.2018).
- ¹¹ См.: URL: <http://fom.ru/Politika/13045> (дата обращения: 07.03.2018).
- ¹² См.: URL: <http://fom.ru/Politika/13668> (дата обращения: 07.03.2018).
- ¹³ Источник данных: «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 4 июня 2017. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статпогрешность не превышает 3,6% (См.: URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/13618#> (дата обращения: 07.03.2018)).
- ¹⁴ Источники данных: Опрос молодежи 15–17 лет. 21 апреля – 2 мая. 207 населенных пунктов, 73 субъекта РФ, 800 респондентов. Интервью по месту жительства респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6% (См.: URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/13324> (дата обращения: 07.03.2018)); «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 до 30 лет. 18 мая 2016. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статпогрешность не превышает

3,6% (См.: URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12873> (дата обращения: 07.03.2018)).

¹⁵ См.: Волков Д., Гончаров С. Российский медиаландшафт : основные тенденции использования СМИ – 2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/08/22/16440/> (дата обращения: 07.03.2018).

¹⁶ См.: URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/13618#> (дата обращения: 07.03.2018)).

¹⁷ Источник данных: Опрос недельной аудитории интернет-пользователей. 15–19 января 2016. 104 населенных пункта, 53 субъекта РФ, 1000 респондентов. Интервью по месту жительства респондентов. Статистическая погрешность не превышает 4,3% (См.: URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12491> (дата обращения: 07.03.2018)).

¹⁸ Там же.

Образец для цитирования:

Казаков А. А. Политическая культура современной российской молодежи в контексте медийной грамотности и влияния СМИ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 205–211. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-205-211.

Cite this article as:

Kazakov A. A. Russia's Youth Political Culture within the Context of Media Literacy and Media Influence. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 205–211 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-205-211.

УДК 321.01

ПОСТСОВЕТСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ АДЕКВАТНОГО ОПИСАНИЯ

А. К. Магомедов

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой связи с общественностью, рекламы и культурологии, декан факультета культуры и искусства, Ульяновский государственный университет, armagomedov@gmail.com

В статье предпринимается попытка объяснить эволюцию теоретических представлений на становление российских региональных элит как влиятельных участников постсоветского политического процесса. Локальные правящие меньшинства рассматриваются как важный политический субъект, формирующий региональную политику и идентичность в условиях кризисной трансформации российского общества в 1990-е гг. Автор доказывает, что изучение региональной России с помощью объяснительных моделей, разработанных в недрах западной политической теории, не способствует пониманию характера постсоветской трансформации. В работе выдвигается исследовательская перспектива к изучению элит, которая заключается в содержательном рассмотрении правящих групп через призму их генетической миссии – лидерства, когда элита любого общества выступает в качестве естественного генератора идей.

Ключевые слова: процесс децентрализации постсоветской России, региональные элиты, некритическое использование общепризнанных западных концептов.

Post-Soviet Regional Politics: Shaping of Main Directions of Study and Problems of Adequate Description

A. K. Magomedov

Arbakh K. Magomedov, ORCID 0000-0003-1303-1511, Ulyanovsk State University, 42, Leo Tolstoy Str., Ulyanovsk, 432000, Russia, armagomedov@gmail.com

This paper tries to explain evolution of theoretical views on development of the Russian regional elites as a influential actors of post-Soviet political process. The focus is on the local power minorities as the most important force shaping regional policy and identity in situation of crisis transformation of Russian society at 1990s. The author argues that the study of regional Russia by explanatory models from the bowels of the Western political theories does not contribute to understanding of real nature of post-Soviet transformation. The essence of research perspective is consists of a thorough examination of ruling groups in the light of their leadership mission when the elite of any society is a natural generator of its own ideas.

Key words: de-centralization of post-Soviet Russia, regional elites, non-critical use of common Western concepts.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-212-216

В данной работе исследуется трансформация теоретических представлений на постсоветскую региональную правящую элиту в 1990-е гг. Фокусирование на эти хронологические рамки важно по

следующим причинам. В это десятилетие происходило два параллельных процесса: 1) неуправляемая децентрализация общества, которая вынесла региональную элиту в центр общероссийской политики; 2) процесс познания этого нового субъекта российской политики инструментами и подходами политической науки, с которыми российская наука только начала знакомиться.

После коллапса Советского Союза новая Россия вступила на путь радикальных преобразований по нескольким направлениям: создания рыночной экономики, строительства политической демократии и формирования федеративного устройства государства. Однако данные процессы, имевшие характер «трансформации без плана» или «движения без карты», имели результатом хаотическую фрагментацию и неуправляемую децентрализацию общества. Так, к лету 1992 г. можно было уверенно говорить о начале процесса перемещения центра реальной власти на региональный уровень, а к осени 1993 г. российские провинции сосредоточили в своих руках около 60% полномочий федеральной власти¹.

Если в начале 1990-х гг. создание так называемой Уральской республики с собственной валютой можно было рассматривать как наиболее экзотический вариант экономического сепаратизма, то события первой чеченской войны стали иллюстрацией того, какие трагические сценарии возможны в данной связи. Характер подобной эволюции, помимо прочего, был задан суверенизацией и самоутверждением региональных элит. Региональные лидеры приобрели значительную автономию по отношению к центру, усиливали опеку над обществом. Для сохранения власти и её эффективного осуществления региональным элитам нужна была легитимность, т. е. признание, объяснение и оправдание установленного в рамках той или иной территории политического порядка. Провинциальные элиты в ельцинской России составляли правящие меньшинства, которые стали играть стратегическую роль в процессе принятия решений на локальном и федеральном уровнях. Всё это позволяло наиболее смелым наблюдателям говорить о том, что тогдашние субъекты Российской Федерации отличались друг от друга, пожалуй, даже в большей степени, чем государства Европейского союза. Как отметил бывший директор Института Кеннана Блэр Рубл, Москва, оставаясь психологическим якорем для жителей всей страны, напоминала скорее Рим, нежели Париж – национальную столицу как символ национального единства для регионов,

стремящихся к самоопределению в соответствии с местными экономическими и политическими связями².

Коллапс СССР и развернувшаяся в «новой» России хаотическая фрагментация власти поставили проблему региональных правящих элит в центр политологических исследований. Более того, эти процессы генерировали настоящий взрыв исследовательского интереса к вопросам региональной власти и природе локальных политических изменений в России. Характерной особенностью научных изысканий в данной сфере можно считать то, что исследование региональных процессов изначально стало вестись параллельно российскими и западными специалистами. Последние получили, по сравнению со своими предшественниками – советологами старшего поколения, очевидное преимущество: возможность посещать провинциальные города, прежде закрытые для иностранцев, и улучшенный доступ к местным политикам и политической информации. Со временем указанное параллельное развитие в некоторых своих чертах переросло в научную интеграцию российских и западных учёных.

Нарождающаяся российская политическая наука была вынуждена ответить на вызов стремительно развивающейся регионализации государства. Начатый в рамках данного процесса исследовательский поиск позволил создать интересные работы. В связи с этим в отдельную группу целесообразно выделить работы политологов, посвящённые анализу личных характеристик представителей региональных элит. В них изучались биографические данные, был представлен количественный анализ рекрутирования элит, рассматривались пути карьеры провинциальных политиков. Приоритетная роль здесь принадлежит О. Крыштановской, С. Уайту, М. Афанасьеву, Д. Бадовскому, А. Шутову, А. Понделкову, А. Огарёву, А. Магомедову, М. Фарукшину, Р. Галлямову, Ю. Тарасову³. Для нас в их работах наиболее важен анализ конкретных механизмов генезиса элитных группировок, преемственности и изменений в процессе циркуляции правящих групп в переходном контексте.

Постепенно происходящее взаимное освоение социально-политической эмпирики и социально-политического теоретизирования способствовало постановке и исследованию такой актуальной проблемы, как роль элит в трансформации и институционализации общества. Этому, в частности, был посвящён доклад Иосифа Дискина⁴. Он доказывал, что в условиях слома всей прежней системы социальных институтов элитам принадлежит беспрецедентная роль в становлении новых социально-экономических институтов. Л. В. Бабаева, Е. Я. Таршис и Л. А. Резниченко в рамках проекта по изучению процесса воздействия российской элиты на трансформацию современного российского общества концептуализировали сущностную сторону «совокупного сознания (поля сознания)»

элиты в понятии программирующей функции элиты⁵. Исследование значимых для российской политической элиты интересов и движущих сил, предпринятое британским учёным Д. Лэйном и российской исследовательницей Е. Мелешкиной, выявило особую роль политических ориентаций властвующего слоя в изменении общества. Таким образом, социологические и политологические исследования упомянутых и некоторых других авторов зафиксировали существенную особенность политической жизни правящих элит – производство идеологий, выработка программ и проектов модернизации общества.

Из наиболее значимых и ценных результатов зарубежных учёных необходимо отметить достижения профессора Оксфордского университета Мэри Маколи⁶. Её работы о политических изменениях в российских провинциях стали одними из первых и наиболее цитируемых на Западе исследований по отечественным региональным политическим элитам. Нельзя не отметить интересные труды других британских учёных из Центра русских и восточноевропейских исследований (CREES) Бирмингемского университета под руководством профессора Филипа Хансона⁷ и доктора Питера Киркова⁸. В центре их анализа – взаимодействие политики и экономики на региональном уровне. Особое внимание привлекается к изучению локальных возможностей для автономного развития регионов в сторону рыночной реформы и рассматривается вопрос, существуют ли институциональная структура, баланс властей и система стимулов, ведущие к радикальным изменениям «снизу».

Интересным фактом в исследовании региональных политических процессов стал научный проект «Изменение славяно-евразийского мира», частью которого является изучение политических процессов в российской провинции. Проект финансируется Министерством образования Японии под руководством профессора Центра славянских и евразийских исследований при университете Хоккайдо (Саппоро) Кимитаки Маузато. Результатом этой деятельности стал выход на русском языке серии томов «Регионы России: хроника и руководители»⁹. Серия претендовала на пространственный охват политических процессов всей российской провинции, включая политическую историю регионов. Здесь представлена ценная информация, включающая сведения о политическом пространстве современной России, регионов как моделей политического развития, избирательных циклов и электоральном ландшафте провинций, а также социально-политические портреты регионов. Аналогичный характер носил труд сотрудников Московского Центра Карнеги «Политический альманах России» под редакцией проф. Стэнфордского университета Майкла Макфола и сотрудника Института географии РАН Николая Петрова¹⁰. Наиболее близко к рассмотренным сюжетам стояла группа публикаций, анализирующих избира-

тельные процессы и борьбу за власть в регионах в рамках новых демократических институтов. Это работы Олега Григорьева и Михаила Малютина¹¹, а также Даррела Слайдера¹². Данные исследования позволяют увидеть процессы складывания протодемократических организаций в регионах и характер связи межэлитных взаимодействий с институциональной структурой. Весьма продуктивным является анализ взаимоотношений внутри элитных групп и между элитами и другими слоями регионального сообщества в рамках клиентелистских подходов. Наиболее успешно данный подход реализован в работах Михаила Афанасьева¹³ и Игоря Куколева¹⁴.

Заслуживает также внимания сборник докладов американских учёных под редакцией Теодора Фредгута и Джеффри Хана «Местная власть и постсоветская политика». Из этого сборника особый интерес представляет работа Джоэля Мозеса «Саратов и Волгоград, 1990–1992: История двух российских провинций»¹⁵. Основной вопрос, ответ на который стремится получить Мозес, – каковы причины политической диверсификации соседних, исторически связанных и во многом схожих регионов в период политических изменений 1989–1991 гг. Для нашего анализа важно то, что в работе подробно описываются «расклады» в саратовской элите и факторы, влиявшие на политическое развитие в регионе. В его статье довольно точно определён характер партийной элиты в 1960–1980-е гг. и её роль в трансформационных процессах постперестройки.

Работы перечисленных зарубежных авторов выгодно отличают умелая постановка исследовательских задач, широкое вовлечение количественных показателей, биографических данных и многовариантных статистических анализов. Однако при всей эмпирической корректности некоторые из них не дают адекватной картины российской политики. Например, Джеффри Хан во введении к своему сборнику повторяет сомнительные тезисы о «косной провинции» и «демократической столице», занимаясь поисками того, каков характер противодействия рыночным реформам со стороны локальных политических сил.

Важной составляющей процесса генезиса элит является характер межэлитных связей, внутренней мобильности и дифференциации различных властвующих групп. Данные сюжеты развиваются в исследованиях Владимира Гельмана, Александра Дука и Нила Мелвина¹⁶. В этих работах политическое развитие России и её регионов рассматривается в свете дискуссии о перспективах формирования «сообщества элит» в направлении преодоления раскола между его членами. Однако такой подход наталкивается на неразрешимую пока дилемму. Она состоит в определении того, какой потенциал таит в себе указанная консолидация: демократический или авторитарный. Пока же большинство авторов считают проблематичной возможность постепенного перехода к демократии

через консолидацию различных сегментов региональных элит и освоение ими внешне демократических форм отправления власти.

В указанном же ключе можно рассматривать одно из достижений американской исследовательницы Кэтрин Стонер-Уайс из Принстонского университета. Её книга «Локальные герои. Политическая экономия российской региональной власти»¹⁷, основанная на сравнительном анализе четырех российских регионов (Нижегородской, Тюменской, Ярославской и Саратовской областей), заслуживает особого внимания. Автор ставит целью объяснить, почему в одних провинциях существовали действенные и эффективные власти («локальные герои»), а в других – нет. Используя новые данные экономических, политических и социальных наук в сочетании с продолжительной работой в российских регионах по сбору первичных данных, автор пытается объяснить причины и смысл этих различий. Основная гипотеза исследования состоит в том, что в переходной ситуации образование коалиций между экономическими и политическими элитами может иметь позитивный эффект на результативность власти. Автор доказывает, что локальные власти способны осуществлять эффективную политику лишь в регионах с высокомонополизированной индустрией. Наличие в регионах концентрированных экономик («comprany towns») фокусировало региональные интересы и повышало взаимозависимость экономических и политических акторов.

Концепт «comprany towns» не обладает значимой объяснительной ценностью, так же как концепт «межэлитных пактов» («pacting»), на которые делают ставки некоторые аналитики, видя в них надежды на пути к строительству протодемократических коалиций в постсоветских регионах. В частности, вариант «пакта элит» использовался многими учёными как единственно надёжный путь к консолидации демократии и в качестве ключевого условия успешного демократического транзита. Как нам представляется, авторы переоценили потенциал осознанной межэлитной сплочённости в регионах и, напротив, недооценили другие важные характеристики, обусловившие мотивацию различных политических сил. Поскольку очень скоро «вдруг» выяснилось, что «comprany towns» или «pacting» сами по себе не создают гарантий долгосрочной эффективности региональных или городских властей. Более того, использование таких подходов и аналитических метафор зачастую имеет эффект, который видный американский политолог Дж. Сартори много лет назад назвал «концептуальной натяжкой»¹⁸. Здесь мы имеем типичный случай попыток изучения политической трансформации региональной России с помощью непосредственного переноса объяснительных моделей, разработанных на примере западных стран и в недрах западной политической теории. Такой перенос не способен объяснить ни уникальности конкретных «отклоняющихся» региональных кей-

сов, ни быстро меняющихся политических характеристик кризисного переходного общества, какой была Россия в 1990-е гг.

Нам нужно исходить не только из множественности способов движения к демократии, в которых элитные коалиции в виде «comprony towns» или «rafting» являются сценариями развития. Крайне важно подчеркнуть сложность, а в российских региональных случаях большую редкость заключения «межэлитных пактов» в силу быстро меняющихся правил политической борьбы. Как показывает опыт российской региональной политики 1990-х гг., при вышеуказанной неопределённости шансы на то, что представители правящей коалиции и их оппоненты смогут взаимодействовать в ситуации равновесия сил, оказывались весьма невелики, и верх брали сценарии «победитель забирает всё». В других случаях попытки обеспечить договорённость об уровне самостоятельности различных региональных акторов (например, как это часто бывало, между губернатором и мэром региональной столицы) имели результатом продолжительный конфликт, который надолго сковывал региональное развитие.

Некритическое применение общепризнанных западных концептов к анализу ранних постсоветских реалий приводит к тому, что В. Гельман охарактеризовал как «столкновение с айсбергом»¹⁹ – неспособность адекватно оценить природу политической трансформации российских локальных сообществ. Попытки переноса популярных англо-американских подходов и концептов к изучению и объяснению сложных реалий переходных российских территорий были раскритикованы в работах отечественных специалистов – статье А. Богатурова²⁰ и обобщающей книге В. Гельмана, С. Рыженкова и М. Бри о региональных политических режимах²¹.

Такие факторы провинциальной политической жизни, как характер политической конкуренции, взаимоотношения между главами различных ветвей власти, уровень и интенсивность вовлечения региональных бизнес-элит в процесс принятия решений, степень социальной ответственности основных региональных акторов, создают сложную и многосоставную систему координат региональной политики, которую нельзя объяснить с помощью простых аналитических подходов. Как убедительно доказали российские политологи А. Вилков и Н. Шестов, весь сложный комплекс факторов российской региональной трансформации отражает самобытность политического функционирования различающихся между собой российских территорий²².

Проведённый анализ подводит к следующему обобщению, позволяющему обозначить исследовательскую перспективу для дальнейших элитологических исследований. Российская элитология, зародившаяся на рубеже 1980–1990-х гг., в 1990-е гг. уже находилась в активной фазе своего становления, что предопределило превраще-

ние её в отдельное направление отечественной политологии со своими школами, традициями и даже «классиками». Развернувшиеся процессы передела собственности и власти, формирование новой бизнес-элиты, выход региональной элиты на общероссийскую политическую арену поставили проблему элит в центр научных исследований. Для того чтобы исследовать проблему правящих меньшинств, были брошены значительные силы социологов и политологов, которые, независимо от ценностных критериев, проводили исследования элит, исходя, главным образом, из следующих признаков: размера имущества и должностных кумуляций, происхождения и групповой принадлежности, карьеры и влияния. Эти данные обрабатывались и систематизировались со знанием дела, что позволило распознать: как, в каком направлении и на какие страды расслаивается общество. Но многого ли этим в конечном счёте можно достичь?

Решающим, на наш взгляд, является то, акцентируются ли указанные различия между элитой и неэлитой, как они оцениваются, какую роль играют для общества. Иными словами, несут ли те, кто «наверху», ответственность, задают ли они масштабы развития своих сообществ, подают ли образцы и управляют развитием, или они только находятся «наверху». Это говорит о том, что становится неизбежным соединение анализа политических элит с изучением процессов развития общества.

Суть предлагаемой нами перспективы к изучению элит заключается в содержательном рассмотрении правящих групп через призму их генетической миссии – лидерства. В таком контексте особенно актуальным становится проблема мировоззрения элиты, поскольку самым утончённым признаком элиты и одновременно вершиной и воплощением всех её психологических сил является её мировоззрение. Элита любого общества – не просто главный субъект политики, она – естественный генератор идей, она же – передатчик заимствованных идей. Это куда более важная и трудная задача, нежели простое отправление властных функций или распределение ресурсов. Особо нужно отметить, что члены политических элит выступают в качестве наиболее активных, способных к обобщениям индивидуумов, выполняя роль производителей и распределителей идеологии. Мысли господствующих классов являются господствующими в любую эпоху, а пути обществ столь же закономерно определяются мифами и доктринами правящих меньшинств. Особенно это важно в кризисные эпохи, когда общество оказывается в переходном состоянии. В силу данных обстоятельство политическое сознание и политическая идеология правящих меньшинств играют очень большую роль. Таким образом, властвующие элиты представляют собой политические группы, способные выражать свои интересы и волю на языке идеологии. Наряду с функцией отправления власти разработка идеологии является областью политического призвания элит.

Примечания

- 1 См.: Павленко С. Центр-регионы : кто-кого? // Международная жизнь. 1993. № 4. С. 91.
- 2 См.: Рубл Б. Институт Кеннана и региональная Россия // Земство. Архив провинциальной истории России. 1994. № 3. С. 35.
- 3 См.: Kryshstanovskaya O., White S. From Soviet Nomenclatura to Russian Elite // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48, № 5. 711–733 ; Афанасьев М. Н. Изменения в механизме функционирования правящих региональных элит // Электронная библиотека Гражданское общество в России. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1994_6_Afanasyev.pdf (дата обращения: 10.01.2010) ; Его же. Клиентелизм и российская государственность. М. : Центр конституционных исследований МОНФ, 1997 ; Бадовский Д., Шутов А. Региональные элиты в постсоветской России : особенности политического участия // Кентавр. 1995. № 6. С. 3–23 ; Огарёв А., Понеделков А. Лидер. Элита. Регион. Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ, 1995 ; Магомедов А. Политические элиты российской провинции // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 4. С. 72–79 ; Фарукишин М. Х. Политическая элита в Татарстане : вызовы времени и трудности адаптации // Полис. 1994. № 6. С. 67–79 ; Тарасов Ю. Правящая элита Якутии : штрихи к портрету // Полис. 1993. № 3. С. 171–173 ; Галлямов Р. Политические элиты российских республик : особенности трансформации в постсоветский период // Полис. 1998. № 2. С. 108–115.
- 4 См.: Дускин И. Е. Элиты как субъект российских реформ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1996. № 1. С. 10–17.
- 5 См.: Бабаева Л. В., Таршиш Е. Я., Резниченко Л. А. Элита России : о настоящем и будущем страны // Социс. 1996. № 4. С. 40–50.
- 6 См.: McAuley M. Politics, Economic and Elite Realignment in Russia : A Regional Perspective // Soviet Economy. 1992. № 8 (1). P. 46–88 ; *Iadem*. Russia's Politics of Uncertainty. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1997.
- 7 См.: Hanson Ph. How Many Russias? Russia's Regions and their Adjustment to Economic Change // International Spectator. 1997. № 1 (31). P. 39–53 ; Regional Economic Change in Russia / ed. by Philip Hanson and Michael Bradshaw. Cheltenham : Edward Elgar, 2000.
- 8 См.: Kirkow P. Russia's Provinces. Authoritarian Transformation versus Local Autonomy? N.Y. : St. Martin's Press, 1998.
- 9 См.: Регионы России : хроника и руководители / под ред. К. Мацузато, А. Шатилова. Sapporo : Hokkaido University, Slavic Research Center, Occasional Papers in Slavic-Eurasian World, 1997.
- 10 См.: Политический альманах России 1997. Выборы и политическое развитие / под ред. М. Макфола и Н. Петрова. М. : Моск. Центр Карнеги, 1998.
- 11 См.: Григорьев О., Малютин М. Региональная ситуация в России после декабрьских выборов : анализ новых тенденций и политических итогов местных выборов весной 1994 года. М. : Фонд «Дискуссионное пространство», 1995.
- 12 См.: Slider D. Elections to Russia's Regional Assemblies // Post-Soviet Affairs. 1996. № 3 (12). P. 243–263.
- 13 См.: Афанасьев М. Н. Указ. соч.
- 14 См.: Куколев И. Региональные элиты : борьба за ведущие позиции продолжается // Власть. 1996. № 1. С. 46–52.
- 15 См.: Moses J. Saratov and Volgograd, 1990–1992 : A Tale of Two Russian Provinces // Friedgut T., J. Hahn (eds). Local Power and Post-Soviet Politics. Armonk, N.Y. : Sharpe, 1994. P. 96–137.
- 16 См.: Гельман В. Региональные режимы : завершение трансформации? // Свободная мысль. 1996. № 9. С. 13–22 ; Дука А. Трансформация местных элит (институционализация общественных движений : от протеста к участию) // Мир России. 1995. Т. 4, № 2. С. 106–117 ; Его же : Конфликты и компромиссы в структурах региональной политической элиты : типология противоборства // Северная Пальмира. 1997. № 9. С. 46–51 ; Melvin N. The Consolidation of a New Regional Elite : The Case of Omsk, 1987–1995 // Europe-Asia Studies. 1998. Vol. 50, № 4. P. 619–650.
- 17 См.: Stoner-Weiss K. Local heroes. The Political Economy of Russian Regional Governance. Princeton, N. J. : Princeton Univ. Press, 1997.
- 18 См.: Sartori G. Concept Misformation in Comparative Politics // American Political Science Review. 1970. Vol. 64, № 4. P. 1033–1053.
- 19 Гельман В. «Столкновение с айсбергом» : формирование концептов в изучении российской политики // Полис. 2001. № 6. С. 6. URL: http://www.politstudies.ru/index.php?page_id=453&id=2970&id=2966&jj=85 (дата обращения: 12.05.2006).
- 20 См.: Богатуров А. Десять лет парадигмы освоения // Pro et Contra. 2000. Т. 5, № 1. С. 195–201.
- 21 См.: Россия регионов : трансформация политических режимов / общ. ред. В. Гельман, С. Рыженков, М. Бри. М. : Весь мир, 2000.
- 22 См.: Вилков А., Шестов Н. Политическая субъектность региональных социумов и элит // Власть. 2014. № 7. С. 186–191 ; Вилков А. А. Основные концептуальные трактовки политической субъектности в отечественной политологии // Политическая субъектность региональных социумов и элит : динамика, проблемы и перспективы : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 30 мая 2014 г.) / отв. ред. А. А. Вилков. Саратов : Саратовский источник, 2014. С. 15–22.

Образец для цитирования:

Магомедов А. К. Постсоветская региональная политика: формирование основных направлений исследования и проблемы адекватного описания // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 212–216. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-212-216.

Cite this article as:

Magomedov A. K. Post-Soviet Regional Politics: Shaping of Main Directions of Study and Problems of Adequate Description. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 212–216 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-212-216.

УДК 327

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ГЛАВНЫЙ ФАКТОР В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА

А. М. Бобыло

Бобыло Андрей Михайлович, кандидат политических наук, заместитель начальника Управления экспорта образования, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, AMBobylo@mephi.ru

В данной статье предпринята попытка концептуализации и анализа образовательного фактора в обеспечении национальных интересов государства. Для комплексного рассмотрения объекта в рамках нескольких научных парадигм применяется метод аналитического эклектицизма. В системе приоритетных национальных интересов государства автором предложено рассматривать систему образования в контексте трех взаимосвязанных аспектов: как инструмент обеспечения национальной безопасности; как основополагающий элемент социально-экономического развития; как средство политического влияния («мягкая сила»). Выявляются факторы для формирования концепции развития системы образования в рамках национальных интересов государства.

Ключевые слова: образование, национальные интересы, секьюритизация, человеческий капитал, «мягкая сила», культура, идентичность.

Education as a Main Factor for National Interests of a State

А. М. Bobylo

Andrey M. Bobylo, ORCID 0000-0003-1310-2922, National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute), 31, Kashirskoye Shosse, Moscow, 115409, Russia, AMBobylo@mephi.ru

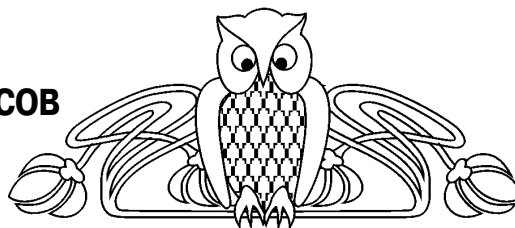
In this article, the author tries to conceptualize and analyze the educational factor in realizing the national interests of a state. The author applies the method of analytic eclecticism for education complex analysis in the frames of different theoretical concepts. In the system of national interests priorities the author offers to consider the system of education in the context of three interdependent factors: as an instrument of national security; as a main factor for social and economic development; as a mean of political influence (soft power). The key factors for education development concept in the frames of national interest are revealed.

Key words: education, national interests, securitization, human capital, soft power, culture, identity.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-217-224

Эволюция теоретических взглядов на проблему национального интереса

История существования суверенных государств самым тесным образом связана с реализацией их интересов. По мере развития общества и государства эти интересы менялись, обретали новые формы и впоследствии стали определяться учеными-международниками как «националь-

ные интересы». Начиная со второй половины XX в. представители различных наук (философы, психологи, экономисты, правоведы) стали определять интерес как осознанную потребность. Окончательно утвердилась точка зрения, что основа всех международных действий государств коренится в их национальных интересах.

Распад биполярной системы и процессы глобализации существенно расширили область освещения и осмысления национального интереса. Две основные «традиционные» парадигмы теории международных отношений – реализм и либерализм – вступили в спор. Так, если сторонники политического реализма оперируют на макроуровне, и в фокусе анализа у них – государство-нация как унитарный актор, обладающий своими собственными национальными интересами, выраженными в терминах власти и направленных, главным образом, на обеспечение безопасности, суверенитета и выживания¹, то представители либерально-идеалистического направления включают в понятие «национальный интерес» множество дополнительных элементов, таких как универсальные нормы и ценности, права и свободы человека, демократия, плюрализм и т. д. Сами интересы, по мнению либералов, формируются на основе интересов личности и общества и далее складываются в некую общую сумму интересов государства. При этом национальные интересы в большей степени нацелены на сотрудничество, а не на конфронтацию, как у реалистов. В либеральной парадигме, скорее, отвечают на вопрос, чьи интересы реализуют государства, чем озадачиваются разработкой способов защиты суверенитета.

Еще большие расхождения во взглядах на проблему национального интереса отмечаются в рамках постпозитивизма, ставшего отправной точкой для многих современных теорий международных отношений. По мнению постпозитивистов, все рассуждения о национальных интересах в их традиционном понимании морально устарели. Государство уже теряет позицию главного субъекта международной политики и гаранта безопасности, а в будущем под влиянием глобальной экономической интеграции его и вовсе ожидает постепенная дефрагментация до социальных групп и регионов либо полная деградация. Поэтому главное внимание должно направляться на идентичность субъектов политики, которые сводятся к различным социальным группам и отдельным личностям.

Сторонники пришедшего из социологии конструктивизма отвечают на вопрос о том, как формируются интересы и как можно влиять на этот процесс. Главная мысль конструктивистов заключается в том, что национальные интересы являются не воплощением объективной истины, а лишь конструированием реальности, которая обусловлена произвольными актами власти. Иначе говоря, национальные интересы – это результат искусственного, но сознательного конструирования.

Международные отношения, по мнению конструктивистов, – это не отдельно, независимо существующее явление, они существуют исключительно сквозь призму интерсубъективного восприятия самих участников международных отношений. Таким образом, идеи и восприятие международных отношений первичны, а материальное воплощение вторично².

Конструктивисты ввели понятие «дискурсивная сила» (знание, идеи, культура, язык и идеология), которая является не менее важной для формирования мирового порядка, чем военная сила. Дискурсивная сила производит и воспроизводит интерсубъективные смыслы. Она предопределяет, каким образом материальная сила, структура, государственная идентичность и даже отношения между государствами, равно как и другие социальные факты, должны определяться и пониматься³. М. Финнемор, изучая природу идентичности и интересов, утверждает, что государственная идентичность и интересы определяются международным сообществом, а именно нормами и правилами поведения, закрепленными в международном сообществе. Нормы международного сообщества передаются государству через международные организации. Таким образом, международные организации формируют национальные политики, как бы «обучая» государства тому, какими должны быть их интересы⁴.

Другой известный представитель конструктивизма, П. Каценштайн, ставит под вопрос рассмотрение национального государства как единого органа с предопределенными интересами. Он рассматривает его не в качестве единого актора, а как конгломерацию соперничающих интересов. Для него национальные интересы

– продукт культурной среды, порожденный социальным взаимодействием. Однако культура изменяется со сменой руководства, среды, институтов или решений, а идентичность и интересы постепенно формируются из культурных концептов и институтов⁵.

Таким образом, современная политическая наука представлена значительным разнообразием подходов к пониманию и определению национальных интересов. Основные различия в рамках указанных подходов приведены в табл. 1.

В целом, несмотря на существенные различия во взглядах в понимании сущности национального интереса представителями различных научных школ теории международных отношений, многие исследователи сходятся во мнении, что национальный интерес содержит два основных элемента: а) *центральный* (постоянный) и б) *второстепенный* (переменный). Центральный интерес воплощает в себе наиболее важные для государства потребности, способные обеспечить его физическое выживание и создать благоприятные условия для дальнейшего развития. Так, например, Р. Осгуд к наиболее важным национальным интересам относит сохранение территориальной целостности, политической независимости и поддержку легальных и легитимных правительственных институтов⁶. А. Бэтлер главными интересами считает территориальную целостность, независимость или политический суверенитет, экономическое развитие и процветание, поддержание национально-культурной самобытности страны – образ жизни⁷.

А. Джордж и Р. Кеохане подразделяют национальные интересы на три группы: физическое выживание, которое не обязательно предполагает сохранение территории и суверенитета; свобода – способность жителей страны устанавливать наиболее подходящую им форму правления и избирать власть, отстаивать свои права и свободы; экономическое благополучие и рост материального благосостояния⁸.

Подобная классификация присутствует и среди российских исследователей. Так, по мнению А. П. Цыганкова, центральный национальный интерес основан на реализации двух базовых потребностей государства: военной безопасности, предусматривающей защиту государ-

Таблица 1

Концептуальные взгляды на проблему национального интереса в рамках различных школ теории международных отношений

Наименование школы/представители	Источники национальных интересов	Механизмы формирования национальных интересов	Инструменты реализации национальных интересов
Реализм (Г. Моргентау)	сила, власть, безопасность	конфронтация, соперничество	конфликты, война
Либерализм (В. Вильсон, Дж. Локк)	экономические интересы, правила, нормы, мораль	конкуренция, сотрудничество	международное право, международные организации, торговые отношения
Конструктивизм (А. Вендт, П. Каценштайн, М. Финнемор)	дискурсы, смыслы, убеждения, идентичность	конструирование интересов	культура, образование, язык, идеи

ственного суверенитета, конституционного строя и системы ценностей; благосостоянии страны и ее населения, предусматривающих экономическое процветание и развитие⁹. А. Х. Саидов и Л. Ф. Кашинская считают, что в наиболее общем виде «важнейшие национальные интересы могут быть представлены как интересы выживания (самосохранения) и развития (совершенствования). Именно в динамике перехода от состояния самосохранения до устойчивого развития видится возможность обеспечения национальной безопасности»¹⁰. Правда, при этом отечественными политологами не указывается, какие интересы относятся к вопросам выживания, а какие – к вопросам развития и как они между собой соотносятся.

Таким образом, анализируя различные определения, можно сделать вывод, что поведение государства всегда направлено на две фиксированные основные цели: физическое выживание (безопасность) и рост благосостояния (развитие). Возможность выбора того или иного варианта поведения (стратегии) определяется местом, которое это государство занимает в международной структуре. В то же время, рассуждая в рамках конструктивистской парадигмы, к числу не менее значимых приоритетов государства на международной арене относится и возможность социокультурного влияния государства на различные мирополитические процессы с помощью распространения собственной системы ценностей и культуры, определяемых как ресурс «мягкой силы».

Процесс формирования и механизм реализации национальных интересов во многом связан с имеющимся в наличии у государства интеллектуальным потенциалом. Поэтому одним из наиболее важных приоритетов, оказывающих влияние на уровень безопасности, развития и привлекательности государства, по нашему мнению, выступает сфера образования.

Действительно, любая из жизненно важных для государства функций не может осуществляться без специализированных знаний и образованных людей. Так, например, в настоящее время нет необходимости доказывать взаимную связь высокопроизводительного труда, конкурентоспособности общества с развитой системой образования и воспитания, поскольку именно человеческий капитал стал основным фактором прогресса в экономике развитых стран, обеспечивая до 3/4 производства и прироста национального дохода.

Разработка, производство и совершенствование вооружения, военной и специальной техники, создание их запасов являются результатом активных действий конкретных людей, способных разрабатывать и создавать изделия и продукцию на основе новейших технологий, соответствующих мировому уровню. Боеспособность армии, предотвращение экологических, техно-

генных и иных видов катастроф также зависят от компетентности специалистов. Следовательно, сохранение и развитие кадрового потенциала выступает задачей, направленной на реализацию национальных интересов страны в сфере безопасности.

Кроме того, образование является средой и механизмом сохранения, воспроизводства национально-государственной идентичности, исторических и культурных ценностей социума, составляющих его индивидов и групп. Потеря своей идентичности, размывание или обесценивание собственного неповторимого образа, национальных ценностей, подмена их искусственно заимствованными со стороны, ориентация на иллюзорные перспективы не позволяют стране целенаправленно и эффективно обустроить свое бытие, укреплять собственные позиции в конкурентной борьбе на международной арене, ведут к распаду государства и общества. Избежать этого возможно только в том случае, если личность обладает духовными ценностями, способна их понимать и оценивать.

Таким образом, образование выступает центральным, связующим компонентом, оказывающим влияние на обеспечение практически всех наиболее значимых интересов государства и одновременно самостоятельно является одним из важнейших национальных интересов. Воздействию опосредовано через систему различных механизмов, образование в конечном итоге обеспечивает нормальное существование и развитие государства и общества. Основные характеристики воздействия системы образования на обеспечение национальных интересов представлены в табл. 2.

Здесь мы сталкиваемся с необходимостью обратиться к методу аналитического эклектицизма, предполагающего смешение различных положений, взглядов на проблему, заимствованных из различных теорий, с целью формирования комплексного представления о рассматриваемом объекте исследования. Для этого необходимо выделить из существующей суммы отношений различных концепций главные связи объекта, предмета в их конкретно-исторической обусловленности, произвести механическое объединение различных сторон и свойств. При этом, как отмечают Р. Сил и П. Каценштайн, важно чтобы само «смешение» имело положительные коннотации и представляло собой гармоническую комбинацию аналитического множества в отдельной области знаний¹¹.

В связи с вышеизложенным далее представляется целесообразным рассмотреть систему образования в контексте трех взаимосвязанных аспектов: а) как инструмент обеспечения национальной безопасности; б) как основополагающий элемент социально-экономического развития; в) как средство политического влияния («мягкая сила»).

Таблица 2

Основные характеристики воздействия системы образования на обеспечение национальных интересов

Характеристики	Национальная безопасность	Экономическое развитие	Международная привлекательность
Функции	подготовка военных кадров, разработка новых технологий для ВПК, разработка технологических решений для решения глобальных проблем	подготовка кадров для производства, наращивание человеческого капитала, предоставление услуг с целью получения дохода	формирование системы ценностей, культурных и идеологических предпочтений, влияние на принятия важных решений за счет обучения представителей политической элиты зарубежных стран, формирование позитивного имиджа страны
Инструменты	специализированные военные училища, вузы, учебные центры, научно-исследовательские институты, лаборатории, техника	система образовательных учреждений, профессорско-преподавательский состав, учебно-методические материалы, вузовская инфраструктура (аудитории, библиотеки, лаборатории)	вузы, программы предоставления помощи в виде правительственных стипендий на обучение, участие в обменных программах, языковые центры, международное образовательное и научное партнерство
Эффекты	повышение обороноспособности	повышение конкурентоспособности	рост и укрепление влияния

Образование как инструмент обеспечения национальной безопасности

Процессы глобальной трансформации мира после окончания холодной войны привели к оживлению связанных с безопасностью дискуссий, наглядным подтверждением чего стало не только количественное увеличение разного рода исследований, но и появление серьезных концептуальных прорывов. Общий тренд, который все более отчетливо прорисовывается с появлением новых подходов к концептуализации проблем безопасности, в основном связан с существенным расширением и переосмыслением самого концепта безопасности. Он внутренне дифференцируется, начиная охватывать все большее число самых разных сфер, уровней и акторов.

Так, например, в рамках *теории секьюритизации*, предложенной О. Вэвером и Б. Бузаном, опасность достигает качества секьюритизированной только тогда, когда она воспринимается различными акторами как угрожающая жизни, становится *экзистенциальной угрозой* обществу или другому референту безопасности. Сторонники данного подхода также настаивают на необходимости выделения различных секторов безопасности (военного, политического, экономического, экологического) и нескольких ее уровней – от глобального (международная система) до уровня отдельного индивида¹².

Понятие «секьюритизация» имеет два значения. С одной стороны, оно указывает на самую высокую степень оценки угрозы обществу или его части, связанную с выживанием, которая определяется с помощью лингвистического анализа отобранных политических текстов (дискурса). С другой стороны, секьюритизация – это политизация проблемы, т. е. процесс устойчивого воспроизводства состояния угрозы в дискурсе,

направленный на то, чтобы изменить политические приоритеты общества. Концептуально секьюритизация опирается на противопоставление типа «свой/чужой», которое лежит в основе постоянного изменения идентичности¹³. Процесс секьюритизации неразрывно связан с количеством знаний о референтном объекте.

Государство, как известно, представляет собой единый общественный организм, который состоит из ряда подсистем: политической, экономической, законодательной, социальной, духовной, которые могут входить в противоречие по поводу основных материальных и духовных ценностей. Эти противоречия могут вести к формированию источников опасности не только для сферы отношений, подсистем, но и для безопасности страны в целом, для всей суммы жизненных интересов человека и общества. В настоящее время традиционно принято выделять следующие виды безопасности: политическая, социальная, экономическая, технологическая, военная, информационная, экологическая и некоторые другие.

Необходимо отметить, что все эти виды национальной безопасности непосредственно взаимосвязаны и связаны с образованием. Так, например, одной из важнейших задач государства в политической сфере становится обеспечение комплекса мер по повышению политической культуры общества, которая формирует устойчивые представления человека о политической системе, определяет формы его взаимоотношений с властью, способствует его политической социализации. При этом существенная роль отводится образованию, приобретению общезначимых теоретических (научных) и практических знаний о политике, получаемых на основе текущей информации. Образование дает возможность правильно ориентироваться в переживаемой конкретной обстановке, акцентировать внимание на

главном в политической жизни, анализировать и систематизировать сведения, давать правильную оценку политическим событиям и принимать в соответствии с нею решение о своем отношении к ним и своем участии в них.

Социальная безопасность достигается путем формирования духовно-нравственных ценностей общества, воспитания «социального иммунитета» с помощью образования. Чем выше уровень образованности общества, тем в меньшей степени его члены подвержены нарушению норм общественной жизни. Экономическая и технологическая безопасность обеспечиваются во многом благодаря системе образования, которая поставляет в эти сферы высококлассных специалистов, тем самым стимулируя экономическое и технологическое развитие государства. Взаимосвязь военной безопасности и образования осуществляется через систему военного обучения. Система военного обучения предназначена для удовлетворения потребностей вооруженных сил в офицерах и научных кадрах, а также развития научных исследований, направленных на решение проблем укрепления обороноспособности и безопасности страны и совершенствования профессионального образования военнослужащих. В сфере обеспечения экологической безопасности образование призвано формировать экологическое мышление, мировоззрение, способное предотвратить экологическую катастрофу.

Образование как основополагающий элемент социально-экономического развития

Стабильное и безопасное существование государства и общества во многом зависят от уровня экономического развития и социального благополучия в стране, обусловленных, главным образом, наличием человеческого капитала и эффективностью системы образования. Уже в 80-х гг. прошлого столетия четко проявилась тенденция мирового развития, свидетельствующая о том, что место и роль любой страны в международном разделении труда, ее конкурентоспособность на мировых рынках продукции обрабатывающих отраслей и прогрессивных технологий зависят, прежде всего, от двух взаимопределяющих факторов – качества подготовки специалистов и тех условий, которые страна (или социоэкономическая система) создает для проявления и реализации интеллектуального потенциала ученых и специалистов. Востребованность потенциала – важнейший стимул его мобилизации и актуализации¹⁴.

Стратегическая доктрина прогресса промышленно развитых стран мира опирается на концепцию всемерного развития человеческого капитала, а система образования в значительной мере этому способствует. В последние десятилетия во многих странах прочно утвердил-

ся вывод о том, что приоритетное положение образования является причиной благосостояния народов и могущества государств. За счет образования экономически развитые страны мира получают до 40% прироста валового национального продукта¹⁵.

То, что знание начинает занимать ключевые позиции в экономическом развитии, радикально изменяет место образования в структуре общественной жизни, соотношение таких ее сфер, как образование и экономика. Приобретение новых знаний, информации, умений, навыков, утверждение ориентации на их обновление и развитие становятся фундаментальными характеристиками работников в постиндустриальной экономике. Новый тип экономического развития, утверждающийся в информационном обществе, вызывает необходимость для работников несколько раз в течение жизни менять профессию, постоянно повышать свою квалификацию¹⁶.

Взаимосвязь материального (вещественного) богатства и той его части, носителем которой является образованный человек, хорошо исследована в рамках современной теории человеческого капитала, основоположником которой западные экономисты-теоретики считают К. Маркса. В настоящее время под действием факторов научно-технического прогресса происходят кардинальные изменения в различных сферах человеческой жизни, в том числе и в экономике. Одним из примеров этого является постоянный рост информационной составляющей в совокупном общественном продукте при снижении материальной составляющей.

Таким образом, образование – это форма воплощения человеческого капитала: чем образованнее человек, причем не узкоспециально, а широко, тем больше у него возможностей для того, чтобы реализовать себя. А в мире, в котором людям очень часто приходится менять сферу деятельности, важна такая фундаментальная подготовка, которая была бы нацелена и на то, чтобы человек, получивший образование, мог более или менее свободно менять сферы приложения своей деятельности и, соответственно, реализации своих интересов. Сегодня в индивидуальном плане преуспевают те, кто благодаря кругозору, широким профессиональным знаниям способен переключаться с профессии на профессию. И чем больше таких индивидов будет в обществе, тем выше окажется его жизнеспособность.

Образование как средство политического влияния («мягкая сила»)

В последнее время многие исследователи стали обращать внимание на то, что сила не всегда проявляется в традиционном военно-силовом аспекте. Механизмы влияния могут быть не только прямыми, но и опосредованными. Же-

лаемых результатов во многих случаях можно добиваться при помощи таких факторов, как духовная и материальная культура, общественные и политические принципы, качество проводимой внешней и внутренней политики и т. д. Эти дополнительные факторы в идеальном исполнении безотказно работают на повышение привлекательности имиджа страны, формируя особый ресурс, определяемый как «мягкая сила».

На роль университетского образования как эффективного ресурса «мягкой силы» обращали внимание многие исследователи, и прежде всего сам Джозеф Най. По его мнению, в эпоху глобализации и информатизации оно может помочь в формировании у своих и зарубежных студентов привлекательности того государства, в котором они получили образование¹⁷. Эффективность использования высшего образования в качестве инструмента «мягкой силы» может объясняться несколькими причинами:

Во-первых, иностранные студенты в процессе обучения знакомятся с языком, культурой и историей принимающей страны. После возвращения на родину они делятся приобретенными знаниями, впечатлениями, становятся эффективными проводниками языка и культуры страны, в которой они проходили обучение. М. М. Лебедева и Ж. Фор отмечают, что именно в студенческие годы у юношей и девушек формируется система ценностей, которая оказывает влияние на их мировоззрение в дальнейшем. Поскольку образование играет важную роль в процессе формирования предпочтений, оно направлено на категорию людей, чьи ценностные ориентиры и взгляды на мир сформировались не полностью и эффективность воздействия «мягкой силой» на них достаточно высока. Погружаясь в среду новой культуры вместе со своими сверстниками, иностранные студенты приобретают ценный социальный капитал¹⁸.

Совместное обучение способствует развитию политической и культурной толерантности, укреплению демократических ценностей: свободы слова как свободы выражения своей позиции, приверженности к равенству возможностей, поскольку образовательный процесс не зависит от этнического или расового происхождения. Вместе с тем следует отметить, что эффективность высшего образования как ресурса «мягкой силы» может быть оценена только в долгосрочной перспективе, так как процесс обучения, восприятия ценностей и культуры, а также распространения накопленного знания среди людей в другой стране требует длительного времени и терпения со стороны проводников «мягкой силы».

Во-вторых, престиж государства возрастает, когда государство выпускает профессиональные кадры, которые вносят вклад в международные научные и практические исследования. Так, Россия обладает притягательной силой в таких сферах, как теоретическая физика, информатика,

математика и химия. Но даже при наличии данных преимуществ необходимо внедрение инновационных форм организации университетской среды, усиление международной интеграции в сфере высшего образования. В российской и зарубежной литературе можно встретить утверждения, что система высшего образования США дала миру наибольшее количество выдающихся специалистов и фундаментальных исследований. Такой тезис не совсем корректен. Его авторы упускают из виду, что многие видные ученые США, Нобелевские лауреаты в том числе – отнюдь не питомцы американской высшей школы и оказались в Соединенных Штатах в результате так называемой «утечки умов». В университетских кругах США в этой связи ходит шутка: «Если ваш профессор разговаривает с иностранным акцентом, то вам повезло – значит, у вас хороший профессор»¹⁹.

В-третьих, качественное высшее образование, быстрые темпы его развития и ориентация на потребности рынка труда являются залогом улучшения экономической и социальной ситуации в стране. Так, если в 1980-е гг. население Китая было почти на четверть неграмотным или малограмотным, не имевшим даже начального школьного образования, то в 1998 г. в вузах страны обучались уже 3 млн студентов, а спустя еще десять лет, в 2008 г., их количество увеличилось почти в 7 раз, достигнув 20,2 млн чел. За последние 20 лет ученые степени в стране получили свыше 300 тыс. кандидатов и 20 тыс. докторов наук²⁰. Все это способствовало быстрому экономическому росту в стране и повышению привлекательности китайской экономики в мире.

В-четвертых, отдельные лица, прошедшие обучение в чужой стране и впоследствии занимающие стратегически важные позиции на родине, склонны принимать лояльные решения по отношению к стране, в которой проходили обучение и провели там годы своей жизни. Показательным, на наш взгляд, здесь может быть пример, приводимый российским исследователем А. Фоминых. Согласно статистическим данным, из общего числа 600–700 тыс. человек, участвовавших в международных образовательных программах госдепартамента США в период конфронтации, около 200 человек были или являются главами государств (в том числе ставшие явно «проамериканскими» такие политики, как М. Тэтчер, А. Садат, Г. Шмидт, В. Ющенко, М. Саакашвили, президент Монголии Цахиагийн Элбэгдорж и др.), еще 600 – представителями правительств, парламента и различных министерств. Наиболее широко выпускники американских обменных программ представлены в политической элите Южной Кореи, Аргентины, Чили, Германии, Великобритании, Израиля, Японии и даже Монголии. К 50-летию юбилею деятельности Программы им. Д. Эйзенхауэра в 2003 г. были опубликованы данные, согласно

которым среди ее выпускников насчитывалось 4 главы правительств иностранных государств, 110 министров, 43 посла, 37 руководителей государственных компаний и банков ²¹.

Таким образом, образовательные учреждения служат точками притяжения для студентов из разных государств. Партнерства с зарубежными университетами создают платформу для реализации хозяйственных, экономических и политических проектов в различных странах мира, реализация которых способствует изменению учебных планов, внедрению новых моделей обучения студентов и переквалификации преподавательского состава. Значительное количество выпускников зарубежных университетов, составляющих государственные элиты других стран, формирует крайне важный ресурс благожелательного отношения к стране за рубежом.

По нашему мнению, образование выступает в качестве некоего мультипликатора, способного усиливать или ослаблять действие практически любого элемента «мягкой силы». Однако эффективность высшего образования как ресурса «мягкой силы» может быть оценена в долгосрочной перспективе, так как процесс обучения, восприятия ценностей и культуры, а также распространения накопленного знания среди людей в другой стране требует длительного времени и терпения.

Подводя итоги сказанному, можно заключить, что образование играет огромную роль в формировании и обеспечении национальных интересов государства. Оно пронизывает все сферы общественного устройства, через накопление человеческого капитала приводит к ускоренному экономическому росту, формирует ценностные установки человека, влияет на характер и уровень национальной безопасности во всех ее проявлениях.

В настоящее время перед правительствами многих стран мира неизбежно встает вопрос, какой должна быть система национального образования, чтобы эффективно обеспечивать национальные интересы государства, соответствовать требованиям XXI века? Согласно прогнозам исследователей, в XXI в. независимыми смогут остаться лишь те национальные экономики (и, соответственно, суверенные государства), которые выдержат интеллектуальную и технологическую конкуренцию. На основе долгосрочного прогнозирования необходимо понять, с какими задачами мир столкнется через 10–15 лет, какие передовые решения потребуются для того, чтобы обеспечить национальную безопасность, качество жизни людей, развитие отраслей нового технологического уклада.

Высшая школа может эффективно действовать и развиваться, быть наиболее востребованной лишь в обществе, разные аспекты жизни которого (производство, управление, политика, коммуникации) обладают высоким уровнем «интеллектуализации». Если для индустриального общества

были важны всеобщая грамотность и дисциплина (способность людей включаться в машинно организованный труд), то для «умного» («когнитивного») общества важными будут массово сформированные умения находить и анализировать информацию, «правильно ставить вопросы», принимать обоснованные решения, поддерживать коммуникацию для постановки и решения задач. Уровень «интеллектуализации» становится в современном мире важнейшим конкурентным преимуществом страны на мировой арене.

Возможность развития эффективной национальной системы образования во многом зависит от определения приоритетных направлений государственной политики, однако практическое ее осуществление невозможно без создания соответствующей правовой базы, достаточной финансовой поддержки, интеграции в международное образовательное сообщество при сохранении собственной самобытности, культуры и традиций. Реализация этих мер должна осуществляться комплексно, поэтапно и в рамках единого замысла.

Примечания

- 1 См.: Гончарова А. Н. Проблема согласования общественных и личных интересов в процессе построения гражданского общества. Красноярск, 2001. С. 115.
- 2 См.: *Wendt A. Social Theory of International Politics.* Cambridge, 1999. P. 40.
- 3 См.: *Nye J. Bound to Lead : The Changing Nature of American Power.* N. Y., 1990.
- 4 См.: *Финнемор М.* Нормы, культура и мировая политика с позиций социологического институционализма // *Международные отношения : социологические подходы / рук. авт. колл. П. А. Цыганков. М., 1998. С. 100.*
- 5 См.: *Katzenstein P. The Culture of National Security : Norms and Identity in World Politics.* N. Y., 1996.
- 6 См.: *Osgood R. Ideals and Self-Interest in America's Foreign Relations.* Chicago, 1953. P. 21.
- 7 См.: *Бэмтлер А.* Национальные интересы, национальная и международная безопасность // *Полис. 2002. № 4. С. 146–158.*
- 8 См.: *George A., Keohane R. The Concept of National Interests : Uses and Limitations' // George A. Presidential Decisionmaking in Foreign Policy.* Boulder, 1980. P. 217–238.
- 9 См.: *Цыганков П. А. [и др.]. Теория международных отношений.* М., 2015.
- 10 *Саидов А. Х., Кашишская Л. Ф.* Национальная безопасность и национальные интересы : взаимосвязь и взаимодействие (опыт политико-правового анализа) // *Журнал российского права. 2005. № 12. С. 36.*
- 11 См.: *Sil R., Katzenstein P. J. Analytic Eclecticism in the Study of World Politics : Recon-figuring Problems and Mechanisms across Research Traditions // Perspectives on Politics. 2010. Vol. 8, № 2. P. 411–431.*
- 12 См.: *Buzan B., Waever O., Wilde J. Security : a new framework for analyses.* L., 1998.

- ¹³ См.: *Buzan B.* Rethinking Security After the Cold War // *Co-operation and Conflict*. March 1997. Vol. 32, № 1. P. 5–28.
- ¹⁴ См.: *Bell D.* The coming of post-industrial society : A venture of social forecasting. N.Y., 1973.
- ¹⁵ См.: *Becker G. S.* Human capital : theoretical and empirical analysis, with special reference to education. N.Y., 1964.
- ¹⁶ См.: *Фельдман О. А.* Образовательный потенциал системы национальной безопасности России : дис. ... д-ра полит. наук. М., 2011.
- ¹⁷ См.: *Нье J. S. Jr.* Soft Power and Higher Education // *The Internet and the University*. Devlin Maureen, Larson Richard, Meyerson Joel. Educause : 2005. P. 11–14.
- ¹⁸ См.: *Лебедева М. М., Фор Ж.* Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // *Вестн. МГИМО-Университета*. 2009. № 4. С. 200–205.
- ¹⁹ *Джурицкий А. Н.* Высшее образование в современном мире : тренды и проблемы. М., 2017. С. 108.
- ²⁰ См.: *Боревская Н. Е.* Особенности реформирования высшей школы КНР на рубеже XX–XXI вв. // *Сотрудничество России и КНР в сфере образования : анализ прошлого и перспективы будущего : материалы III Российско-Китайской конф. «Двустороннее научно-образовательное сотрудничество вузов России и Китая»*. М., 2009. С. 49.
- ²¹ См.: *Фоминых А.* «Мягкая мощь» обменных программ. URL: <http://www.intertrends.ru/sixteenth/008.htm> (дата обращения: 15.11.2012).

Образец для цитирования:

Бобыло А. М. Образование как главный фактор в обеспечении национальных интересов государства // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 217–224. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-217-224.

Cite this article as:

Bobylo A. M. Education as a Main Factor for National Interests of a State. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 217–224 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-217-224.

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК [34:004.738.5](470+571)

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В. А. Пивоваров

Пивоваров Владимир Александрович, аспирант кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, vpivovar55@gmail.com

В статье рассматривается эволюция политико-правового регулирования деятельности в информационном пространстве в Российской Федерации. Проводится анализ ключевых нормативно-правовых актов и документов в данной области, а также иных инициатив органов государственной власти, направленных на обеспечение контроля за распространением информации. Сделан вывод о причинах и целях ужесточения государственного регулирования деятельности интернет-сообществ и интернет-пространства в целом.

Ключевые слова: информация, СМИ, Интернет, совет блогеров.

Political and Legal Regulation of the Internet Space in Modern Russia

V. A. Pivovarov

Vladimir A. Pivovarov, ORCID 0000-0001-6804-6230, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, vpivovar55@gmail.com

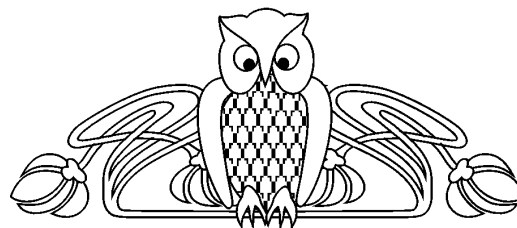
The article examines the evolution of political and legal regulation of activities in the information space in the Russian Federation. An analysis of key legal acts and documents in this area, as well as other initiatives of government authorities to ensure control over the dissemination of information is provided. The conclusion is made about the reasons and purposes of toughening of the state regulation of Internet communities and Internet space in general.

Key words: information, media, Internet, council of bloggers.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-225-231

Проблемы использования интернет-пространства в политических целях как внутри национальных государств, так и в рамках глобальных процессов являются одними из самых актуальных и значимых¹. Общеизвестным фактом стало утверждение, что XXI век – это, прежде всего, век информации. Все более доступным для большинства населения становится именно интернет-пространство, когда за пару кликов мышкой или несколькими свайпами по экрану смартфона можно получить мгновенный доступ к практически любой интересующей информации.

Не случайно сегодня Интернет расположился в одном ряду с такими традиционными

СМИ, как газеты, журналы, радио и телевидение. Многие исследователи согласны в том, что СМИ являлись и являются главными проводниками государственной, политической пропаганды². Испытывая естественную потребность в развитии, расширении своей аудитории и влиянии на нее, традиционные СМИ в большинстве своем стараются занять свое место в новой информационной реальности. Практически любое серьезное информационное издание сегодня имеет собственную страницу в сети Интернет. Подавляющее большинство печатных СМИ в дополнение к своим «бумажным» выпускам распространяют и электронные версии на платформе собственных интернет-порталов. Даже телекомпании в современных реалиях вынуждены распространять свой контент через Интернет. Многие медийные компании пошли еще дальше – полностью отказались от традиционных инструментов вещания и перешли в режим сетевого распространения контента.

Во многих странах правила распространения информации в Интернете законодательно закреплены. Россия – не исключение. В нашей стране существует довольно обширная законодательная база, регулирующая распространение информации в «мировой паутине». Ключевыми законодательными актами в данной области являются Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи»³ и Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁴.

Следует отметить, что в силу особой специфики объекта регулирования законодательство в сфере информации нуждается в постоянном обновлении и совершенствовании, что обуславливает динамичность и высокую частоту внесения изменений в названные нормативно-правовые акты. Так, в соответствии с Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № ФЗ-139 был создан инструмент регулирования и контроля за распространением информации в рунете – Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в Глобальной сети и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (далее – Единый реестр запрещенных сайтов)⁵. Этот же закон внес и в другие федеральные законы ряд положений, предполагающих фильтрацию интернет-

сайтов по системе «черного списка» и блокировку запрещенных интернет-ресурсов.

Новый комплекс мер по ужесточению контроля в сфере информации вызвал волну критики со стороны общественности и экспертного сообщества. Так, еще на стадии рассмотрения в парламенте данных изменений Российская ассоциация электронных коммуникаций выступила категорически против слишком широкого класса материалов, подлежащего внесению в Единый реестр запрещенных сайтов, и блокировки сайтов по сетевым адресам, как и против привлечения для ведения Реестра негосударственной организации⁶.

С критикой относительно данных поправок выступил также Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека: «...регламентируемая законопроектом процедура блокировки интернет-контента предполагает ограничение доступа к информации, запрещенной или нежелательной для детей, для всех пользователей российского сегмента сети интернет – без возможной апелляции и процедуры повторного рассмотрения, без каких-либо ограничений, которые позволили бы трактовать предлагаемые меры не как введение цензуры, что прямо запрещено Конституцией Российской Федерации и ограничивает право людей на доступ к информации, нисколько не приближая к решению заявленных в законопроекте задач <...> Мы считаем крайне важным остановить введение цензуры в русскоязычном сегменте сети интернет и, в частности, на территории России – это приведет к появлению нового “электронного занавеса”, что губительно скажется на правах и возможностях граждан России, на развитии общества в целом и становлении всей экономики»⁷.

Кроме того, ряд крупнейших зарубежных и российских IT-компаний также подвергли сомнению целесообразность ужесточения российского законодательства в области информации. Так компания «Google» в своем официальном блоге «Google Россия» заявила, что опасается возможных негативных последствий от применения закона, и что они превысят ожидаемый положительный эффект, поставив под угрозу доступ пользователей к легальным ресурсам⁸. Компания «Яндекс» в своем официальном блоге заявила: «Для гражданского общества очевидны как необходимость борьбы с детской порнографией и вообще незаконным контентом, так и поддержка таких конституционных принципов, как свобода слова и доступ к информации»⁹.

Критическая реакция последовала и от русскоязычного раздела самой большой кибер-библиотеки в мире – «Википедии». 10 июля 2012 г. в знак протеста против рассмотрения предлагавшихся законопроектом № 89417-6 поправок, а также для привлечения внимания к вопросу администраторы данного ресурса временно приостановили его работу¹⁰.

В целом, принятие Закона № 139-ФЗ явилось предпосылкой принятия целого комплекса новых законов в сфере интернет-регулирования. Так, через год, в 2013 г., был принят так называемый «антипиратский» Закон № 187-ФЗ, а в конце того же года – Закон № 398-ФЗ, который стал известен в сетевом пространстве как «Закон о политической цензуре».

Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» (в СМИ также известен как «Антипиратский закон», «Русская SOPA», «Закон против Интернета» и «Закон о произвольных блокировках») установил возможность блокировки сайтов, содержащих нелицензионный контент, по требованию правообладателя¹¹. Хотя изначально предполагалось, что это коснется всех видов информации, после внесения соответствующих поправок объектом нового регулирования стала только видеопродукция. Причем, согласно Закону, если после предупреждения владельцы сайта не удаляют спорный материал, то весь ресурс будет блокироваться. В этом случае правообладатель должен будет доказать, что обладает правами в отношении того размещенного в сети контента, который подлежит удалению. Если же правообладатель не подает иск или подает, но проигрывает дело, он должен возместить убытки всем лицам, права и законные интересы которых нарушены блокировкой сайта.

Против принятия данного закона также выступал ряд интернет-корпораций, включая «Яндекс», «Google» и «Mail.ru». Так, по мнению пресс-службы «Mail.ru», он, законопроект, «концептуально идет вразрез с международным опытом... и в текущей редакции окажет негативное воздействие на интернет-отрасль», а представители «Яндекса» назвали его «технически нереализуемым и потенциально опасным»¹².

1 июля 2013 г. общественная организация «Роскомсвобода» выступила с предложением к владельцам интернет-ресурсов устроить всеобщую забастовку. Уже 2 июля электронные библиотеки «Флибуста», «Куллиб» и «Максима» поддержали эту инициативу и прекратили работу на сутки. 1 августа около 1300 сайтов выключили свои серверы или поставили протестные баннеры¹³.

Далее, Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 398-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» (закон Лугового, закон о блокировке экстремистских сайтов) наделил Роскомнадзор полномочием производить по предписанию Генпрокуратуры РФ немедленную блокировку без решения суда сайтов, распространяющих призывы к массовым беспорядкам или какую-либо другую экстремистскую информацию¹⁴.

Правозащитники стали заявлять о том, что данный законодательный акт является инструментом интернет-цензуры в России, а Совет по правам человека при Президенте РФ вовсе отметил, что закон серьезно ограничивает конституционные права и свободы граждан¹⁵.

Так или иначе, оба закона также продолжили практику активного наполнения реестров запрещенных сайтов с блокировками тысяч интернет-ресурсов напрямую и сотен тысяч сайтов «заодно».

В 2014 г. ключевыми в рассматриваемой области законами стали Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ («о блогерах и организаторах распространения информации»), Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 364-ФЗ (закон «антипиратский 2.0»), Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 242-ФЗ («о локализации данных в России») и ряд других. В рамках этих законов продолжилось ужесточение регулирования и усиление контроля за распространением информации. В частности, ФЗ № 97-ФЗ обязал авторов интернет-ресурсов (сайтов, блогов и проч.) с аудиторией свыше 3000 пользователей в сутки регистрироваться в Роскомнадзоре и наложил ряд ограничений на содержимое этих ресурсов¹⁶. Однако в июле 2017 г. закон «о блогерах» фактически утратил силу.

Далее, самым резонансным законом 2015 г. стал Федеральный закон от 23 мая 2015 г. № 129-ФЗ («закон о нежелательных организациях»), который в том числе запретил функционирование интернет-ресурсов, признанных «нежелательными организациями»¹⁷. К примеру, если в такой список попадет фонд «Викимедиа», то будет ограничен в России доступ ко всем проектам и сайтам, которые функционирует под его эгидой.

Другим законом, налагающим существенные санкции, теперь уже на СМИ, в том числе в интернет-пространстве, стал Федеральный закон от 2 мая 2015 г. № 116-ФЗ, который установил штрафы до 1 млн руб. тем СМИ, которые каким-либо образом не в негативном ключе описывают некую экстремистскую деятельность¹⁸.

Возможно, самым известным в 2015 г. нормативно-правовым актом, принятым в данной области, стал Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ («о праве на забвение»), который предоставил возможность пользователям исключать из поисковой выдачи любую информацию о себе, которая не понравилась тому или иному лицу, даже общественно важную, даже достоверную¹⁹.

Далее, в 2016 г. наибольший общественный резонанс вызвали федеральные законы № 374-ФЗ и № 375-ФЗ, больше известные как Закон Яровой (пакет Яровой; пакет Яровой – Озерова). Эти законы, декларировавшие их авторами как имеющие антитеррористическую направленность, были приняты в России в июле 2016 г.

Среди нововведений, касающихся информационной сферы, – повышение срока хранения

операторами мобильной связи информации о фактах приема, передачи и содержимого голосовой информации и сообщений (от полугода до трех лет), а также дозволение следователям получать информацию из электронной переписки²⁰.

Директор отдела анализа и контроля рисков, информационной безопасности РВС в России Роман Чаплыгин отмечал, что исполнение закона может привести к созданию хранилищ данных с большим объемом накопленной информации, которые могут стать привлекательной целью для злоумышленников и спровоцировать рост числа кибератак. При этом угрозой конфиденциальности могут стать недобросовестные сотрудники, обладающие доступом к данным²¹.

Пакет законопроектов критиковали также Правовое управление Государственной Думы, Совет по правам человека при Президенте РФ (в лице заместителя председателя Совета правозащитника Евгения Боброва и члена Совета директора информационно-аналитического центра «Сова», вице-президента и главного редактора информационно-исследовательского центра «Панорама» Александра Верховского)²², глава Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации Николай Никифоров²³, депутаты от КППРФ и ЛДПР, а также интернет-издание «Meduza» за жесткость, внесудебность, нарушение прав граждан и регламента²⁴.

А американская газета «The Wall Street Journal» в редакционной статье отмечала, что новый антитеррористический закон представляет собой «элемент более широких гонений на независимое гражданское общество в России, которые также предполагают новые жесткие ограничения в отношении иностранных аналитических центров»²⁵.

Летом 2016 г., игнорируя печальный опыт Испании, где корпорация «Google» покинула национальный рынок после принятия аналогичного закона, в России, тем не менее, был принят закон, предусматривающий дополнительные обязанности и ответственность для новостных агрегаторов – «закон о новостных агрегаторах» (Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 208-ФЗ)²⁶. Ограничения свободы слова коснулись и онлайн-изданий, которым теперь будет сложнее индексироваться среди таких новостных агрегаторов, как «Google News» или «Яндекс.Новости».

По мнению авторов Закона, новостные агрегаторы играют важную роль в формировании объективной и полной информационной картины, а потому они должны быть строго отрегулированы. Закон приравнял крупные новостные интернет-сервисы к СМИ и регламентировал создание специального реестра новостных агрегаторов, который будет вести Роскомнадзор. Агрегатор, посещаемость которого составляет более миллиона человек в сутки, теперь обязан проверять достоверность общественно значимой информации до ее распространения, а также

удалять недостоверные данные по предписанию Роскомнадзора. Законом запрещено использовать новостные агрегаторы для разглашения сведений, составляющих государственную тайну, распространения призывов к террору или публичного оправдания терроризма, а также материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия, жестокости и содержащих нецензурную брань, порочащую информацию. Также новостным агрегаторам вменено в обязанность соблюдать запреты и ограничения, предусмотренные законодательством РФ о выборах: они должны хранить в течение 6 месяцев опубликованную ими новостную информацию, сведения об источнике ее получения и о сроках распространения. В случае нарушения требований Закона владельца агрегатора могут оштрафовать на сумму до трех миллионов рублей. Кроме того, доля иностранного финансирования таких интернет-ресурсов не должна превышать 20%.

5 декабря 2016 г. Президент России В. В. Путин утвердил своим указом новую «Доктрину информационной безопасности РФ», которая содержит целый перечень угроз информационной безопасности России и направлений борьбы с этими угрозами²⁷ и которая, по мнению многих экспертов, повлечет дальнейшее ужесточение законодательства в сфере защиты от информационных угроз. Новая Доктрина легла в основу Стратегии Совета безопасности РФ по развитию информационного общества на 2017–2030 годы.

В 2017 г. государство продолжило линию на усиление цифрового суверенитета страны и ужесточение правил взаимодействия в Интернете.

Самыми резонансными стали следующие законодательные акты: закон «о зеркалах» или «антипиратский закон ver. 3.0» (№ 156-ФЗ от 1 июля 2017 г.), закон «о запрете VPN» (№ 276-ФЗ от 30 июля 2017 г.), закон «о мессенджерах» (№ 241-ФЗ от 30 июля 2017 г.), закон «о СМИ-иноагентах» (№ 327-ФЗ от 15 ноября 2017 г.).

Так, Федеральный закон от 1 июля 2017 г. № 156-ФЗ определил двух новых субъектов в борьбе с цифровым пиратством. Законом было определено понятие «зеркала» пиратского сайта, подлежащего блокировке, как «копии заблокированного сайта». За Минкомсвязью было закреплено право самостоятельно определять «зеркала» пиратских сайтов, ранее уже заблокированных Роскомнадзором, и ограничивать к ним доступ на постоянной основе без обращения в суд. Кроме того, Закон возложил на операторов поисковых систем обязанность по прекращению доступа к «зеркалам» и выдаче ссылок на них в течение суток с момента получения требования от Роскомнадзора²⁸.

По Федеральному закону от 30 июля 2017 г. № 276-ФЗ ФСБ получила полномочия определять сервисы, относящиеся к «анонимайзерам». И в случае признания их таковыми они будут включены в Реестр Роскомнадзора и обязаны

выгружать из него данные, как это делают уже сегодня операторы связи, с тем чтобы ограничивать доступ к запрещенному контенту и сервисам. В противном случае их самих ждет блокировка²⁹.

Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 241-ФЗ определил понятие «организатор обмена мгновенными сообщениями» и возложил на него новые обязанности. В частности, владельцы мессенджеров теперь обязаны «осуществлять идентификацию пользователей с использованием абонентского номера, на основании договора об идентификации, заключаемого организатором обмена мгновенными сообщениями с оператором связи». Мессенджеры также обязаны ограничивать доступ к противоправной информации и аккаунтам по требованиям российских правоохранительных органов. За неисполнение нового закона предусмотрены административные штрафы до 1 млн руб. Помимо этого, оператор связи сможет по решению Роскомнадзора заблокировать доступ к мессенджеру, не выполняющему требования об ограничении рассылки запрещенной информации³⁰.

Наконец, Федеральный закон от 25 ноября 2017 г. № 327-ФЗ стал своеобразным ответом на принудительную регистрацию «Russia Today» в статусе иностранного агента в США. В соответствии с нормативно-правовым актом, любые СМИ, получающие финансирование из-за рубежа, должны быть зарегистрированы как иностранные СМИ, выполняющие функции иностранных агентов. Закон также предусматривает быструю внесудебную блокировку сайтов организаций, признанных «нежелательными» на территории РФ³¹.

Итак, с 2012 г. законодательная база в информационной сфере динамично развивается, постоянно обновляется и дополняется. Однако попытки власти «зарегулировать» Интернет не сводятся исключительно к изменениям в законодательстве.

Безусловно, развитие СМИ в России следовало и следует общемировым тенденциям. В 2007 г. в России официально был запущен видеохостинг «YouTube», предоставляющий пользователям услуги хранения, доставки и показа видео³², что положило начало массовому распространению абсолютно нового феномена в мире средств массовой информации – видеоблогинга.

Популярность видеоблогинга как в России, так и в остальном мире, объясняется довольно просто: регулирование и фильтрацию информации в Интернете со стороны любого заинтересованного в этом лица осуществить крайне проблематично. При этом месячный охват аудитории «YouTube» уже в 2016 г. превысил охват аудитории за аналогичный период самого популярного, самого массового источника информации в РФ – Первого канала³³.

Принимая во внимание вышеизложенное, желание властей влиять на процессы в новом

информационном поле выглядит вполне закономерным. Именно в данном контексте и родилась инициатива по созданию так называемого «совета блогеров».

Сама идея создания такого совета впервые была озвучена на первом заседании экспертного совета по развитию информационного общества и СМИ при молодежном парламенте Государственной Думы РФ 17 апреля 2017 г. Его председателем стал глава комиссии по информационным технологиям и СМИ молодежного парламента Илья Зотов.

Стоит отметить, что данная инициатива в рядах парламентариев была воспринята по-разному.

30 мая 2017 г. заместитель председателя комитета Госдумы по информационной политике, информационным технологиям и связи Андрей Свинцов заявил, что положительно относится к инициативе создания совета блогеров при Госдуме. «Молодежь не смотрит телевизор, не выписывает газет, а общается на уровне лайков, дизлайков в социальных сетях, поэтому для продвижения идей в молодежной среде создание такого совета в Госдуме было бы полезно», – пояснил Свинцов. По словам депутата, молодые люди сейчас «не очень активно» участвуют в политике, но, по его мнению, в ближайшие годы ситуация изменится³⁴.

В этот же день главе комитета Госдумы по информполитике Леониду Левину было направлено предложение по созданию комиссии, в которую бы вошли блогеры, однако председатель профильного комитета заявил СМИ, что предложение о создании подобной структуры избыточно³⁵.

7 июня 2017 г., по инициативе самого молодого депутата Государственной Думы РФ от Либерально-демократической партии России Василия Власова самым популярным блогерам рунета (Российского сегмента сети Интернет) были разосланы приглашения на первое заседание «совета блогеров», назначенное на 19 июня 2017 г.³⁶

Спикер Госдумы Вячеслав Володин прокомментировал инициативу депутата Власова и заявил, что ведение видеоблогов сейчас превратилось в бизнес и что Госдума не готова работать с блогерами на коммерческой основе. Володин призвал депутатов «определиться», как вовлекать блогеров в работу, а также напомнил, что при Госдуме работает Молодежный парламент, который был учрежден еще в 2001 г. для содействия законодательному регулированию прав молодежи, «приобщения молодежи к парламентской деятельности, формирования правовой и политической культуры молодежи». Спикер Госдумы заявил, что возможность для видеоблогеров участвовать в обсуждении законопроектов может быть предоставлена через этот орган³⁷.

Среди приглашенных были: Wylsacom (Валентин Петухов), автор канала «Дневник хача»

(Амиран Сардаров), Sobolev (Николай Соболев), kamikadze_d (Дмитрий Иванов), «Лиса рулит» (Елена Лисовская), Сергей Стиллавин и др. Однако далеко не все блогеры приняли приглашение.

На встречу с депутатами явились только те, кто открыто поддерживает российские власти или вовсе не рассказывает о политике в своем блоге. При этом не было самых популярных блогеров.

Так, например, журналист и блогер Юрий Дудь в своем твиттере назвал совет блогеров при Госдуме «комсомольским собранием» и отметил, что не собирается в нем участвовать³⁸.

Также о новости высказался блогер VadComedian в своем паблике в «ВКонтакте»: «В стране [разрушена] экономика, в стране [разрушено] образование, в стране [разрушено] производство, в стране [разрушена] идеология, в стране [разрушен] кинематограф и [разрушено] все то, что зависит от экономики, но Совет блогеров – именно то что нужно! Именно то, что необходимо предлагать и создавать. Кроме создания подобных Советов с экспертами нужно поднимать темы: смены гимна страны, мата в кино, пениса на 100-рублевой купюре, Ленина в Мавзолее, оскорбления чувств верующих, переименования улиц, создания реестра блогеров (закон о СМИ), обхода блокировок в интернете. Ведь когда гниют ноги, нужно думать о прыщике на лбу»³⁹.

Несмотря на неоднозначную реакцию со стороны как депутатов, общественности, так и представителей блогосферы, 19 июня 2017 г. Василий Власов провел заседание «совета блогеров», которое посетили дочь пресс-секретаря президента России Дмитрия Пескова Елизавета и лидер ЛДПР Владимир Жириновский. На заседании рассматривались следующие вопросы: «об установлении формата работы с представителями русскоязычного сегмента интернета», «об актуальных проблемах, волнующих интернет пользователей», «о предложениях и изменениях в действующее законодательство в сфере IT индустрии»⁴⁰.

Фактически конструктивной дискуссии ни по одному из заявленных вопросов повестки дня не состоялось.

Некоторые пришедшие блогеры честно признавались, что не понимают, зачем их пригласили. «Я не очень понимаю, что я должен сказать. Очень долго думал, приходить сюда или нет. Многие из нашей аудитории специфически относятся к Госдуме вообще и ее представителям в частности, – сказал шеф-редактор сообщества «Лентач» Даниил Фимин, когда ему дали слово. – Я за столом сижу больше как журналист: посмотреть, послушать, что вы скажете»⁴¹.

Напоследок депутат В. Власов заявил, что хотел бы собрать из блогеров экспертный совет – совещательный орган при думском комитете по делам молодежи. Как этот инструмент будет добиваться конкретных результатов, так никто и не объяснил.

Несмотря на неоднозначную реакцию представителей власти, блогосферы, общества, прошедшее мероприятие демонстрирует не что иное, как факт вынужденного признания со стороны высшей власти возможностей и влияния интернет-аудитории, заявление о готовности выстраивать с ней диалог. Налаживание контактов и попытка привлечь «лидеров мнений» к работе с молодежью – попытка создать еще один «рычаг давления» на просторах рунета. Эта мысль также подтверждается в результате анализа законодательной базы, в которой совершенно четко прослеживается принятая государством тенденция построения ограничительных барьеров в русскоязычном сегменте сети Интернет.

Примечания

- 1 См.: Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015.
- 2 См.: Вилков А. А., Казаков А. А. Политические технологии формирования имиджей России и США в процессе информационно-коммуникационного взаимодействия (на материалах «Российской газеты» и «Вашингтон Пост» 2007–2008 гг.). Саратов: ИЦ «Наука», 2010; Вилков А. А., Некрасов С. Ф., Россошанский А. В. Политическая функциональность современных российских СМИ / под ред. А. А. Вилкова. Саратов: Саратовский источник, 2011; Кузнецов И. И. Рунет как часть российского электорального пространства // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 68–77; Медиакратия: современные теории и практики / под ред. А. С. Пуя, С. С. Бодруновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013 и др.
- 3 См.: О связи: федер. закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 28, ст. 2895.
- 4 См.: Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1), ст. 3448.
- 5 См.: О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 28 июля 2012 г. № 139-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 31, ст. 4328.
- 6 См.: Постатейный комментарий и предложения по поправкам к законопроекту № 89417–6 // Российская ассоциация электронных коммуникаций: [сайт]. URL: http://raec.ru/upload/files/popravki-89417-6_280612.pdf (дата обращения: 23.01.2018).
- 7 Заявление членов Совета в отношении законопроекта № 89417–6 «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию”» // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека: [сайт]. URL: <http://www.president-sovet.ru/documents/read/47/> (дата обращения: 23.01.2018).
- 8 См.: Новый закон угрожает свободному Интернету // Google Россия: [блог]. URL: <https://russia.googleblog.com/2012/07/blog-post.html> (дата обращения: 23.01.2018).
- 9 О законопроекте № 89417–6 // Яндекс: [блог]. URL: <https://yandex.ru/blog/company/48073> (дата обращения: 23.01.2018).
- 10 См.: Забастовка русской Википедии // Википедия: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Забастовка_русской_Википедии (дата обращения: 23.01.2018).
- 11 См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях: федер. закон от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 27, ст. 3479.
- 12 Интернет-компании критикуют антипиратский законопроект депутатов ГД // РИА «Новости»: [сайт]. URL: <https://ria.ru/society/20130613/943211875.html> (дата обращения: 23.01.2018).
- 13 См.: Электронные библиотеки устроили забастовку против антипиратского закона // Lenta.ru: [сайт]. URL: <https://lenta.ru/news/2013/07/02/flibusta/> (дата обращения: 23.01.2018).
- 14 См.: О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: федер. закон от 28 декабря 2013 г. № 398-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 52 (ч. 1), ст. 6963.
- 15 См.: Путин подписал закон о внесудебной блокировке экстремистских сайтов // KM.RU: [сайт]. URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2013/12/30/vladimir-putin/729095-putin-podpisal-zakon-o-vnesudebnoi-blokirovke-ekstremistsk> (дата обращения: 30.01.2018).
- 16 См.: О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: федер. закон от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 19, ст. 2302.
- 17 См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 23 мая 2015 г. № 129-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 21, ст. 2981.
- 18 См.: О внесении изменений в статьи 13.15 и 20.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 2 мая 2015 г. № 116-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 18, ст. 2619.
- 19 См.: О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29 (ч. 1), ст. 4390.
- 20 См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления

- дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности : федер. закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 28, ст. 4559.
- 21 См.: Кто может заработать на законе Яровой. Больше всего шансов у «Ростеха» и «Ростелекома» // Ведомости : [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/08/22/653895-kto-zarabotaet-zakone-yarovo> (дата обращения: 02.02.2018).
- 22 См.: Конституцию хотят защитить от антитеррора // Коммерсант.ru : [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2961107> (дата обращения: 02.02.2018).
- 23 См.: Глава Минкомсвязи признал, что из-за «пакета Яровой» связь может подорожать на 300% // NEWSru.com : [сайт]. URL: <http://www.newsru.com/russia/30jun2016/mincom.html> (дата обращения: 02.02.2018).
- 24 См.: Против людей, а не против террористов : Почему новые законопроекты Яровой и Озерова – это очень плохо // Meduza : [сайт]. URL: <https://meduza.io/feature/2016/05/13/protiv-lyudey-a-ne-protiv-terroristov> (дата обращения: 02.02.2018).
- 25 Putin's War on Prayer // The Wall Street Journal. July 7, 2016. URL: <https://www.wsj.com/articles/putins-war-on-prayer-1468451342> (дата обращения: 02.02.2018).
- 26 См.: О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 23 июня 2016 г. № 208-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 26 (ч. I), ст. 3877.
- 27 См.: Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // Официальный интернет-портал правовой информации. 6 декабря 2016 г. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.02.2018).
- 28 См.: О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : федер. закон от 1 июля 2017 г. № 156-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 27, ст. 3953.
- 29 См.: О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : федер. закон от 29 июля 2017 г. № 276-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 31 (ч. I), ст. 4825.
- 30 О внесении изменений в статьи 10.1 и 15.4 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : федер. закон от 29 июля 2017 г. № 241-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 31 (ч. I), ст. 4790.
- 31 См.: О внесении изменений в статьи 10.4 и 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статью 6 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» : федер. закон от 25 ноября 2017 г. № 327-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 48, ст. 7051.
- 32 См.: О YouTube // YouTube : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/intl/ru/yt/about/> (дата обращения: 02.02.2018).
- 33 См.: «Яндекс» больше не единственный интернет-ресурс, который превзошел телеканалы по охвату // Ведомости : [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/09/13/656674-yandeks-telekanali-ohvatu> (дата обращения: 02.02.2018).
- 34 В Госдуме ответили на идею создать при парламенте совет блогеров // РБК : [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/592d2b849a79478616448a52?from=materi> (дата обращения: 02.02.2018).
- 35 См.: Лайк, шер, мандат : как в Госдуме делили блогеров // RT на русском : [сайт]. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/401529-gosduma-zasedaniya-blogery> (дата обращения: 02.02.2018).
- 36 См.: Совет блогеров при Госдуме // LiveJournal : [сайт]. URL: <https://varlamov.ru/2415417.html> (дата обращения: 02.02.2018).
- 37 Володин напомнил депутатам о зарплате в ответ на идею о «совете блогеров» // РБК : [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/06/2017/594107809a79473eb9adf5df> (дата обращения: 02.02.2018).
- 38 См.: Юрий Дудь в Твиттере. URL: <https://twitter.com/yurydud/status/873251348468211713> (дата обращения: 02.02.2018).
- 39 Новости из рубрики #ТакПобедимъ (комментарий блогера BadComedian) // [BadComedian] : сообщество в социальной сети «ВКонтакте» : [сайт]. URL: https://vk.com/wall-25557243_2598174 (дата обращения: 02.02.2018).
- 40 См.: Большинство популярных блогеров проигнорировало Совет блогеров в Госдуме // РБК : [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/06/2017/5947e6469a794764344b7a27> (дата обращения: 02.02.2018).
- 41 «Сюда никто не ворвется» : как видеоблогеры собрались на совет в Думе // BBC. Русская служба : [сайт]. URL: <http://www.bbc.com/russian/features-40332921> (дата обращения: 02.02.2018).

Образец для цитирования:

Пивоваров В. А. Политико-правовое регулирование интернет-пространства в современной России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 225–231. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-225-231.

Cite this article as:

Pivovarov V. A. Political and Legal Regulation of the Internet Space in Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politologiya*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 225–231 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-225-231.

УДК 323.173

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ЦЕНТРОМ И КАТАЛОНИЕЙ В ИСПАНИИ: АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

А. Р. Зарипова

Зарипова Айгуль Раисовна, ассистент кафедры политологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, zaripovaai92@mail.ru

Статья посвящена региональному конфликту Испании и Каталонии. История противостояния насчитывает несколько столетий, но на данный момент стремление региональных властей к независимости автономной области привело к эскалации конфликта. В данной статье с использованием дискурс-анализа определяются основные линии позиционирования сторон конфликта, а также выявляются скрытые дискурсивные подтексты в высказываниях сторон конфликта. В центре внимания автора находятся публичные выступления представителей конфликтующих сторон, затрагивающих тему противостояния Испании и Каталонии. Исходя из полученных результатов дискурс-анализа высказываний ведущих участников конфликта между испанскими властями и автономной областью Каталония, автор выявляет основные цели и намерения сторон-участников конфликта накануне проведения референдума о независимости региона в октябре 2017 г.

Ключевые слова: каталонский сепаратизм, референдум, дискурс-анализ, региональный конфликт.

The Conflict between Center and Catalonia in Spain: Political Discourse Analysis

A. R. Zaripova

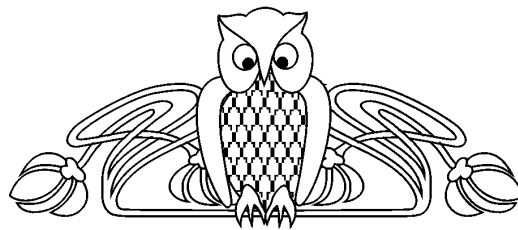
Ajgul R. Zaripova, ORCID 0000-0002-5810-5986, Kazan (Volga region) Federal University, 18, Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russia, zaripovaai92@mail.ru

The article is devoted to regional conflict between Spain and Catalonia. The confrontation has a long history, but nowadays the desire of the regional authorities to independence has led to an escalation of the conflict. The article defines the main lines of positioning and reveals hidden discursive subtexts in the statements of the conflict participants. The author focuses on public statements connected with the confrontation between Spain and Catalonia. The results of the discourse analysis of the statements of the leading participants in the conflict between the Spanish authorities and the autonomous region of Catalonia help to reveal the main goals and intentions of the conflict participants before the Catalan independence referendum of October 2017.

Key words: Catalan separatism, referendum, discourse analysis, regional conflict.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-232-237

Каталонский сепаратизм, активизировавшийся в последние десятилетия, имеет глубокие исторические и культурные корни. Борьба за национальное самоопределение и суверенитет является необходимой потребностью и воспри-

нимаемая каталонским народом как восстановление исторической справедливости. Вопрос о независимости для Каталонии оставался всегда актуальным для региональной политической элиты, которая стремилась вернуть утраченную независимость. На протяжении периода существования в составе Испании регион боролся за культурную, экономическую и политическую самостоятельность. Но в связи с нехваткой политических ресурсов и рычагов влияния на центральные власти сепаратистские стремления чаще всего замещались требованием расширения прав региона в составе Испанского государства. После падения режима Франко региональные власти, несмотря на свое желание расширить политические полномочия, ориентировались на мирное сосуществование с центральными властями, стремились к нахождению компромисса.

Начало XXI в. можно охарактеризовать как поворотный момент в развитии отношений между центром и регионами в Испанском государстве. Возникли предпосылки, создавшие базу для формирования сепаратистских настроений – как в обществе, так и среди региональной элиты.

Разразившийся в начале XXI в. экономический кризис стал импульсом к пробуждению сепаратистских настроений среди населения Каталонии. Общественная поддержка позволила региональным властям открыто заявить о непринятии политики центра и желании отделиться от Испании и получить статус независимого государства.

Ухудшение экономического положения страны в целом, отказ Мадрида предоставить налоговую независимость (право Каталонии самостоятельно определять сумму отчислений в государственный бюджет) пробудили среди каталонской общественности сепаратистские настроения. Проявления экономического кризиса (меры жесткой экономии, сокращение бюджетных расходов на социальные программы) сыграли на руку сепаратистам, которые внушают населению идею о том, что выход из Испании обеспечит региону и выход из кризиса. Региональные власти открыто заявляли: «Мадрид нас грабит», создав среди общественности мнение о том, что Каталония отдает в общегосударственный бюджет больше других автономий, а центр перечисляет в региональный бюджет суммы, куда меньше, чем остальным регионам. Центр на все требования региональных властей позволить оставлять большую часть собираемых налогов в региональном бюджете ответил отказом, что по-

служило началом многолетнего противостояния испанских и каталонских властей. Несмотря на то, что в основе конфликта лежат политические и экономические противоречия региональной и национальной элит, каталонские власти активно используют этнический фактор как аргумент в пользу независимости региона.

Становится очевидной социальная ориентация конфликта Испании и автономной области Каталония. Поэтому крайне актуально изучить дискурс как отражение установок и намерений ведущих социально-политических акторов. Такое понимание дискурса позволяет выявить цели, намерения сторон конфликта посредством анализа публичных выступлений представителей конфликтующих сторон.

Для проведения анализа были отобраны политические акторы, имеющие прямое отношение к конфликту центральных и региональных властей. Разнообразие форм высказываний, включенных в текстовый массив, потребовало особого подхода к субъектам конфликта. Для удобства интерпретации были сформированы два многокомпонентных субъекта – стороны конфликта (Каталония – S_1^1 , Испания – S_2^2). Интерес представляли высказывания как институционализированных субъектов (парламент, партия и т. д. – т. е. мнение совокупной группы, а не конкретного человека), так и конкретных персон – значимых участников политического конфликта. Такое деление субъектов было необходимо для удобства анализа высказываний. Дискурс персональных субъектов выражался в прямой речи, тогда как институциональным субъектам свойственна косвенная и опосредованная речь. В этом случае высказывания и заявления производятся не от конкретного лица, а от социального института.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом с января 2016 г. до 1 октября 2017 г. – с момента формирования нового правительства Каталонии во главе с К. Пучдемоном до проведения референдума о независимости Каталонии.

Источником эмпирического материала для дискурс-анализа послужили сайты популярных испанских и каталонских печатных изданий ABC³, El Pais⁴, La Vanguardia⁵, а также новостные порталы Catalan news agency⁶, включающие в себя как печатные, так и видеоматериалы.

В исследуемый текстовый массив вошли 79 текстовых и видеоматериалов. Прежде чем перейти к дискурс-анализу, важно обозначить общие линии позиционирования сторон конфликта по наиболее важным и актуальным вопросам. В таблице представлены вопросы, по которым субъекты конфликта занимают кардинально противоположные позиции.

При анализе текстового массива все высказывания субъектов могут быть поделены на несколько проблемных вопросов-позиций, которые будут образовывать линии противоречий каталонских и испанских властей. К таким проблемным вопросам можно отнести следующие:

- 1) организация и проведение референдума в Каталонии в 2017 г.;
- 2) статус каталонского народа;
- 3) коллизия принципов права нации на самоопределение и сохранения целостности государства;
- 4) расширение полномочий региональных властей Испании;
- 5) экономическая самостоятельность автономной области Каталония.

Для раскрытия всех проблемных вопросов, обозначенных в текстовом массиве, обратимся к методике дискурс-анализа. Когда речь заходит о дискурсе, происходит «построение и восприятие текстов через осмысление стоящих за ними социальных ситуаций»⁷. Любая коммуникация должна рассматриваться через призму социальной ситуации, в которой она была произведена.

Хабермас уточняет, что дискурсом может считаться коммуникация, происходящая лишь в публичной сфере, за пределами межличностного взаимодействия⁸. СМИ, индивидуальные и институциональные политические акторы об-

Основные линии позиционирования конфликтующих сторон

Каталония	Испания
Требование переговоров	Отказ участвовать в переговорах с сепаратистами
Защита гражданских прав каталонского народа	Защита единства Испании и борьба с антиконституционными действиями каталонцев
Требование налоговых полномочий	Отказ в требовании предоставления Каталонии налоговых полномочий
Каталония кормит Испанию	Вклад Каталонии в испанский бюджет не столь значителен.
Право проголосовать на референдуме – это признак демократического общества	Референдум – одностороннее решение каталонских властей, самоуправство
Каталония развивается. Необходимо реформировать отношения с Испанией	Модель отношений с Каталонией должна сохраниться такой же, что и была всегда
Применение закона для преследования защитников интересов Каталонии – преступление против каталонского народа	Любые конституционные инструменты применимы для защиты целостности государства

ладают достаточными ресурсами в сфере коммуникации. Следовательно, осуществляемая между ними коммуникация может транслироваться на большие массы людей. Поэтому такая коммуникация приобретает общественно значимый смысл и способна изменять социальную реальность.

Участвуя в формировании социального дискурса, можно оказывать влияние на политическую ситуацию и все социальные процессы, происходящие в государстве. «Успешно сконструировав публичный дискурс относительно тех или иных событий, та или иная политическая (общественная) сила может консолидировать общество вокруг своей позиции»⁹. Поэтому важно раскрыть публичный дискурс вокруг значимых общественно-политических ситуаций.

Понятие дискурса является многозначным и сложным с точки зрения трактовки, что во многом ведет к тому, что дискурс-анализ представляет собой не столько метод, сколько методологию, базирующуюся на прочной социально-конструктивистской точке зрения на социальную реальность¹⁰.

Методика дискурс-анализа достаточно обширна, поэтому было решено ограничиться двумя уровнями анализа дискурса – определением ключевых линий семантических оппозиций текстового массива и анализом скрытых дискурсивных подтекстов.

Единицами исследования послужили метафоры (красочное, яркое словосочетание, сравнение явления с некоей сущностью, аналогия, концептуальная сущность)¹¹ и лексемы (абстрактная единица морфологического анализа, смысловые вариации слов и словосочетаний, которые включают разные смысловые варианты слова, зависящие от контекста, в котором оно употребляется)¹².

В ходе анализа были рассмотрены ключевые линии семантических оппозиций как со стороны властей Каталонии, так и со стороны испанской власти. Дискурс обеих сторон представляется узконаправленным, характеризующимся обильным количеством метафор, которые используются участниками конфликта для создания негативного образа противника и проведения границ между собой и оппозиционным субъектом.

Семантические оппозиции, использованные каждой стороной, можно разделить на метафоры с негативной и позитивной коннотацией. Метафоры с позитивной коннотацией призваны подчеркнуть правильность принятия стороной определенных решений либо совершения действий, а также подобные метафоры используются с целью сформировать положительный образ и показать субъект в выгодном свете. Метафоры с отрицательной коннотацией направлены на формирование негативного образа конкурирующей стороны, призваны поставить под сомнение, обесценить все действия оппозиции.

Испанские власти характеризуют своих противников как «преступников», «сепаратистов». К. Пучдемон, занимавший пост главы автономии, характеризуется как «обманщик», манипулирующий населением автономии. Референдум оценивается не как волеизъявление народа, а, скорее, лишь как «инструмент пропаганды» и дестабилизации политической ситуации в стране.

В свою очередь, каталонская сторона использует по отношению к себе позитивные эпитеты, характеризуя движение за самоопределение Каталонии как «борьбу за свободу нации», а себя – как «защитников интересов и свободы» региона.

Аналогичным образом строится дискурс каталонской стороны в отношении правительства Испании. Яркая негативная окраска используемых выражений не вызывает сомнений. Каталонцы описывают противников как власть, «утратившую легитимность», «нахлебников, живущих за счет средств каталонского бюджета», а также «продолжателей дела Франко», который пытался унифицировать все регионы, уничтожив этнокультурные особенности.

Чтобы отразить нападки каталонской стороны, власти Испании выстраивают защитную линию метафорического дискурса, размывающую и нивелирующую красочные обвинения в попытке унификации. В качестве оправданий своей политики и отказа поддержки сепаратистских требований региона власти Испании используют по отношению к себе метафору «защитники единства», подчеркивая, что действуют во благо всего государства, тем самым перекрывая, в контексте дискурса, обвинительные метафоры.

Анализ скрытых дискурсивных подтекстов высказываний каждой стороны в медиапространстве проводился путем интерпретации метафор и ключевых лексем, отражающих позиции сторон по отношению к конфликту. Для удобства интерпретации были выделены смысловые подтексты – непосредственное выявление скрытых смыслов высказываний, включая такие аспекты, как подразумевание, намеренное искажение фактов, использование метафор для усиления сообщения, манипулятивную риторику и др.

Исходя из анализа публичного медиапространства испанской и каталонской прессы, можно сделать ряд выводов относительно позиционирования, направленности, а также скрытых подтекстов сообщений испанских и каталонских политических деятелей и публичных организаций.

Всесторонний анализ политического дискурса позволяет однозначно констатировать, что стороны конфликта имеют четкую позицию, понимают свои цели и задачи в конфликте, пытаются максимально реализовать свои требования и не стремятся к проведению переговоров и поиску компромиссов. Даже если в определенных

ситуациях, стороны заявляют о необходимости начать переговоры, эти заявления представляются не более чем популизмом, обусловленным политической конъюнктурой и ожиданиями масс, так как все заявления строятся по схеме *начать переговоры, если*: если противоборствующая сторона первой пойдет на уступки.

Из чего можно сделать вывод о том, что целью подобных заявлений не является поиск компромисса. В дискурсе прослеживается отрицание каталонскими властями возможности участия в переговорах, если центральные власти не пойдут на уступки. *Мы ожидаем предложений от центральных властей* – наиболее частое выражение, которые используют представители региона в условиях кризисных ситуаций. Категория «ожидание» является для каталонских властей чрезвычайно удобной в контексте отказа от активных действий, проведение которых и не являлось изначальной целью конфликта.

Каждая сторона в ответном дискурсе награждает противоположную сторону метафорам-клише, в которых ярко позиционирует свою противоположность, к примеру: *Испанские власти антидемократичны – В Каталонии демократия; Каталония богатая – Испания бедная; Каталонские власти обманщики и преступники – Испанские власти следуют конституции и букве закона; Каталония – сепаратисты – Испания за государственное единство* и др.

Каталонские власти строят свою политическую риторику в контексте того, что Каталония – это самостоятельное государство. Смысловой подтекст речей каталонских политиков подразумевает Каталонию как государство, оппозиционное Испании, а не ее часть. В выражении *Мы надеялись, что Испания проявит терпение, понимание и уважение к Каталонии*, местоимение «мы» – олицетворение властей Каталонии, смысловая подмена понятий. Подтекстный смысл выражения таков: *мы надеялись, что власти пойдут на уступки Каталонии и выполнят наши требования*. В высказывании *Каталония не должна оплачивать бесчисленные долги Испании*, указание «Испания» выступает как составной субъект – не испанские власти, а вся Испания, исключая только Каталонию. В то же время риторика, посвященная оценке собственных действий, также несет отпечаток манипулятивности и возвращает нас к обратной подмене понятий. Высказывание *ищем пути выстраивания новых отношений с Испанией* является преподнесением населению политики региона как поиска компромисса с позицией испанских властей: *Мы хотим сотрудничать с Испанским государством*. Выражение «мы хотим» имеет характер намерений, но не действий. «Испанское государство» – во-первых, представляется как позиционирование Каталонии в качестве самостоятельного государства, не входящего в состав Испании, во-вторых, озвучивается оппозиционная позиция региона

не только по отношению к центральным властям Испании, но и ко всему государству.

Испанское правительство ставит в центр своих высказываний метафорические образы, обращаясь тем самым к чувственно-эмоциональным элементам восприятия информации общественностью. Чаще всего к таким элементам прибегают испанские власти, оперируя яркими образами, влияющими на эмоции и вызывающими к истории прошлого и чувству патриотизма, к примеру: *Каталонцы и испанцы одной крови; Мы не ведем переговоров с сепаратистами; Единство Испании превыше амбиций отдельных лидеров*.

Кроме того, центральным концептом выступления представителей и организаций общенационального испанского правительства является концепт «единство», который встречается практически в каждом высказывании и интервью, посвященном каталонскому конфликту. Обращение к идее единства представляется попыткой влияния на чувства патриотизма, гражданского долга и человеческого единения, что, в свою очередь, с точки зрения властей государства, должно предотвратить раскол в обществе. С другой стороны, данный концепт также используется властью с целью оказывать манипуляторное воздействие и скрывать свои истинные задачи. *Единство ценнее диалога* – пренебрежение переговорным процессом, отказ выслушать требования каталонских властей прикрывается тезисом о том, что сам факт наличия таких переговоров ведет к разрушению единства государства. *Все конституционные инструменты сгодятся для сохранения испанского единства* – подчеркивание ограничения используемых испанскими властями методов Конституцией Испании; предполагается недопущение использования инструментов, запрещенных Конституцией Испании

Еще одной особенностью политического дискурса центральных испанских властей является использование угроз, а также метафор, направленных на запугивание сторонников каталонской независимости

Мы используем все инструменты для защиты суверенитета Испании – употребление в предложении словосочетания «все инструменты» предполагает возможность со стороны центральных властей использовать в отношении Каталонии даже силовые методы с целью подавления сепаратистского движения. *Каталония – несuverенный и нелегальный субъект* – подчеркивается отсутствие реальной самостоятельности у автономной области Каталония, а также нелегальность ее как самостоятельного субъекта политических отношений. *Независимая Каталония станет легкой мишенью для террористов* – носит предупреждающий характер, семантический смысл предложения – угроза, запугивание каталонских властей угрозами террористических атак в случае выхода из состава Испании.

Высказывание *Каталония лишится членства в Европейском союзе* становится одним из наиболее часто повторяющихся аргументов испанских властей, которые адресуют его не только каталонским властям, но и представителям ЕС, подчеркивая необходимость поддержки позиции Мадрида со стороны Брюсселя.

Важным подтекстом всех высказываний и сообщений каталонской стороны является тема расширения финансово-экономической независимости региона. Сообщения, посвященные взаимодействию и переговорам с центральными властями, всегда содержат экономическую тему. К примеру: *Мы согласны на переговоры в случае, если Испания пересмотрит налоговую политику в отношении Каталонии; Мы требуем от испанских властей принятия нового бюджета Каталонии; Каталония больше не будет кормить Испанию; Компромисс возможен в случае удовлетворения экономических требований; Каталония не должна оплачивать бесчисленные долги Испании.*

Структура предложений выверена, в словосочетаниях четко расставлены акценты. В данном случае как в дискурсе каталонских властей, так и в речах представителей Каталонии акценты расставлены на экономические требования, которые, судя по дискурсу, являются первостепенными.

Исходя из анализа речей и сообщений, можно сделать вывод о том, что именно экономические требования являются основной причиной конфликта. Целью каталонской стороны представляется расширение экономических полномочий, пересмотр бюджетно-налоговой политики. Власти Испании, в свою очередь, не придают значения экономическим требованиям, считая основной причиной разрастания конфликта политику каталонских властей, направленную на расширение собственных полномочий и узурпацию власти в регионе. Подчеркивается неправомерность и антидемократичность намерений провести референдум о независимости региона. Характеризуя дискурс, можно отметить, что обе стороны конфликта отрицают возможность достижения компромисса по вопросам проведения референдума.

Стилистика и характер эпитетов, используемых испанской стороной, позволяет сделать вывод о том, что в дискурсе испанской стороны не отрицается возможность применения насилия, если ситуация в регионе выйдет из-под контроля центральных властей. В то время как дискурсу акторов, представляющих интересы Каталонии, свойственно представление конфликта как борьбы за демократию и возможность мирного выражения интересов каталонского народа. Отсутствие ярко окрашенных негативных высказываний и жесткой направленности на результат говорит о недопустимости сведения движения за самоопределение к насильственному процессу.

Адресатами политического дискурса каталонских властей выступают не только испанские власти, но и все мировое сообщество, на поддержку которого надеются каталонские власти.

Выявленные особенности политического дискурса, характерного для отношений автономной области Каталония и Испании накануне проведения референдума о независимости региона, позволяют сделать вывод о наличии противоположной политической мотивации и различного смыслового позиционирования сторон, что, в свою очередь, показывает невозможность достижения консенсуса на данном этапе развития конфликта.

Примечания

- ¹ Субъект S₁: политический альянс «Вместе за “Да”», в который вошли Европейская демократическая партия Каталонии, «Каталонские демократы», Республиканская левая партия Каталонии; Парламент АО Каталония; Правительство АО Каталония; Глава АО Каталония Карлес Пучдемон; вице-президент, лидер Левореспубликанской партии Каталонии Уриол Хункерас; бывший глава АО Каталония, лидер Европейской демократической партии Каталонии Артур Мас; лидер партии «Каталонские демократы» Нурия Гисперт; мэрг. Барселона Ада Колау; министр иностранных дел Каталонии Рауль Ромева; спикер парламента Каталонии Карме Форкадел; лидер общественной организации «Каталонская национальная ассамблея» Хорди Санчез; руководитель Ассоциации муниципалитетов Каталонии Микель Буч; руководитель Ассоциации муниципалитетов за независимость Неус Льоверас; официальный представитель правительства Каталонии Жорди Турул.
- ² Многосоставный субъект S₂: Правительство Испании, Парламент Испании, Конституционный суд Испании, Народная партия, Испанская социалистическая рабочая партия, партия «Граждане», партия «Мы можем»; премьер-министр Испании, лидер правящей «Народная партия» Мариано Рахой; лидер Испанской социалистической рабочей партии Педро Санчес; лидер партии «Подemos» («Мы можем») Пабло Иглесиас Туррион; лидер партии «Граждане» Алберт Ривера; заместитель премьер-министра Испании Сорайя Саенз де Сантамария; министр юстиций Испании Рафаэль Катала Поло; министр внутренних дел Испании Хуан Игнасио Зойдо; министр обороны Испании Мария Долерс Коспедаль; официальный представитель правительства Испании в АО Каталония Иньего Мендес де Виго.
- ³ См.: ABC.es. El gran periódico español. URL: <http://www.abc.es>.
- ⁴ См.: EL PAÍS : el periódico global. URL: <http://elpais.com>.
- ⁵ См.: LaVanguardia.com. Noticias, actualidad, participación, servicios, entretenimiento y última hora en Catalunya, España y el mundo. URL: <http://www.lavanguardia.com>.
- ⁶ См.: Catalan News. URL: <http://www.catalannewsagency.com>.
- ⁷ Дейк Т. А. ван. Язык, познание и коммуникация : пер. с

- англ. / сост. В. В. Петрова ; под ред. В. И. Герасимова. М. : Прогресс, 1989. С. 161.
- ⁸ См.: *Хабермас Ю.* Отношение к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7, № 1. С. 11
- ⁹ *Тарнавский А. А., Филатова О. Г.* Анализ публичного дискурса в российских социальных сетях вокруг конфликта в Донбассе // Государство и граждане в электронной среде : теория и технологии исследований : сб. науч. ст. XVIII объединенной конференции «Интернет и современное общество» IMS-2015 (Санкт-Петербург, 23–25 июня 2015 г.). СПб. : Университет ИТМО, 2015. С. 143.
- ¹⁰ См.: *Филлипс Н., Харди С.* Что такое дискурс-анализ? / пер. Е. Кожемякина. URL: <http://discourseanalysis.org/ada1/st4.shtml> (дата обращения: 15.10.2017).
- ¹¹ См.: Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М. : Большая рос. энцикл., 2002. 709 с. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html> (дата обращения: 15.10.2017).
- ¹² Там же.

Образец для цитирования:

Зарипова А. Р. Конфликт между центром и Каталонией в Испании: анализ политического дискурса // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 232–237. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-232-237.

Cite this article as:

Zaripova A. R. The Conflict between Center and Catalonia in Spain: Political Discourse Analysis. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 232–237 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-232-237.
